

Жак Тати

Rammstein: будет больно

Вместо предисловия

«Танцевально-металлическая» команда из Германии под названием Rammstein, широко известная за пределами своей исторической родины, за последние десять лет завоевала сердца любителей тяжелого жанра во всем мире, в том числе и в России. В чем секрет успеха шестерых немецких бюргеров, поющих на своем грубоватом и непонятном для большинства слушателей языке, поигрывающих на сцене накачанными мускулами и заливающих концертные залы морем отнюдь не бутафорского огня? Ответов на этот вопрос — великое множество. Тут и мощнейшая, чудовищная, зубодробильная энергетика, и незабываемое сценическое шоу, и красивейшие видеоклипы, полные неожиданных поворотов сюжета, и, самое главное, неповторимая, замешанная на какой-то музыкальной тоталитарности смесь немецкого языка и жесткого ударного ритма, не терпящая возражений и загоняющая слушателя в строгие колонны поклонников группы. Немаловажную роль, безусловно, играет и имидж шестерых участников коллектива: Рихарда Круспе, Оливера Риделя, Кристофа Шнайдера, Кристиана Лоренса, Пауля Ландерса и, наконец, Тилля Линдеманна — бессменного солиста группы.

Мнения о Rammstein кардинально расходятся: одни считают их слишком грубыми, скандальными, сексуальными и женоненавистническими — и всячески отрицают. Другие восхищаются их уникальным сценическим шоу, фантастическими видеоклипами, суровым и brutальным содержанием текстов. Третьи обвиняют их в праворадикальных и даже нацистских взглядах, вменяя в вину музыкантам выходки (честно говоря, далеко не всегда безобидные) их ошалевших поклонников.

Но как бы то ни было, группа, чьи песни уже давно заняли верхние строчки хит-парадов во всем мире, чья музыка звучит в культовых фильмах и рекламных роликах, группа, которой солидные музыкальные (и не только) журналы посвящают первые полосы, заслуживает пристального внимания и изучения.

То обстоятельство, что этот феномен зародился в чем-то близкой нам по духу Восточной Германии (ГДР), объясняет особый интерес к Rammstein в России. Выросшие в соцлагере и впитавшие с молоком матери все прелести социализма, музыканты Rammstein сумели их трансформировать в музыкальный продукт, который покорила сердца миллионов слушателей как на Западе, так и на Востоке. Группа заняла поистине уникальное положение, став наиболее ярким музыкальным проектом воссоединенной Германии.

Гудбай, Ленин

Итак, восьмидесятые годы, Германская Демократическая Республика: Берлинская стена, железный занавес — место, прямо-таки созданное для подавления любого артистического и творческого самовыражения. Разделенные семьи, тотальный контроль под неусыпным оком Штази (местный КГБ), свой комсомол и так далее. Воспоминания одного из участников группы: «Дома мы могли получать лишь случайную информацию о больших западных рок-группах. Мы не имели пластинок, а записи если и доходили до нас, то во второй-третьей копии». Не правда ли, что-то знакомое всем россиянам старше 30?

Группа, впоследствии названная Rammstein, была образована в начале 1993 года Рихардом Круспе, Тиллем Линдеманном и Кристофом Шнайдером.

Преданному поклоннику Rammstein наверняка интересно узнать об истоках творчества brutальных немцев. Попробуем хотя бы отчасти удовлетворить этот справедливый интерес, погрузившись в до-раммштайновское жизнеописание каждого из участников коллектива.

Начнем с фронтмена группы Тилля Линдеманна, который вот уже пятнадцать лет сочиняет для группы песни.

О жизни Тилля до создания Rammstein в действительности известно мало. Сам он об этом предпочитает особо не рассказывать, а очевидцы «доисторического» периода его жизни давно затерялись где-то в деревенских дебрях Восточной Германии. Но восстановить картину его детства и отрочества просто необходимо, ведь благодаря этому во многом становится понятнее его порой странное, противоречиво-ужасающее, год от года все более многогранное творчество.

Глядя на широкоплечую и мускулистую фигуру Тилля (рост 192 см, вес 90 кг), зритель вправе ожидать от него в обычной жизни громоподобного голоса. Однако, по словам всех, кто с ним общался, Тилль (в отличие от других своих коллег по «звездному цеху») вне сцены ведет себя абсолютно противоположно своему сценическому образу — говорит тихо, глубоким и нежным голосом, да и вообще производит впечатление человека почти робкого, задумчивого, молчаливого, улыбается редко, не любит светские тусовки и почти никогда не дает интервью. Тилль: «А я и в самом деле как большой ребенок — невоспитанный, но безобидный. Люди думают, что я всегда сильный, взрывной. Это не так. Я чувствительный и легкоранимый, а в любви романтичный и страстный».

Тилль Линдемманн появился на свет 4 января 1963 года в Лейпциге. Отец Тилля Вернер Линдемманн (Werner Lindemann) родился в простой крестьянской семье, окончил сельскую школу. В семнадцатилетнем возрасте в 1943 году был мобилизован в армию, оказался на фронте и сумел выжить, пройдя до окончания войны все круги ада. После войны Вернер взялся за учебу. Стал сельским учителем, затем окончил литературный институт, в шестидесятые стал довольно известным детским писателем, к концу жизни — автором более сорока книг. Некоторые из них, кстати, в середине семидесятых выходили и в русском переводе. В городе Росток (Rostock) в честь него даже названа школа.

Мать Тилля была журналисткой и в 1992—2002 годах работала на радио, кроме того, она неплохо рисовала. Вскоре после рождения первенца творческая семья (надо понимать, «чтобы быть ближе к земле», к источнику вдохновения) перебралась в небольшой рабоче-крестьянский городок Шверин, располагавшийся на севере тогдашней ГДР. Спустя шесть лет в семье произошло пополнение — у Тилля родилась сестренка. Любопытный человек, близко общавшийся с творческими натурами, знает, что люди это, как правило, весьма специфические, порой не отличающиеся уравновешенностью и часто склонные к совершенно неадекватным поступкам. С внешней стороны семья Тилля выглядела абсолютно нормальной и где-то даже типичной для тогдашней Восточной Германии. Но, как это обычно бывает, были там и свои скелеты в шкафу.

Отношения с отцом у Тилля, мягко говоря, не складывались. Детский писатель-фронтовик, говорят, имел взгляды сугубо домостроевские, злоупотреблял горячительным, когда не писалось, и, случалось, пускал в ход кулаки, так что домочадцы частенько попадались под тяжелую отцовскую руку. Наверное, этим во многом объяснялось то, что Тилль с детства считался ребенком замкнутым, тихим, малообщительным и вообще несколько странным. Кроме того, родители в своих творческих изысканиях, видимо, не слишком много времени и внимания уделяли своему чаду. «Родителям было часто не до меня, они оставляли меня одного, и я мог делать все, что хотел», — говорит Тилль.

Детская замкнутость и одиночество (даже постоянная подруга у него появилась только в 18 лет) привели к тому, что юный Тилль накопил в себе большой заряд негативизма, поэтический выход которому он смог дать лишь многие годы спустя. Из книги Вернера Линдемманна можно понять, что особой покладистостью Тилль в детстве не отличался, хотя это по большому счету свойственно многим детям. Интересно, что свои воспоминания отец оставил потомкам в стихотворной форме:

Ich will ihm ein Märchen vorlesen.
Es beginnt wie immer: Es war einmal...
Er fällt mir ins Wort:
Hast du nicht mal ein Märchen von jetzt?

Я хочу прочитать ему сказку.
Она начинается, как всегда: однажды жили-были...
Он меня прерывает:
У тебя нет сказки посовременнее?

Или еще одна цитата:

Ich bin ausser mir,
drohe ihm mit Strafe:
er hat meterlang die Tapete bemalt.
Habe gearbeitet, sagt er.
Bin ich berechtigt
Arbeit zu bestrafen?

Я вне себя,
грожусь его наказать:
он недавно разрисовал целый метр обоев.
Я работал, говорит он.
Вправе ли я
наказывать за работу?

Накал семейных страстей в конце концов достиг апогея, и родители развелись. Когда Тиллю было двенадцать, мать вышла замуж за американца, но полной гармонии в семье это уже не установило. Успехами в школе будущий фронтмен, в общем-то, похвастаться не мог, хотя двоечником никогда не был — так, из середнячков. Литературные и стихотворческие таланты проявились у него значительно позже. В начале он вообще, по собственному признанию, испытывал ко всей литературе и поэзии некоторое отвращение, впрочем, в школьные годы это свойственно многим: «Когда тебя заставляют что-то читать, это никогда не приносит удовольствия. Вместо того чтобы самому что-то выбрать, я всегда слышал: „Напиши что-нибудь о рыцаре на белом коне“. Но такова школа. В конце концов, это надо самому для себя открыть...» Была, как мы теперь знаем, и другая, сугубо личная причина полного отвращения к поэзии: «Мой отец тоже писал стихи, но мне они казались ужасными...» Эта тема отношений с отцом потом нашла многочисленные отголоски в поэтическом творчестве Тилля. По всему видно, что детские переживания оставили глубокую, до сих пор не затянувшуюся рану в его душе.

Испытывая нескрываемое негативное отношение ко всему гуманитарному, Тилль нашел себе другое увлечение — спорт. Как-то так получилось, что он сызмальства увлекался плаванием, и родители, чтобы помочь развитию хоть каких-то способностей отпрыска, а самое главное, чем-то занять, отдали его в специализированную спортивную школу. Тилль: «Прежде всего, я интересовался спортом. Я очень хорошо плавал и поэтому в десять лет поступил в спортивную школу, которая готовила резерв для тогдашней сборной ГДР».

Вот там-то, на водной дорожке, юный Тилль и мог забыть все семейные неурядицы, мог, распрямив набирающие мощь плечи, по-настоящему показать и проявить себя. Энтузиазм и хорошие физические данные вскоре выделили его среди остальных учеников. Едва достигнув совершеннолетия, он, загребая своими уже действительно могучими ручищами, заплыл прямехонько в молодежную сборную страны. Это был его первый серьезный успех.

По мнению тренеров, Тиллю светила блестящая спортивная карьера. Вместе с командой он начал ездить на соревнования в разные города Германии и даже за границу. Сейчас в это сложно поверить, но в те годы, во времена ГДР, поездки за границу были не только увлекательными, но и по-настоящему престижными. Путешествия, масса приключений, медали, успех и слава — что может быть лучше для шестнадцатилетнего подростка! Жизнь казалась веселой и текла как-то сама собой, по намеченной колее. Но не стоит забывать исторический контекст, в котором развивались все эти события. На дворе стоял конец семидесятых — время наиболее мощного и временами просто истерического противостояния двух политических систем, Востока и Запада, время гонки вооружений, железного занавеса и Берлинской стены. Германская Демократическая Республика, быть может, в сравнении с СССР и отличалась некоторой либеральностью в нравах, но в политическом давлении на граждан не отставала. Тут было все для воспитания «правильного» гражданина — и своя пионерия, и свой комсомол, и собственное Штази, которое мало чем отличалось от Большого брата с Лубянки.

В 1978 году Тилль выступал за сборную ГДР на чемпионате Европы по плаванию среди юниоров. В перспективе его ожидала поездка в Москву и участие в Олимпиаде-80. Однако его спортивная карьера

закончилась после одной романтической истории.

Тилль: «Все шло прекрасно до той поры, пока я в шестнадцать лет не поехал на первенство Европы в Рим в составе сборной ГДР. Я был просто очарован Италией. После соревнований я смылся из гостиницы вместе с девушкой, с которой там познакомился. Я только хотел посмотреть город! Мы с ней прогуляли целый день. На следующее утро я вернулся. Но, как оказалось, было уже слишком поздно... Я тогда схлопотал серьезные неприятности, а по возвращении меня несколько раз вызывали в Штази на длительные допросы. То, что я совершил, как оказалось, для них было серьезным преступлением. В тот момент я впервые задумался над тем, в какой все-таки несвободной стране со шпионской системой мы живем. После этой поездки у меня уже не было сомнений на этот счет. Я на все плюнул и стал панком!»

Справедливости ради надо сказать, что была еще одна причина, по которой Тиллю пришлось распрощаться с большим спортом. Во время соревнований он получил травму — повредил мускул на животе, нужно было долго восстанавливаться. Так что решение завязать со спортом пришло как-то само собой. Заканчивая рассказ о спортивной карьере Тилля, нельзя не отметить его наивысшее достижение на этом поприще — он является вице-чемпионом Европы 1978 года по плаванию и, как говорят, до сих пор любит по утрам устраивать заплывчики на 2500 м.

Однако мы несколько забежали вперед. После развода родителей Тилль с матерью и сестрой остался жить в Шверине, что давало ему возможность посещать любимую спортивную школу. Отец же перебрался в деревню. Несмотря на сложности в отношениях, на каникулах Тилль периодически навещался в отцовскую глухомань. Тут, конечно, до рукоприкладства уже не доходило (теперь Тилль мог хорошенько ответить папаше). Благодаря книге Вернера Линдемманна «Майк Олдфилд в кресле-качалке» («Mike Oldfield im Schaukelstuhl») до нас дошли некоторые подробности взаимоотношений отца и сына, ярко характеризующие тот период в жизни Тилля. Надо отметить, что деревня манила Тилля не только свежим воздухом и живописными ландшафтами, но (и, наверное, прежде всего) «отцовской вольницей». Тут можно было чувствовать себя свободным и пускаться во все тяжкие. Как мы уже знаем, до восемнадцати лет отношения с противоположным полом у Тилля не особенно ладились, причиной чему были его природная скромность и застенчивость. Но после восемнадцати, как говорится, понеслось. У Тилля уже была постоянная подруга в городе, но, приехав в деревню, он стал ей откровенно изменять. Это и бросилось в глаза папе, который, безусловно, не мог обойтись без нравоучений. Но и Тилль к тому времени был уже не лыком шит.

Из книги Вернера Линдемманна: «Мы перетаскиваем сухие дрова в сарай. Удобный случай, чтобы еще раз навести разговор на дочку лесничего.

— Две девушки в одно и то же время — разве это хорошо?

На что мой сын предлагает два блестящих ответа. Сначала анекдот, который он якобы от кого-то слышал: исповедник порицал Генриха IV за его многочисленные любовные связи. Тогда король приказал целыми днями кормить духовника одними куропатками, так что тот в конце концов стал жаловаться. А Генрих ему ответил: „Я просто хотел проиллюстрировать необходимость разнообразия“. „А во-вторых, — добавляет он потом, — у тебя самого, говорят, временами и по три одновременно бывало...“»

Отец Тилля умер в 1993 году, по слухам, от сильного перепооя. Причем произошло это, если верить тому же источнику, в церкви, и делаются предположения, что именно этому событию посвящена песня с первого альбома Rammstein «Heirate Mich». Но правда ли это, можно лишь гадать.

Проведя половину детства в деревне, Тилль, естественно, не мог не освоить многие типично сельские профессии. Его рабоче-крестьянская карьера началась задолго до спортивной с изучения столярного дела, впоследствии он освоил специальности плотника и корзинщика.

К земле Тилля, видно, тянуло, поэтому стоит ли удивляться, что, несмотря на ранний возраст, он вскоре покинул родительский дом, каким-то чудным образом прикупив себе в околешверинской деревеньке под названием Вендиш-Рамбов (Wendisch Rambow) домик, а чуть позже и машину — знаменитый «трабант». На селе, как известно, ценятся люди, умеющие работать руками, и плотницкое дело позволило молодому крестьянину начать самостоятельную жизнь.

Нельзя забывать про музыкальные увлечения Тилля в этот период. На дворе были стремительно меняющиеся жизнь девяностые. Разрушена Берлинская стена, жажда перемен сменилась полнейшим смятением в умах и страхом перед неизвестным капиталистическим будущим. Хаос в молодых головах вытолкнул панк-рок из народных глубин прямо на сцену. Увлёкся им и Тилль. За простым прослушиванием последовало вполне естественное желание научиться на чем-нибудь играть (о пении тогда речь даже не шла). Вместе со своими многочисленными шверинскими приятелями он частенько вечерами занимался терзанием разных

подвернувшихся под руку музыкальных инструментов. Вскоре освоил барабаны. Начал играть в местных панк-командах. До потомков дошло лишь название последней группы — First Arsch, где Тилль как раз и был барабанщиком.

Пробы поэтического пера произошли у Тилля как раз и в этот период жизни: «Первые тексты я начал писать, когда мне было двадцать восемь — двадцать девять лет. Это были отдельные рванные предложения, частично разрозненные слова, но еще далеко не стихи. Я точно помню, когда и где со мной случилось — замок у Шверинского озера. Взгляд из окна. Полумрак... Вдруг — поцелуй музыки! Я подумал, что это впечатление, которое я просто обязан записать: было бы обидно, если бы эта мысль была потеряна».

Знакомство

Музыкальная тусовка в Шверине была немногочисленной, поэтому, понятное дело, все там друг друга знали. Знали не только своих ребят, но и берлинских. Дружили, вместе пили и играли, ездили друг к другу в гости. Тилль пользовался особым уважением, во-первых, по причине своей молчаливости и полнейшей бесконфликтности, а во-вторых, потому что был одним из немногих, кто имел собственное жилье (где, соответственно, можно было оттягиваться без тормозов) и, что немаловажно, транспорт, на котором можно было разъезжать на тусовки. Кроме того, чистый воздух и деревенские просторы так и влекли к Тиллю многочисленных друзей. Татьяна Бессон (группа Die Firma) вспоминает: «Мы были с Тиллем Линдеманном приятелями, его дом находился в деревне, и мы часто его навещали. Он плел корзины в будке путевого обходчика, там же мы могли репетировать. А потом гуляли часами неподалеку в птичьем заповеднике в полной тишине».

Кстати, на заре туманной юности в группе Die Firma успели поиграть трое из других наших героев: Рихард Круспе, Пауль Ландерс и Кристоф Шнайдер. Расскажем теперь и о них.

Рихард Круспе (Richard Zven Kruspe) по прозвищу Шолле родился 24 июня 1967 года в городе Виттенберг. Можно смело предположить, что причиной последующей закадычной дружбы Рихарда с Тиллем послужило похожее детство обоих. Рихард тоже вырос в не слишком благополучной семье. До семнадцати лет он жил в крошечной деревушке Вайзен (Weisen) с родителями, братом и сестрой в доме, полном кошек и собак. Но вскоре родители развелись, и он оказался в Шверине, в доме своего отчима. Судя по немногословным рассказам Рихарда, нрав отчима тоже не отличался кротостью, и отношения между ними как-то сразу не сложились. Одно из его ярких воспоминаний: «Когда мне было двенадцать, в моей детской комнате висел постер группы KISS. Мой отчим сорвал его со стены и порвал на мелкие кусочки. Я не спал потом всю ночь, но на следующий день склеенный плакат висел на прежнем месте». Надо сказать, что именно группа KISS оказала на будущего гитариста Rammstein самое большое влияние: «KISS для нас были абсолютным феноменом. Они представляли в наших глазах капитализм в чистейшем его виде, и каждый ребенок был заражен KISS, как вирусом. Мы писали „KISS“ на своих тетрадях, и если это попадалось на глаза учителю, можно было запросто вылететь из школы».

Конфликты с отчимом постепенно переросли в настоящую войну, и юный Рихард при любой возможности старался покинуть ненавистный отчий дом: «Порой мне приходилось оставаться на ночь у друга или, еще хуже, ночевать на скамейках в парке, а полиция в это время бегала в поисках меня по всему городу». Положительным влиянием отчима Рихард сейчас считает только одно: «Он сумел привить мне очень важную для музыканта черту: дисциплинированность. Сочинять нужно каждый день, не расслабляясь — для меня теперь это очень важно!» Видя, что Рихард становится все более неуправляемым, родители быстро придумали выход и отдали его в секцию борьбы. Это немного помогло. «Когда я начал заниматься борьбой, — вспоминает Рихард, — меня научили управлять агрессией и злобой. Я тренировался пять дней в неделю и участвовал в соревнованиях по выходным. К сожалению, для победы мне всегда не хватало терпения».

Увлечение музыкой, начавшееся с подражания любимым KISS, постепенно начало перерастать в нечто большее: «Мне было двенадцать, и я постоянно слушал музыку — слева от меня стоял проигрыватель, справа — магнитофон, посередине сидел я и всему этому подпевал. Однажды понял, что у меня есть талант. Тогда я начал упражняться: два года подряд, около шести часов каждый день». Способности Рихарда отмечала и его школьная учительница музыки, которая считала, что у мальчика хорошее чувство ритма и его надо отдать в музыкальную школу.

В результате Рихард стал единственным из рамштайновцев, кто получил музыкальное образование.

Произошло это уже не по родительской указке, а по велению сердца. Толчком послужила полуромантическая история: «Когда мне было шестнадцать, я со своими друзьями побывал в Чехословакии и в конце поездки купил гитару. Сначала я хотел перепродать ее, потому что в ГДР гитары стоили довольно дорого, а деньги для меня были делом не лишним. На обратном пути мы остановились в палаточном лагере. Я сидел около костра, и какая-то девушка попросила меня сыграть. Я объяснил ей, что играть не умею, но она продолжала настаивать. Я взял гитару и начал дергать струны. Чем громче я играл, тем больше ей это нравилось. И тут мне в голову пришла гениальная мысль: девушки любят парней, которые умеют играть на гитарах!» После этого Рихард поступил в музыкальное джаз-училище, которое окончил в двадцатилетнем возрасте, уже вовсю играя в различных группах.

Музыка долгое время оставалась для Рихарда увлечением, а не профессией. Зарабатывать на жизнь приходилось самыми невероятными способами. Как и в Советском Союзе, в ГДР существовала система школьной профессиональной подготовки. Иначе говоря, в старших классах школьник выбирал себе специальность, по которой и проходил обучение раз-два в неделю. Рихард окончил свою школу со специальностью повара, и, хотя надолго он в профессии не удержался, в первые годы полученные навыки ему весьмагодились. За свою трудовую биографию Рихард успел также поработать дальнотойщиком (но после аварии у него отобрали права), мойщиком окон (уволился, потому что боялся высоты), продавцом и даже обувщиком (сам делал тапочки и продавал их на рынке). «Слава богу, хоть руки у меня растут из нужного места, — говорит Рихард, — так что, когда голод берет за горло, я становлюсь неожиданно изобретательным».

В 1989 году в жизни Рихарда произошло важное событие, окончательно определившее его взгляды на жизнь. До падения Берлинской стены оставались считанные месяцы, страна погрузилась в глубокий политический кризис, а столицу захватила волна демонстраций. В одну из них Рихард и угодил по чистой случайности, выйдя из метро. «Я был окружен полицейскими и увезен на грузовике куда-то на окраину города, — вспоминает Рихард. — После часа езды машина остановилась где-то в районе Вайзензее. Там меня держали три дня. Шесть часов я должен был стоять около стены, и если пробовал шевелиться, меня били. Я был совершенно ни в чем не виноват, но это полицию не интересовало. По прошествии трех дней я был полностью „готов“ и решил для себя: хватит. Раньше у меня никогда не было мыслей оставить ГДР. Но тогда мне стало ясно, что я должен отсюда уезжать. Вскоре я бежал в Австрию через венгерскую границу. Мой путь вел в Западный Берлин. Я понимал, что это не самое лучшее решение». Однако внешняя бытовая неустроенность не слишком омрачала тогда настроение Рихарда. Музыка становилась в его жизни все более значимой. Он быстро нашел общий язык с местной музыкальной тусовкой. Начал играть с различными группами, участвовал в многочисленных демо-записях молодых западноберлинских команд. Казалось, все начало налаживаться, но тут дала сбой личная жизнь. Рихард вынужден был расстаться со своей тогдашней подругой Анной Линдеманн (бывшей женой Тилля). Несмотря на то, что Рихард и Анна никогда не были женаты (их общая дочь Кира до сих пор носит фамилию матери), скорее всего, именно эти драматичные события стали причиной того, что в жизни Рихарда наступила полоса глубокой депрессии. Проведя год в Западном Берлине, после падения стены Рихард вернулся на свою родину и снова оказался в Шверине, где играл в местных группах: Orgasm Death Gimmick и в ранее уже упомянутой Die Firma. Именно в этой группе Рихард познакомился с будущим барабанщиком Rammstein Кристофом Шнайдером, а несколько позже — с тогдашним барабанщиком группы «First Arsch» Тиллем Линдеманном.

Кристоф Шнайдер по прозвищу Дум (Christoph «Doom» Schneider) родился 11 мая 1966 года в Берлине в многодетной семье (еще пятеро сестер и старший брат). Дети были от разных пап, так что семейная обстановка в дальнейших комментариях в принципе не нуждается. Тем не менее с родителями Кристофу как раз повезло. Отец был директором Берлинской оперы, мама — преподавателем музыки.

Очевидно, именно в силу засилья женского пола в семье Шнайдер в детстве занимался моделированием собственной одежды, увлекался и другими «девчачьими» играми. Впрочем, вполне возможно, что дело тут не в женском окружении, а в наследственности, ведь фамилия Schneider в переводе с немецкого значит «портной».

Увлечение музыкой началось с того, что Кристофу по наследству от старшего брата перешла ударная установка. Ее-то он и освоил, быстро и весьма успешно. После этого играл с друзьями в нескольких дворовых группах. Кристоф — единственный из рамштайновцев, кому довелось послужить в армии. Вернувшись на гражданку, работал на телефонном узле, а потом, подавшись на природу, два года был грузчиком на горной метеостанции. Спустившись с гор, вернулся к музыке и играл на барабанах в составе все той же Die Firma.

Кристиан Флаке Лоренс (Christian Flake Lorenz) родился 16 ноября 1966 года в Берлине, кроме него в семье были еще два сына. Flake (именно «Флаке» а не английское «Флейк») — его реальное имя, а не псевдоним.

Семья была по гэдээровским меркам довольно благополучной: отец — инженер-конструктор, позже он даже стал директором своего предприятия. Первое знакомство с музыкой у Флаке произошло благодаря радио. Раз в неделю по местному восточному каналу ретранслировали известную музыкальную программу Джона Пила на Би-би-си. Флаке очень скоро подсел на нее и стал постоянным восторженным слушателем. Чуть позже, когда западноберлинские радиостанции усилили свои передатчики и их стало возможно свободно ловить на Востоке, свой любимый рок Флаке слушал уже каждый вечер. Родители этому не препятствовали. Дело в том, что отец Флаке сам когда-то был джазовым музыкантом, и в его годы это увлечение было столь же запретным, как и рок в восьмидесятые. Момент, послуживший толчком к тому, чтобы стать музыкантом, Флаке помнит до сих пор: «Мы устраивали вечеринки в чьей-нибудь свободной квартире, где просто слушали кассеты с любимой музыкой, иногда пуская весь альбом целиком без остановок. Именно так было с первым услышанным мною альбомом Sex Pistols — „Never Mind The Bollocks“. После того как я его прослушал, мне безумно захотелось играть в группе». Начинать юный Флаке с участия в христианской рок-команде. Играли и репетировали в основном в церквях. Церковь была отделена от государства, и это обеспечивало относительную свободу, по крайней мере, полиция репетициям и концертам не мешала. Но для Флаке главным было даже не это. Своего инструмента у юного дарования тогда еще не было, и ему было тогда абсолютно все равно, что играть, лишь бы каждый вечер его руки могли касаться чудесных бело-черных клавиш. Когда Флаке исполнилось двадцать, отец, видя всю серьезность увлечения сына музыкой, купил ему орган «Weltmeister», выложив, надо сказать, почти три свои зарплаты. Орган был далеко не новым (скорее он был ровесником Флаке), но, несмотря на это, звучал просто великолепно.

Увлечение музыкой не помешало Флаке получить медицинское образование. Тем не менее, начав самостоятельную жизнь, зарабатывал он все же руками — работал грузчиком на бойне, а позже «вырос» до слесаря-инструментальщика.

Тем не менее именно его увлечение музыкой нашло применение на так называемой большой сцене раньше остальных будущих участников Rammstein. Он был членом довольно известной восточногерманской панк-группы Feeling B, коллектива, который сделал себе имя еще до падения Берлинской стены. Группа была основана в 1983 году, и уже в 1989-м они оказались первой панк-командой, которой удалось записать и официально выпустить свой альбом, а позже даже засветиться на национальном телевидении. (Пытливый рамштайновед знает, что в репертуаре именно этого коллектива была песня «Тревожная молодость» А. Пахмутовой, исполнявшаяся на чистом русском языке. Два экс-участника Feeling B и привнесли ее в репертуар Rammstein во время российских гастролей группы.)

Вторым участником легендарной Feeling B был гитарист Пауль Ландерс (Paul Landers). Родился 9 декабря 1966 года в Берлине в весьма интеллигентной семье, при рождении получил имя Хайко Пауль Хирше (Heiko Paul Hiersche). Детство провел в Берлине, в районе Баумшюленвег. Его отец был профессором славянских языков и обычно работал дома. Мать преподавала русский язык в школе внешнеэкономических связей. Увлечение родителей славянскими языками было не случайным. Оба они были родом не из Германии — мать родилась в Польше, а отец происходил из немецкоговорящей части Чехословакии.

Учеба Паулю не нравилась с самого начала. «В школе мне всегда было жутко скучно». Кроме того, Пауль был самым маленьким в классе и производил на своих учителей достаточно болезненное впечатление. Примечательно, что целый год Пауль прожил с родителями в Москве, на улице Губкина, напротив универмага «Москва». Это было связано с работой родителей. Пауль учился в школе при посольстве ГДР, в третьем классе. Как это обычно бывает с детьми, он быстро научился говорить по-русски без акцента. Русский не забыт им и до сих пор. Впечатления от жизни в Советском Союзе надолго остались в памяти Пауля. Он смог не только пожить в Москве, но и поехать по стране, даже отдыхал на Азовском море. «Мои родители ездили на рынок раз в неделю, — вспоминает Пауль. — Обычно это длилось целый день, потому что автобус приходилось подталкивать, когда он ехал в гору. А потом папа возвращался с тремя кусками масла — и это было совсем неплохо по тогдашним меркам. С тех пор мой отец видеть не может яйца, потому что тогда мы питались практически только ими. Еще мама готовила „картошку в масле“, просто варила картофелины в кипящем масле — получалась очень интересная еда. Хорошее во всем этом было то, что я получил возможность усвоить несложную истину — некоторых вещей может просто не быть. Вернувшись год спустя в Германию, я уже не мог больше вместе с остальными жаловаться на отсутствие кетчупа или простыней на постели. Я успел понять, что такое настоящая нужда. Возможно, опыт жизни в России стал причиной того, что я не рвался уехать из ГДР — я знал, что мы живем далеко не так плохо, как нам кажется».

Увлечение музыкой пришло к нему не сразу. Старшая сестра занималась на фортепиано, но заинтересовать

Пауля инструментом, несмотря на все попытки, так и не удалось. Учительница музыки постоянно жаловалась на то, что он плохо себя ведет и постоянно отвлекается. Родители Пауля тем не менее проявили упорство: решив, что у него идеальные «руки кларнетиста», они отправили сына учиться играть на кларнете. Но из этого тоже ничего не получилось. Регулярные занятия очень быстро наскучили Паулю, вскоре он бросил и кларнет. Тем не менее под влиянием друзей музыку он слушал регулярно. Одно время увлекался Жан-Мишель Жаром, но в целом поглощал все подряд и поклонником какого-то определенного стиля не был. Когда Паулю было четырнадцать, в отцовском запыленном шкафу он нашел старую гитару. Издаваемые ею звуки не могли оставить его равнодушным. Совсем скоро, к немалому удивлению родителей, Пауль не только научился на ней играть, но и снова сел за фортепиано, даже взялся за сочинительство. Родители были счастливы такому повороту событий, и вскоре Пауль обзавелся своей первой электрогитарой местного производства. После этого он поступил в музыкальную школу, но музыка еще долгое время оставалась для него лишь домашним увлечением.

После школы за компанию с приятелем он пошел в училище, где получил специальность связиста. Когда Паулю исполнилось двадцать, он покинул родительский дом. Прежде чем стать профессиональным музыкантом, он зарабатывал, чем придется — начиная с установки телефонных аппаратов и заканчивая типично рокерской специальностью кочегара в библиотеке. На одной из выездных рок-тусовок на Хандзее (островной немецкий заповедник) он познакомился со своей будущей женой Никки Ландерс. Очень скоро они поженились. Это весьма скоропалительное решение Пауль объясняет сейчас поистине по-панковски: «До того как стать Ландерсом, меня звали Хейко Пауль Хирше, но мне моя фамилия совсем не нравилась! Моя тогдашняя девушка была из Лейпцига, по имени Никки Ландерс, ее-то фамилию я и взял себе. Мы поженились в Берлине, церемония длилась две с половиной минуты. Я хотел этого не из-за церемонии, и даже не из-за фамилии, я хотел быть женатым. Мне это нравилось. Мне было двадцать, но я чувствовал себя двенадцатилетним ребенком, и я сказал себе — послушай, ты женат, в паспорте стоит: ЖЕНАТ! Меня это как-то прикалывало. Мне всегда нравилось не то, что нравится большинству!» Три или четыре года Пауль и Никки жили в нелегально занятой ими квартире на Инвалиден-штрассе — в Восточном Берлине подобный способ приобретения жилья в то время не был чем-то особенным. Теперь очевидно, что свадьба, как, впрочем, и последовавший развод, не были для Пауля ничем, кроме еще одного подтверждения того, что он стал «совсем взрослым».

В 1983 году Пауль на одной из рок-тусовок познакомился с Флаке и Алешей Ромпе. С тех пор долгие годы эта троица не расставалась. Именно они составили костяк ставшей вскоре весьма знаменитой группы Feeling B. Гораздо позже, в 1990-м, к ним присоединился Кристоф Шнайдер. Первые репетиции новоиспеченная команда проводила в обычной квартире. Играли так громко, что соседи постоянно вызывали полицию. Когда у группы набралось достаточно песен для живых концертов, ребята отправились колесить по ближайшим городкам, играя на танцах в районных домах культуры. Новая панк-команда быстро нашла своих верных поклонников. Дело тут было даже не в музыке, а скорее в том, что представлял собой этот коллектив на сцене и вне ее. Достаточно сказать, что концертный костюм Флаке состоял из пионерской пилотки и коротких джинсовых штанишек. Не отставали от товарища и остальные. «Мы собирались по утру и пили пиво, — вспоминает Флаке, — потом загружались в разбитый грузовичок и несколько часов тряслись в нем до места выступления. Готовили сцену и снова пили пиво. Мы часто выпивали столько, что я потом ничего не помнил. Сохранились фотографии, где наш вокалист Алеша, абсолютно пьяный, с микрофоном в руках, лежит на сцене и спит непробудно. В зале испытывали настоящий шок и начинали швырять в нас кружки с пивом. Были случаи, когда мы могли отыграть только первую песню, после чего Алеша уходил за кулисы и пропадал в неизвестном направлении. Мы играли ужасно, и в глубине души нас это удручало, но людям был нужен этот кусочек хаоса». Несмотря на то что группу по большому счету нельзя было назвать профессиональной, она была очень самобытной и веселой, что сделало ее просто идеальной для молодежных пивных панк-вечеринок.

Для полноты картины несколько слов стоит сказать и о лидере, идеологе и вокалисте Feeling B Алеше Ромпе, который постепенно стал, пожалуй, самым ярким представителем рок-культуры ГДР. Алеша родился в Швейцарии, но каким-то неведомым образом на заре своей юности оказался в ГДР. Наличие швейцарского паспорта позволяло ему не только свободно перемещаться с Запада на Восток, но позже не раз спасало группу от полиции и компетентных органов, так как международных скандалов никто не хотел. Алеша, настоящий панк до мозга костей, был в группе вечным заводилой и отличался наиболее забавными поступками. Когда в конце восьмидесятых официальный гэдээровский лейбл предложил Feeling B выпустить первую пластинку, то на запись в студию он привел всех своих друзей. Флаке: «У работников студии чуть не случился инфаркт — вдруг перед дверью оказалось сразу сто панков. Такого там еще не было. Они курили и пили в студии. Но сотрудники

были бессильны перед Алешей. Мы пили как звери. Я облевал стену и пошел спать».

Несмотря на немалую известность коллектива к концу восьмидесятых, начать зарабатывать на жизнь участникам группы удалось лишь после падения Берлинской стены. Вышедшая к этому моменту пластинка сделала группу известной на Западе. На этой волне начали поступать предложения гастролей и записей. В результате представители загадочного и скандального восточного панка побывали с концертами во Франции и США. Впрочем, интерес к группе быстро сходил на нет и о сколько-нибудь серьезной карьере на Западе можно было даже не думать. Постепенно популярность группы начала падать и дома. После ликвидации всех барьеров западная музыка хлынула на просторы восточного соседа, затмив все достижения местной рок-культуры. Официально Feeling B распалась только в 1993 году, когда три ее участника окончательно ушли в будущий Rammstein. За свою историю группа записала три альбома. В 2000 году скончался идеолог коллектива Алеша Ромпе. А в 2007-м Флаке собрал старые записи Feeling B и переиздал их, выпустив альбом «Grün & Blau». В него вошла также книга с историей группы, включающая в себя факсимиле таких уникальных документов, как отчеты Штази о концертах группы и проделках ее участников.

Но вернемся на несколько лет раньше, в околешверинскую деревенскую глухомань. Благодаря недавно вышедшей в Германии книге «Mix mir einen Drink. Feeling B. Punk im Osten» до нас дошли не только некоторые забавные подробности походов и беспорядочного веселья участников Feeling B, но и (что особенно важно для нашего повествования) подробности первого знакомства Флаке и Пауля с Тиллем Линдеманном.

Пауль: «Мы всю ночь катались на машине. Под утро, часов в шесть, мы прибыли в Хоен Вихельн. Заказали кофе, но вместо этого нам принесли полный поднос коньяка и пива, и понеслось... Через четыре часа все были никакие и начали дурачиться. Потом мы, в стельку пьяные, заехали прямо на нашей маленькой машине в Шверинское озеро. Открыв двери, счастливые и довольные, мы вывалились из машины, вода стала затекать внутрь. Мы остались на неделю в деревне. И однажды вечером, когда все забегаловки уже были закрыты, один из нас предложил поехать к своему другу. Дорога была ужасной, среди ночи мы подъехали к какому-то дому. Там два-три человека при свечах пили красное вино. Мы были словно разорвавшаяся бомба и в течение десяти минут подняли весь дом на уши: зажгли свет, врубили музыку на полную громкость, стали танцевать и, так как там не было масла, пожарили яйца в меде. Через неделю мы узнали, что этот дом принадлежал Тиллю Линдеманну. В тот вечер он тоже был там, но мы не обратили на него внимания. Мы просто перевернули его дом».

Флаке: «Пауль, чувствующий себя везде желанным гостем, после того случая еще несколько раз ездил со мной к Тиллю, тогда мы и познакомились с ним по-настоящему. Это была хижина из камыша, Тиллю она принадлежала лишь наполовину. Во второй половине жила старая бабка, которая целыми днями кашляла и подслушивала каждое слово. Скорее всего, Тилль нам понравился больше, чем мы ему. Он был первоклассным парнем, а дом, со вкусом обставленный старой мебелью и всякими железными штуками, которые всегда есть в деревне, смотрелся замечательно. Тилль, как выяснилось, был нашим поклонником».

Тилль, надо сказать, произвел на ребят хоть и благоприятное, но все же довольно странное впечатление.

Флаке: «Он классно выглядел, как здоровенный крестьянин, говорящий одно предложение в час. У него всегда была еда и водка. Он просто воровал где-нибудь пару уток и готовил их на противне. А потом, застывшие, как в „Спящей красавице“, по углам и на сундуках в его доме лежали люди».

С тех пор вся честная компания чуть что приезжала к Тиллю на отдых: слушали новую музыку, делились музыкальным опытом, впечатлениями и просто веселились.

Пауль: «Магнитофон у Тилля и в машине, и дома всегда орал на полную громкость, мне это нравилось. Мы быстро познакомились с другими шверинскими парнями. Они показали нам один трюк: мужик в одиночку толкает „трабант“, а потом на ходу запрыгивает в него. Это общество жизнерадостных людей было совсем не похоже на тот мрак, что был в Лейпциге или Берлине...»

В итоге между ребятами завязалась крепкая дружба, и несколько последующих лет все участники тусовки ездили друг к другу в гости и весело проводили время. Не забывали и о музыке: нередко группы поигрывали вместе на местных клубных концертах.

Спустя много лет журналисты дивились странной сплоченности ребят из Rammstein, на что получали вполне резонное объяснение: «Нам кажется, это потому, что мы выходцы из Восточной Европы. Для нас материальные вещи не так важны, как для остальных. Для нас как раз дружба является главным».

Сохранились интересные воспоминания будущих участников группы о музыкальных способностях Тилля и довольно необычных способах их проявления. Рихард: «Я никогда не видел, чтобы кто-то играл так, как он. Чистая энергия! Когда я думал, что уже все, дальше играть он не сможет, он продолжал». Пауль: «Однажды

Тилль посадил в бас-бочку кур, и когда он начал стучать, они стали выбегать, кудахча, и носиться по двору». Шнайдер: «Он также был известен как „Мясник Вендиша“ (Вендиш — деревня, где он жил). Это было почти живодерство, он брал у крестьян кур и засовывал их в бас-бочку».

Вскоре через Тилля все познакомились и с Рихардом Круспе. Первое впечатление о новом знакомом было тоже весьма забавным. Флаке: «Шолле, то есть Цвен, или Рихард, носил в то время ирокез, выкрашенный в белый цвет, остальные же волосы были черные. Он напоминал хорька. Прическа выглядела отвратительно, но в то же время производила впечатление, это было по-панковски круто. Но парни из Шверина все равно были круче — здоровенные детины, они дрались как звери и всегда могли рассказать забавную историю». Действительно, Шолле был совсем не похож на нынешнего Рихарда: его любимыми прическами в то время были также длинные высветленные дрэды или стрижка со светлым мелированием, которую дополнял длинный хвост на затылке, Тилль однажды окрестил ее «белочкой».

Рихард в тот период играл на гитаре в Die Firma. Хотя, по его собственным словам, особого энтузиазма от этого не испытывал и хотел заниматься совсем другой музыкой.

Тилль, как мы помним, в те времена подвизался барабанщиком в First Arsch. Но у коллектива была вечная проблема — не было нормальных гитаристов. Да и у «звездных» Feeling B, как мы уже упоминали, постепенно наступал творческий кризис. Жизнь резко менялась, ломая старые привычные рамки, перелопачивая судьбы людей. То, что раньше было запрещено или близко к этому, в одночасье оказалось абсолютно свободным и легальным, а значит, теряло заманчивый вкус запретного плода. Эра Feeling B завершалась, и это стало понятно всем участникам коллектива. Пауль: «Feeling B была на Востоке на грани разрешенного. Надо было сделать другую группу „на грани“, только теперь уже на Западе».

Как обычно бывает, вначале никто и не помышлял о создании новой общей группы. Но в постоянном общении, за пивными разговорами и вечеринками очень скоро стало ясно, что все ребята были не удовлетворены работой в своих коллективах и хотели играть совсем другую музыку.

Идеологом и собирателем нового коллектива оказался Рихард Круспе. Для начала он обратился к ближней шверинской братии — к своему соседу Оливеру Риделю и к Кристофу Шнайдеру.

Оливер Ридель (Oliver Riedel) родился 11 апреля 1971 года в Шверине. Его детство было довольно благополучным. Родители были очень молоды, так что особого давления он не чувствовал. К тому же папе с мамой нравилась та же музыка, что и ему. Олли: «Думаю, я был вполне обычным подростком. Ходил, как и все, на дискотеки и слонялся из угла в угол по улице. При этом я был очень стеснительным и на дискотеках никогда не танцевал, просто любил тусоваться». Увлечаться музыкой тоже начал с раннего детства, сам научился играть на гитаре. Как и другие шверинские ребята, «университетов не кончал», начинал с работы в ресторане, затем освоил рабочую профессию штукатура, что и помогало ему в тяжелые годы сводить концы с концами. Чуть позже успел поработать оформителем витрин. При этом свое увлечение музыкой он не оставлял и поигрывал на гитаре в нескольких местных командах. На период знакомства с остальной честной компанией это была группа Inchtabokatables. При своем двухметровом росте и немалом весе Оливер вырос немногословным и очень спокойным. Говорят, что вывести его из себя сложно, но уж если кому-то удастся... Однажды это обстоятельство чуть было не привело его в «места не столь отдаленные». Он просто побил своего соседа за слишком громкую музыку.

Флегматик по натуре, Оливер всерьез увлекся фотографией. А вот спорт предпочитает экстремальный — он просто помешан на серфинге.

Поначалу Оливер не воспринял всерьез предложение Рихарда, особенно когда тот настоятельно предложил Тиллю быть в новой группе вокалистом. Все остальные тоже отнеслись к этой идее как к глупой шутке. Рихард же настаивал и подкреплял свое предложение уверениями, что неоднократно слышал, как Тилль, плетя корзины, напевает что-то себе под нос. Начали репетиции втроем, Тилля предложение стать вокалистом удивило ничуть не меньше, чем остальных ребят. Вскоре его все же удалось уговорить хотя бы попробовать.

Тилль: «Постоянно, занимаясь каким-нибудь делом, я пел, и всегда громко, а Рихард, мой старинный друг, слушал меня часами. Мой голос, как он говорил, его всегда восхищал. Как-то раз он принес кассету с новой супертяжелой музыкой, а мне сказал: „Пой!“ Вначале у меня не было желания всем этим заниматься, потому что я не хотел ехать в Берлин. Рихард уговаривал меня три дня и наконец переубедил. В квартире, которую он тогда делил со Шнайдером, мы проводили первые репетиции. Я должен был постоянно петь под одеялом, так как мой голос будил соседей. Мы втроем и образовали ядро группы».

Кристоф: «Когда к нам присоединился Тилль, это было просто ужасно, он вообще не умел петь. Я тогда подумал: он, конечно, классно выглядит, сильный и мускулистый, но что из этого всего выйдет? Тилль сказал,

что для начала надо выпить, и хлебнул „Корна“ (немецкая водка. — Примеч. автора) прямо из бутылки. Мы дали ему кассету, и дома он записал на нее пару песен на английском. Тогда невозможно было предположить, что однажды он станет замечательным певцом».

Вскоре ребята узнали о Берлинском музыкальном конкурсе для молодых коллективов «Метробит» и подали на него заявку. Необходимым условием участия в конкурсе было наличие демо-записи. При помощи четырехдорожного аппарата и маленького драм-компьютера Тилль записал дома на кассету четыре песни на английском.

Дебют оказался на редкость удачным: группа, в то время не имевшая даже названия, победила в конкурсе и получила в качестве приза право на запись в профессиональной студии. Стало ясно, что состав надо расширять, иначе ничего хорошего из предстоящей записи не получится. Встал насущный вопрос: кого приглашать в группу? Вот тут-то в новорожденном коллективе и начались первые разногласия. Два друга, к тому же профессионала, Пауль Ландерс и Кристиан Лоренс, были под боком и к тому времени абсолютно свободны, но...

Кристоф: «Некоторые, конечно, не хотели работать с Паулем, например я. Последние пять-шесть лет я играл с ним и знал, что это сложный человек. Я заявил, что буду участвовать в группе только при условии, что Пауль не будет играть с нами. Даже ушел из группы... Но я успел привязаться к ним. К тому же Тилль и Рихард хотели видеть нас в своей команде. А Флаке ничего не хотел — только воскресить Feeling B, он вообще всегда держится за старое и не терпит ничего нового».

Флаке: «Я присоединился, когда группа уже существовала. Мне понадобился год на то, чтобы решиться. К тому времени я играл только как гость. Шнайдер — прямолинейный тип, который хочет по-настоящему барабанить, — с ним у меня вообще не было никаких эмоциональных отношений. Рихард не хотел играть с Паулем, так как во втором гитаристе он, конечно же, видел конкурента. Мы друг друга не понимали. Оливеру Риделю было на все наплевать, он ничего не хотел знать. Он пришел из Inchtaborables, просто не хотел больше там играть. Ему хотелось в настоящую группу. Я его немного побаивался — Оливер был странным. Только Тилль мне сразу понравился. Тиллю, конечно же, нравился Пауль, потому что он думал, что из-за Feeling B Пауль является гарантом успеха. Тилль привел его против желания всех остальных. Потом они уговаривали и меня, но я сказал: „Нет, я не буду с вами играть“. Ведь кроме Тилля мне там никто не нравился. С Паулем я играл уже восемь лет, и он действовал мне на нервы. Это происходило уже в тот период, когда мы расстались. Пауль съехал от меня с облегчением. Ведь настоящей причиной ссоры были, конечно же, женщины. Наши жены не понимали друг друга. Это дошло чуть ли не до войны, и мужчинам тоже приходилось во всем этом участвовать».

Рождение новой группы

Вскоре группа в полном составе принялась за репетиции и сочинительство. В процессе совместной работы, как это часто бывает, все внутренние противоречия сами собой начали утрясаться, и всякая напряженность в отношениях не по дням, а по часам уходила в прошлое.

Сочинением музыки занимались коллективно. Группа в тот момент нигде не выступала, играла только на вечеринках у друзей. Денег ни у кого не было, порой не хватало даже на еду. Как признаются теперь сами музыканты, не брезговали они в это время и мелкими кражами. Флаке: «Когда мы работали над первой демо-записью, мы воровали как вороны: заходили в магазин и вытаскивали все, что попадется, так как нам не на что было это покупать. Каждый из нас воровал. На заправке мы воровали водку. Бедный продавец. Один из нас отвлекал его заказом сигарет, и пока тот доставал сигареты, мы тащили бутылки с полок. Если бы там была скрытая камера, нам бы не повезло».

Весь 1994 год участники новоиспеченной команды посвятили репетициям и поискам своего звучания. Все рамштайновцы играли до того в группах с совершенно разными стилями. Собравшись вместе, они скорее знали, какую музыку не хотят играть: «Наш стиль стал совсем не тем, что мы сначала искали, и вышел за рамки понимания. Мы не хотели делать пародию на американскую музыку или что-то похожее на панк. Это должно было стать чем-то, что мы могли бы делать все вместе...» Окончательно найти это «что-то» помогла поездка Тилля и Рихарда в Америку. Ребята отправились за океан, где просто ходили на концерты, общались с коллегами по цеху, смотрели последние достижения в области музыкальной аппаратуры.

Рихард: «Эта поездка помогла мне понять кое-что о стиле моей игры на гитаре. Я видел, как играют американские группы, и понял, что я просто пытался их копировать. Я вдруг со всей ясностью осознал, что я не американец и мне незачем обманывать себя. Я хотел теперь, чтобы моя музыка отражала мой собственный стиль и мое происхождение. Американская музыка — открытая и веселая. А в Берлине почти всегда облачно, это темный и депрессивный город, и надо делать музыку, которая отражала бы именно наши немецкие чувства».

Вернувшись домой, вдохновленные ребята вновь принялись за коллективные репетиции. С попыткой «играть как...» было покончено раз и навсегда. В музыке поубавилось гитарных соло, зато появилась синхронная слаженная связка из двух гитар на фоне жесткой ритмичной основы, созданной басом и барабанами, дополняемой современным электронным звучанием клавишных и холодным металлическим, с раскатистым «р-р-р» голосом Тилля. Свой новый стиль музыканты окрестили «танцевальным металом».

Об особенностях гитарного звучания группы Пауль Ландерс говорит так: «Обе гитары в Rammstein настроены в „ре“. Дело в том, что мы, независимо друг от друга, еще до основания группы, были в Америке и там видели группы, которые играли на гитарах в „ре“ совершенно другие вещи, чем на гитарах, настроенных как обычно. Мы это позаимствовали и используем. Кто не знает, что я имею в виду, должен послушать Clawfinger, которые тоже настроены в „ре“. Поэтому мы должны все время менять инструменты. Это можно наблюдать, когда гитары Rammstein меняются, например, из „ре“ в „ми“».

Второй составляющей неповторимого стиля Rammstein, безусловно, стали тексты, написанные Тиллем Линдеманном. Ребята решили, что если уж они собрались играть настоящий немецкий метал, то в их музыку просто необходимо привнести атмосферу своего — довольно мрачноватого и грубого — языка. Кроме того, браться за хлопотное дело сочинения текстов никто, кроме Тилля, не хотел. А писал он, естественно, на родном немецком. Попытки же перевода или сочинительства на английском существенно ограничивали возможность адекватно передать сложные по смыслу и композиции стихи Тилля. Несмотря на все коммерческие соображения, от первоначальной идеи писать и петь на общепринятом в роке английском группа окончательно отказалась. Справедливости ради надо сказать, что в тот период у ребят не было никаких иллюзий по поводу возможности продвижения на мировой музыкальный рынок. Как говорится, не до жиру...

Флаке: «Когда мы начинали играть, вежливым было петь на языке, который понимают твои друзья. Только выехав за пределы Германии, мы выяснили, что другие нас не понимают. Но песни уже были готовы, и поэтому мы не стали ничего менять. Потом люди подходили к нам и говорили: „Если бы вы пели не на немецком, вы бы стали известны во всем мире“, а мы отвечали: „Да, очень жаль“».

Содержание текстов — еще одна составляющая стиля группы. Даже те, кому они непонятны, не могут не чувствовать их часто зловещую, давящую атмосферу. По словам Тилля, стихосложение никогда не было для него сложным процессом. Все происходило как-то само собой и в абсолютно любых местах: в самолете, в автобусе, в кровати, перед телевизором или в туалете: «Необходимость писать была ежедневной, это просто происходило в любой жизненной ситуации». Стой поры ручка и бумага у Тилля всегда с собой: «Диалог в фильме, новости, забавное происшествие на улице — иногда хватает одного слова, чтобы возникла связь с идеями, которые у меня были до этого».

Как мы помним, писать Тилль начал совсем незадолго до появления группы. И теперь его часто странные и даже шокирующие сочинения неожиданно стали находить применение.

В самом начале тексты Тилля немало удивляли и самих участников группы: «Тилль действительно странный парень. У нас часто создается впечатление, что он страдает раздвоением личности. Наверно, поэтому его лирика столь необычна. Он вживается в роль и описывает свои ощущения».

Тилль: «С определенной точки зрения тексты являются в равной степени сведением счетов с самим собой, местью самому себе и обновлением самого себя. Не имеет значения, чем это было вызвано — кошмарным сном, книгой, фильмом или просто прогулкой. Собственно, я круглые сутки восприимчив ко всякого рода информации, и моя записная книжка всегда неподалеку. Тексты возникают в основном подсознательно. Если я сажусь с намерением написать что-то положительное, то в конце концов выходит что-то мрачное. Наверное, как мне кажется, во мне есть что-то вроде отрицательного потока». Откуда в застенчивом тихоне этот самый «отрицательный поток», мы уже отчасти знаем по его детским годам. Но по большому счету в Тилле, как и в любом человеке, каждый день, каждый час, каждую секунду идет борьба светлого и темного, любви и ненависти, правды и лжи, добра и зла. В его случае все эти бессознательные процессы выходят наружу, причем в стихотворной форме. Тилль: «Порыв и негативные чувства особенно опасны, если они зажимаются в сознании и подавляются. Мои в виде текстов могут выйти на свет». Глупо гадать, что бы было сейчас с Тиллем, если бы этого выхода всем своим душевным мукам он так и не нашел. Те, кому тексты Тилля уже знакомы, понимают,

что ничем хорошим это, скорее всего, не кончилось бы.

К середине 1994 года, когда тексты для дебютного альбома группы были написаны, а стиль и звук интуитивно нащупаны, оставалась малость — придумать для новой группы название. Когда с фирмой «Motor Music GmbH» удалось подписать контракт на выпуск первой пластинки, этот вопрос встал ребром. Тилль: «Мы были вынуждены быстро придумать какое-нибудь название. Кто-то из нас сказал: „Rammstein“. Это название все сочли очень хорошим:

Ramm (таран) и Stein (камень) выражают движение, силу и твердость». Что ж, публике предстояло в полной мере ощутить на себе всю мощь этого стенобитного орудия из Восточной Германии. Кстати, при подписании первого контракта боссы звукозаписывающей компании снова пытались навязать рамштайновцам английский язык, но те проявили единодушную твердость. Время показало, что этот, казалось бы, самоубийственный шаг очень быстро стал визитной карточкой группы, обеспечив коллективу любовь многих эстетов за пределами Германии.

Сами песни, написанные Тиллем для первого альбома «Herzeleid» («Сердечная боль»), задали общий вектор в развитии Rammstein на последующие несколько лет. Рамштайновцы смело выбрали для себя роль общественных провокаторов. Провокационные тексты, наполненные сексом, насилием и ужасом. Провокационный имидж — полная противоположность и сладкоголосым поп-певцам, и разухабистым волосатым рокерам. Даже название и то оказалось провокационным.

По словам ребят, название было выбрано по тому же принципу, что и Rolling Stones. Но когда группа стала немного известной, выяснилось, что судьба сыграла с рамштайновцами злую шутку. Дело в том, что о трагедии, произошедшей в августе 1988 года на базе НАТО в маленьком немецком городе Рамштайн (одно «м») во время проведения показательных полетов, участники Rammstein тогда ничего не знали — это была в Западной Германия. А когда узнали, менять название было уже поздно. В конце концов, одной провокацией больше, одной меньше... Песня «Ramstein», вошедшая в первый альбом группы, была посвящена вышеупомянутой трагедии и быстро стала их своеобразным гимном.

Рамштайн,
Человек горит,
Рамштайн,
Запах мяса в воздухе,
Рамштайн,
Ребенок умирает,
Рамштайн,
Солнце светит.

Рамштайн,
Море огня,
Рамштайн,
Кровь запеклась на асфальте,
Рамштайн,
Мать кричит,
Рамштайн,
Солнце светит.

Рамштайн,
Братская могила,
Рамштайн,
Не избежать опасности,
Рамштайн,
Птица больше не поет,
Рамштайн,
А солнце светит...

Другие песни первого альбома тоже оказались насквозь пронизаны всякими поэтическими ужасами. Вот, к примеру, отрывок из композиции «Weisses Fleisch» («Белая плоть»):

Ты на школьном дворе,
Я готов убивать,
И никто здесь не знает о моем одиночестве...
Я причиняю тебе боль,
И ты громко кричишь...
...
Моя черная кровь
Сильно запачкала тебе платье...

Тилль: «Мои тексты возникают из чувств и из мечтаний, но все же больше от боли, нежели по желанию. Мне часто снятся кошмары, и я просыпаюсь ночью весь в поту, так как вижу во сне жуткие кровавые сцены. Мои тексты — своего рода вентиль для лавы чувств в моей душе. Мы все с трудом пытаемся скрыться за благовоспитанностью и внешними приличиями, а на самом деле нами управляют инстинкты и чувства: голод, жажда, ужас, ненависть, стремление к власти и секс. Конечно, есть еще дополнительная энергия в нас — это любовь. Без нее все человеческие ощущения угасли бы».

Сексуальная составляющая в текстах Тилля — вообще отдельная тема. Это песни о крайних формах любви.

Тилль: «Для меня вся жизнь состоит из отношений между женщиной и мужчиной, тебя самого и музыки. Тексты не являются скандальными, они просто любовные под острыми углами. Это пишется, чтобы выразить крайности жизни». Вот отрывок из песни «Wollt ihr das Bett in Flammen sehen» («Вы хотите увидеть постель в огне») из первого альбома группы:

Вы хотите увидеть постель в огне?
Вы хотите в коже и в волосах потонуть?
И вы тоже хотите воткнуть кинжал в простыню,
И вы, конечно, хотите слизать кровь со шпаги...
...
Секс — это битва,
Любовь — это война...

Впрочем, не все песни первого альбома оказались такими уж кровавыми или сексуально извращенными. Например, заглавная композиция альбома «Herzeleid» полна совсем другими чувствами и эмоциями. «Мы были у Тилля, на чердаке дома, в котором он раньше жил, — вспоминает Кристоф. — Там стоял старый деревянный стол, и на нем был вырезан девиз: „Оберегайте друг друга от сердечной боли“...» Это часть текста песни «Herzeleid»:

Оберегайте друг друга
От сердечной боли,
Потому что время,
Которое вы проведете вместе,
Так скоротечно.
Потом, несмотря на ваш многолетний союз,
Оно покажется вам минутами.

Оберегайте друг друга

После первых появлений Rammstein на публике и выхода дебютного альбома «Herzeleid» в конце 1995 года о группе заговорили. Причем заговорили все. Но неожиданно свалившаяся на ребят популярность их обрадовала лишь в самом начале. У большинства музкритиков и прочих деятелей немецкого шоу-бизнеса, а также у политиков всех мастей группа вызвала абсолютный шок. На нее ополчились все, засыпав обвинениями во всех смертных грехах — от недостойного использования людской трагедии в коммерческих целях до садомазохизма и фашизма.

С названием и трагедией в Рамштайне мы уже разобрались — все получилось абсолютно случайно. Кстати, позже музыканты по собственной инициативе связывались с некоторыми родственниками погибших в этой катастрофе и в целом встретили положительную реакцию на свое название. Оливер: «Несомненно, наше название — скорее дань памяти погибшим и уж точно не уловка шоу-бизнеса или мрачная шутка». Впрочем, попытки оправдываться быстро привели к обратному эффекту. Участники группы были молоды, практически ни у кого из них не было опыта общения с прессой, да и выпускающая компания пустила этот вопрос на самотек... Флаке: «Мы поначалу были очень неаккуратными в общении со СМИ. Мы знали только одно: мы хотим быть не как все!» Доходило до того, что раздраженные отношением к себе музыканты, не задумываясь о последствиях, ляпали, ради пущей скандальности, чего не следует. Именно это объясняет, почему во многих ранних интервью версия о происхождении названия группы менялась в зависимости от накала разговора.

Масла в огонь разгоревшегося скандала, безусловно, подливали тексты, повествующие о боли, страдании, агонии и ужасе смерти. Их грубость с налетом какого-то романтического ужаса и общий эпатаж стали явным вызовом общественным устоям.

С тем, откуда пошли обвинения группы в фашизме, все в принципе понятно. Дело тут даже не в текстах, скорее — в манере исполнения и эстетике, которую Тилль придумал, отчасти позаимствовав ее из истории родной страны. Его раскатистое, громоподобное рычание, металлический, не терпящий возражений голос и весь тоталитарный пафос музыки группы действительно сразу привлек к ней внимание правых радикалов в самой Германии. Ко всему этому стоит добавить сценический образ коллектива в тот период — длинные кожаные плащи, блестящий металл и культ мускулистого обнаженного тела. Вспомним известные немецкие документальные фильмы тридцатых-сороковых годов — эстетика та же. Эти заигрывания с тоталитарной символикой, надо сказать, дорого обошлись группе. Радикалы довольно быстро потеряли к коллективу всякий интерес, поняв, что реальные политические взгляды музыкантов от правых, мягко говоря, крайне далеки. А вот в глазах критиков, да и общественности группа однозначно получила «правый» ярлык, от которого в какой-то степени не может избавиться до сих пор. Вполне понятно, что коллективу, играющему «неонацистский рок» в Германии (стране, пережившей ужасы войны и продолжающей испытывать комплекс вины перед остальным миром), выйти на большую сцену, а тем более на телеэкран было абсолютно невозможно. Поэтому ни одна радиостанция не взяла на себя смелость включить в ротацию песни с первого альбома Rammstein.

Однако, вопреки исключительно негативным статьям и отсутствию в радиоэфирах, группа постепенно нашла свою аудиторию. Продажи альбома, весьма вялые в начале, в дальнейшем активизировались. Видимо, столь негативно разрекламированная группа стала интересовать многих, что называется, «от противного» — давно известно, что даже гневные статьи лучше, чем их отсутствие, особенно для молодой группы.

После выхода альбома «Herzeleid» в октябре 1995 года группа отправилась в свой первый гастрольный тур по Германии вместе с командой Project Pitchfork. В ноябре ребята впервые выехали за пределы Германии, поддерживая Clawfinger на концертах в Варшаве и Праге. Скандальная слава быстро докатилась до восточных соседей, и тут начались первые происшествия. Концерт в Варшаве был сорван по вине зрителей. Группу просто закидали бутылками, едва ее участники появились на сцене. Так публика, посчитав группу неонацистской, внесла, как ей тогда казалось, свой вклад в борьбу с фашизмом. Участники группы снова были вынуждены отрицать обвинения: «Мы никогда не были связаны с праворадикальными партиями и фашистами. Это полная чушь. Просто Rammstein появился на музыкальной немецкой сцене как инородное тело, мы не придерживались никаких влияний. Мы не легкомысленные исполнители тяжелого метала с длинными волосами в коротких штанах. Люди не знали, в какой ящик нас запихнуть. „Правый“ ящик находится ближе, потому что мы подавали себя очень твердыми, в длинных кожаных плащах, блестящий металл с обнаженными телами... Мы хотели провоцировать людей, устроить что-нибудь сногшибательное...»

Сомнения в правильности выбранного пути у музыкантов рассеялись лишь после первых весьма удачных

гастролей по Германии, Австрии и Швейцарии в декабре 1995 года. От концерта к концерту коллектив не только выглядел все более уверенным в себе, но и постепенно придумывал свое шоу, которое теперь всем хорошо известно. Главную роль в этом сыграл как раз Тилль. Что и понятно: у всех остальных ребят на сцене руки были заняты какими-то инструментами, Тиллю быстро становилось скучно, и он начал проводить всяческие эксперименты, привлекая к этим творческим безобразиям всех участников коллектива.

Оливер: «Когда мы начинали, мы просто стояли на сцене и играли. Но Тиллю быстро надоело, и он начал использовать на сцене всякую пиротехнику. Со временем это переросло в нынешнее шоу. Раньше один из нас просто разливал по сцене бензин, если публика была слишком спокойной. Это впечатляло людей, но когда на наши концерты стало приходить больше народу, мы больше не могли делать подобное». Тилль изначально принялся собственноручно конструировать различные взрывные механизмы: «Огонь очаровывает меня. Однажды я принес с собой на выступление два больших фейерверка и взорвал их между двумя песнями. Народ ликовал, а я обжег себе руки. Я нашел все это безумно хорошей идеей — между песнями я не стою просто так, а чем-то занят. Сделал себе перчатки, которые „плевали“ огнем, затем защиту от него. Один раз на нашем концерте из-за сцены выскочили пожарные. Так я случайно узнал, что нужно специальное разрешение, чтобы использовать пиротехнические эффекты. Тогда я сдал „экзамен“ по обращению с фейерверками».

Все, кто видел живые выступления коллектива, обратили внимание на «огнедышащие» маски, авторство которых принадлежит как раз Тиллю. Они стали результатом бесконечных пироманских экспериментов фронтмена группы (продолжающихся, кстати, до сих пор). Пауль: «Порой, когда мы репетируем, мы вдруг слышим громкий взрыв. Выбегаем и видим Тилля с черным лицом, он говорит: „Ну, как вам это?“ Через десять минут парень, который сдает нам в аренду помещение для репетиций, приходит, чтоб нас вышвырнуть. Всегда одно и то же. Владельца мы всегда успокаиваем — до следующего взрыва». Первые несколько лет своего существования группа сама занималась придумыванием всех огненных спецэффектов. Затем, после нескольких происшествий, в которых чуть не пострадали зрители (не говоря уже про самих музыкантов), всю техническую сторону дела поручили профессионалам.

Шоу-эффекты для хеви-групп — традиция: в семидесятые годы ужасы показывал Элис Купер, выставивший на сцене гильотину и виселицы, Rolling Stones использовали гигантские надувные члены, KISS плевали огнем и кровью. Раммштайновцы начали использовать спецэффекты первыми из немцев. «Нам нравится грохот и огонь, — говорит Рихард. — Сначала мы хотели просто играть тяжелую, громкую музыку, как Metallica. Но выглядели слишком добропорядочными и невзрачными, хотя и не так легкомысленны, как американские рокеры. Поэтому мы всегда ставим на сцене много спецэффектов. Наш воинственный стиль не придуман, он самостоятельно развивается. Но есть живые сцены, которые для некоторых находятся на границе хорошего вкуса и безвкусицы».

То, что далеко не все принимали пироманские игрища раммштайновцев на ура, начинало давать о себе знать. Первое появление группы на британском MTV в живой программе «Hanging out» в марте 1996 года обернулось скандалом. Группа должна была отыграть две песни. Зная, что во время выступлений они всегда используют пиротехнику и спецэффекты, за несколько минут до выступления ребят предупредили: если они попытаются сделать хоть что-то в своем духе, прямая трансляция будет немедленно прекращена. Так и случилось после того, как во время исполнения второй композиции Тилль (как и предусматривалось сценарием) раздавил капсулу с бутафорской кровью. «Чтобы ноги вашей здесь больше не было», — сказано было раммштайновцам. Непростые отношения с MTV еще не раз давали о себе знать за последующую историю группы.

«Шоссе в никуда»

Популярность коллектива в Германии и немецкоязычных странах росла не по дням, а по часам, а группа все больше внимания уделяла визуальной стороне своего творчества. Один за другим стали появляться видеоклипы, поражающие зрителя не сменой непонятных кадров, а последовательным и многозначительным сюжетом. В январе 1996-го вышел сингл «Seemann» («Моряк»), а также видеоклип на эту композицию, снятый в Гамбурге под руководством продюсера Ласло Кадара.

Не всякий режиссер мог воплотить в жизнь задумки ребят, поэтому, с целью убедить кого-либо из них снять клип для группы, раммштайновцы разослали свой дебютный альбом многим знаменитостям. Именно так альбом оказался у культового режиссера Дэвида Линча, поклонниками творчества которого являлись участники

Rammstein (среди прочих, диск отправили Тарантино, Карпентеру и Ридли Скотту). Линч, правда, от предложения отказался: съемки фильма «Шоссе в никуда» были в самом разгаре, и отвлекаться на какой-то клип ему было некогда. Но спустя два месяца Линч неожиданно связался с группой. Помог случай. Когда режиссер вместе со своей женой ехал на съемки, она поставила в проигрыватель пришедший по почте диск. Музыка так понравилась Линчу, что он решил включить в саундтрек нового фильма две композиции начинающей группы — «Rammstein» и «Heirate mich» («Выйди за меня замуж»).

Фильм Линча, как и музыка Rammstein, сделан в духе черной романтики. Обе композиции Линч использует в тех моментах фильма, где ужас достигает апогея. Как пояснили сами музыканты, «Дэвид не понимает по-немецки ни слова, но это не имеет никакого значения, для него была важна атмосфера песен. Он инстинктивно почувствовал, что наше видение мира очень близко ему. Ведь в его фильме, говоря упрощенно, речь идет о шизофрении, опасности, одержимости, о личном апокалипсисе. А это некоторые из тем, разрабатываемых нами с самого начала. В этом отношении сотрудничество представляется вполне логичным. У него и у нас постоянно идет речь об искусстве провокации и о провокации в искусстве».

Фильм, вышедший на экраны осенью 1996 года, сразу став культовым, открыл группу американской аудитории и предопределил дальнейший всемирный успех раммштайновцев. На группу наконец обратили внимание за пределами немецкоговорящей Европы. Там, где публика прежде всего обращала внимание на музыку — мощную и энергетически насыщенную, на сценическое шоу и только в последнюю очередь на неоднозначные и шокирующие тексты Тилля, которые мало кто понимал. Да и поклонники группы во многом поменялись. Оливер: «На первом же концерте после выхода фильма на широкий экран мы были крайне удивлены тем, что наши фанаты изменились. Вместо панк-рокеров мы увидели группу культурных, интеллигентных, модно одетых людей, у которых было совсем другое представление о том, что мы делаем».

После признания столь авторитетного режиссера, у Rammstein стали налаживаться отношения с прессой (правда, с зарубежной). Вдохновленные неожиданным интересом со стороны американской публики, ребята предприняли единственную попытку отказаться от немецкого языка в пользу английского. Это привело к неожиданным и комическим последствиям. Готовясь к первым заокеанским гастролям, Тилль перепел на родной для американцев язык несколько композиций с нового альбома. Американские диджеи просто отказывались крутить англоязычный вариант, отдавая предпочтение первоначальному, немецкому. Оливер: «К сожалению, когда наши песни со второго альбома перевели на английский, они потеряли свою таинственность. Если не знать хорошо немецкий, вы не поймете, что мы хотим сказать. Знание немецкого необходимо, чтобы увидеть, насколько хороши наши тексты, а они и вправду хороши».

В конце сентября 1996 года на «Берлинской арене» состоялось первое грандиозное по тогдашним меркам концертное шоу группы под названием «100 Jahre Rammstein» («100 лет Rammstein») с участием специально приглашенных гостей, в числе которых были Моби, Бобо и Berlin Session Orchestra. На концерте состоялась церемония учреждения официального фан-клуба группы и его интернет-страницы (www.rammstein.de).

Концерт ознаменовал начало сотрудничества группы с целым рядом интереснейших и талантливейших людей, которые в дальнейшем немало повлияли на визуальную сторону творчества группы. К их числу, прежде всего, стоит отнести австрийского фотографа и художника Готтфрида Хельнвайна, который занимался оформлением сцены для концертов группы (его фантазией, например, созданы «Чужие» из одноименного фильма), и художника-постановщика, дизайнера Герта Хоффа, который тогда помог ребятам со световым оборудованием.

«Тоска»

В ноябре 1996 года музыканты приступили к записи второго альбома «Sehnsucht» («Тоска»), который вывел группу на вершину музыкального Олимпа.

Запись проходила на Мальте в «Temple studios» под руководством шведского продюсера Якоба Хеллнера. Для начала — о текстах, которые, как всегда, были написаны Тиллем. В них заметно более поэтичное и витиеватое развитие типичных жутковатых раммштайновских сюжетов и даже появление элемента лиричности — от символических картин («Под пупком, в зарослях, ждет уже белая мечта. И стряхни мне листву с дерева...») до провокационных высказываний («Нагнись, отверни от меня свое лицо. Твое лицо мне безразлично»). Название альбома выбрано участниками коллектива не случайно. Слово Sucht (мания, влечение) как часть названия красной нитью проходит через все песни альбома. Как всегда, влечение это не простое, а, по определению

автора, «в крайних формах». Хороший пример — заглавная композиция «Sehnsucht» («Тоска»):

Дай мне твоей слезой скатиться
Через подбородок в Африку,
Снова в чрево львицы,
Которое когда-то было моим домом,
Между твоими длинными ногами,
Ища прошлогодний снег,
Но снега здесь больше нет...

Песни Rammstein вызывают разные, порой противоречивые ассоциации. Это хорошо видно на примере песни «Klavier» («Пианино»):

Вы говорите мне:
Открой эту дверь!
Любопытство становится криком:
Что бы это могло быть...
За этой дверью
Стоит пианино,
Клавиши в пыли,
Струны расстроены...
За этой дверью
Она сидит за пианино,
Но она больше не играет,
Ах! как давно это было!
...
Она сказала мне:
«Я останусь с тобой навсегда»,
Но это было лишь видение,
Что она играет для меня одного,
Я лил ее кровь
В огонь моей ярости,
Я закрыл дверь,
Чтобы меня не спрашивали о ней...

Тягостная атмосфера этих строчек напоминает страшные фильмы Хичкока. По словам Тилля, в тексте речь идет о мыслях и чувствах убийцы: «„Klavier“ — моя любимая песня на диске. Над текстом я работал два года, начав с беззаветно романтического, любовного стихотворения, посвященного учительнице музыки, и потом развив его в гротеск и сюрреализм».

Композиция «Buck dich» («Нагнись») повествует о садомазохизме. Кристоф: «В текстах Тилль рассказывает очень интимные вещи о своем внутреннем мире. А садомазохизм — его конек. Все остальные хотя и считают эти темы интересными, но не особо в них разбираются». Однако за кажущимся садомазохистским примитивизмом этой песни внимательный рамштайновед сможет разглядеть скрытый смысл, который на самом деле присущ даже самым на первый взгляд жутковатым и бездумным творениям Rammstein. Тилль: «К написанию этого текста меня побудил фильм, потрясший до глубины души. Один „мешок с деньгами“ хочет испытать полное удовлетворение от всего, что связано с сексом. Но безуспешно, потому что единственное чувство, которое действительно наполняет человека, — желание любить и быть любимым — нельзя купить за деньги».

Другая композиция с альбома «Sehnsucht» называется «Tier» («Зверь»):

Что делает мужчина?
Что делает мужчина?
Который подобен зверю?
Он пойдет к своей дочери,
Она красива и молода,
И как собака вцепится в нее,
Соединяясь плотью и кровью...

Эта песня о насилии в семье, насилии над детьми. Тилль: «Когда мужчина насилует ребенка, он становится на одну ступеньку со зверем. Инцест, насилие, сексуальные домогательства — самые отвратительные преступления. Меня эта тема очень задевает».

Что ты делаешь?
Что ты чувствуешь?
Кто ты?
Всего лишь зверь!

Тилль: «Я был потрясен, когда услышал об изнасилованных девочках в Бельгии, которые были убиты. У меня у самого есть дочь. Не знаю, что бы я сделал, случись такое с ней».

Песню «Bestrafte mich» («Накажи меня») из-за двусмысленности текста многие рассматривают как дешевый садомазохизм:

Накажи меня...
Накажи меня...
Солома будет золотом,
А золото будет камнем...
Твое величие делает меня маленьким,
Ты должен быть моим судьей...

На самом деле эта песня знаменательна тем, что ярко иллюстрирует сложные и запутанные отношения человека — и прежде всего самого Тилля — с Богом.

Кристоф: «Я не хотел бы оказаться в шкуре Тилля: его душу терзают сомнения и противоречия, он в равной степени моралист и чудовище».

Тилль: «Я думаю, что Бога нет. А если он есть и фактически допускает все несчастья на этой земле, тогда он должен наказать меня вместе с другими страдающими. Я не стану молиться такому Богу».

Песня «Alter Mann» («Старик») — глубокомысленная философская притча с лирическими картинками, которых от Rammstein никто не ожидал:

Он ждет полуденного ветра,
Волна приходит и лениво ложится
Веером, каждый день
Старик разглаживает воду...
...
Я нерешительно спросил,
Он, казалось, спал, склонив голову,

И, прежде чем умереть, сказал:
«Вода должна быть твоим зеркалом,
Только когда она будет гладкой,
Ты сможешь увидеть,
Сколько сказок тебе еще осталось,
Ты будешь молить об избавлении...»

Тилль: «Это ода старости и бренности бытия. В моем коротком отпуске на Мальдивах я видел старика, который с утра до вечера подметал пляж перед бунгалом. Как только он заканчивал, кто-то сразу вновь делал „рябчики“ на песке. Старик просто начинал все сначала. Его равнодушие и невозмутимое спокойствие произвели на меня сильное впечатление. Точно так же и в жизни — все вечно возвращается на круги своя, только каждый раз немного иначе».

Еще одна нехарактерная для Rammstein композиция — «Engel» («Ангел») — индустриальная баллада, ставшая очередным хитом группы и попавшая в первые строчки всевозможных хит-парадов даже в самой Германии:

Кто при жизни был хорошим,
После смерти станет ангелом.
Взглянув на небо, ты спрашиваешь:
«Почему нельзя их видеть?»

Только когда облака уйдут спать,
Можно нас на небе видеть,
Мы боимся и одиноки,
О, Бог знает, я не хочу быть ангелом...

Тилль: «Текст идет из сказки, которую мне читали в детстве. После смерти матери мальчик спрашивает своего папу: „Где сейчас моя мама?“ Папа отвечает: „Она сейчас превратилась в ангела и живет на небе. Посмотри вверх на эти звезды — среди них теперь и твоя мама!“ Эта история меня очаровала. Я ощущал, как одинок и незащищен мальчик после того, как он потерял мать».

Композиция «Engel» была выпущена на сингле в апреле 1997 года. Одновременно с песней появился видеоклип, снятый под руководством Ханнеса Россачера. Клип снимался в Гамбурге в клубе «Prinzenbar». На все шокирующие эротические сцены в нем группу вдохновило жутковатое окончание фильма Квентина Тарантино «From Dusk Till Dawn» («От заката до рассвета»), поджоги, естественно, в нем присутствующие, — специальность раммштайновцев. Клип снимали, что называется, «семейным подрядом». «Когда мы писали сценарий, я попросил выделить роль одного из ангелов моей дочери. Самое смешное, что, когда ее уже сняли, она решила стать режиссером, — рассказал потом Тилль. — Неле говорила: „Папа, ты не там стоишь, ты не так держишь руку“ — вся съемочная группа умирала от смеха, когда этот маленький ангелочек с крылышками и серьезным лицом пытался всеми командовать!» Сюжет клипа, учитывая содержание песни, удивителен. На вечеринке собралась странная компания. Здесь можно увидеть косматых рокеров в черных кожаных костюмах с серебряными заклепками, злобно смотрящих друг на друга, и полуголых сильно накрашенных моделей. Они сидят за столами или танцуют дикие танцы под тяжелый индустриальный саунд «вживую» играющей на сцене группы. Трое мужчин в черном (Тилль, Кристоф и Кристиан) заходят в этот клуб и занимают столик, самый близкий к сцене. Музыканты на ней оказываются второй половиной Rammstein (Рихард, Пауль, Оливер). В столбе дыма на сцене внезапно появляется фигура в длинном черном плаще. Она раздвигает руки, одевание падает на сцену, и все видят прекрасную девушку. На ней надето только бикини из маленьких блестящих металлических колечек, шею обвивает тигровый питон в два с половиной метра. Она соблазнительно танцует, а затем, оставив змею на сцене, подходит к столику раммштайновцев и начинает танцевать прямо на нем перед Кристианом. Он открывает рот, и девушка подставляет ногу для поцелуя. Потом она берет со стола бутылку и льет виски себе на ногу, струйки бегут по ней и заливаются в рот Кристиана. После этой сцены начинается огненный финал: синие молнии окутывают тело девушки, она, извиваясь, превращается в змею, а Кристиан

становится огненным духом, из растопыренных пальцев которого вылетают фонтаны искр. На другом конце сцены внезапно появляется Тилль в черных очках, длинном черном кожаном плаще и с огнем в руках. Он направляет огонь на музыкантов. Рихард, Пауль и Оливер отвечают ему огнем из трех мечущих искры гитар. Вся сцена утопает в пламени...

Интерес к группе в связи с успехом клипа на композицию «Engel» отразился и на продажах первого альбома «Herzeleid». Он еще выше поднимается в немецких хитпарадах, достигнув к маю четырнадцатой позиции. В то же самое время выпускается еще один сингл, на этот раз со сделанным одним из друзей группы ремиксом на «Engel» и двумя новыми композициями: «Wilder Wein» («Дикое вино») и «Feuertdder» («Огненные колеса»), которые впоследствии не вошли в «Sehnsucht». Rammstein тем временем привлекал все больше и больше фанов, активно гастролируя по Германии, Австрии, Швейцарии, Голландии, Бельгии и Франции.

Наконец летом, доводя интерес к новому альбому до предельной отметки, на сингле выходит его главный хит — «Du hast»:

У тебя,
У тебя есть я,
Ты меня спрашивала,
А я ничего не ответил...
Хочешь ли ты, пока смерть не разлучит вас,
Быть верной ей все дни?

НЕТ!

В песне речь идет о конфликте между мужской дружбой и любовью к женщине. Кристоф: «Вместе это не функционирует, известно из собственного опыта. В Rammstein это так: мы расставались со своими женщинами, но никогда не расстанемся с группой. Только наши дети для нас важнее группы». Этот своеобразный антисвадебный гимн хорошо иллюстрировал положение семейных дел среди самих раммштайновцев в тот период. Почти у всех ребят к тому моменту уже были дети, но никто из них не был женат или уже был в разводе.

Одновременно с синглом появился клип, снятый в Бранденбурге под руководством Филипа Штольца (Philip Stolz). Съемки проходили в заброшенной местности, у ворот бывшей казармы Советской армии.

Сюжет клипа, как всегда, драматичен. Кристоф, ударник Rammstein, стоит как обвиняемый перед судом. Его лицо искажено страхом. Обильный пот выступил на лбу. На него пристальным холодным взглядом смотрит судья, лицо которого скрыто под маской. «Ты хочешь, пока смерть не разлучит вас, быть верным ей всю жизнь?» — спрашивает его судья. Действие сопровождается мелодичным пением ангельского голоса. Пауза. Внезапно судья подходит, льет из канистры бензин на приговоренного к смерти Кристофа и поджигает его. Пламя взвивается до потолка. Кристоф, шатаясь, бредет живым факелом по мрачному залу суда.

«Сюжет клипа — мафиозные разборки, — объясняет Кристоф, взявший на себя главную роль, в то время как его друзья изображают судей в масках. — Я играю члена мафиозной группировки, который изменил ей из-за любви к женщине. За измену я должен ответить. Но эта история заканчивается так, как никто не предполагал». В первой строчке гремющей индустриальной песни Тилль поет хрипящим прокуренным голосом единственную фразу: «Ты ненавидишь меня, ты ненавидишь меня, ты меня спрашивала, а я ничего не отвечал...» В это время «Волга» (ГАЗ-21) приближается к старому заброшенному сараю. За рулем темноволосая женщина в красном платье, рядом сидит Кристоф. На их лицах страх и отчаяние. Кристоф снимает пистолет с предохранителя и медленно идет в сарай, где его ждут остальные участники «раммштайновской мафии». Но опасения оказываются напрасными. Его встречают с распростертыми объятиями, как пропавшего без вести друга. Потом все пьют виски, празднуя счастливое возвращение. Побледневшая невеста в это время со страхом представляет себе разборки над любимым. Внезапно распаивается дверь сарая, и раммштайновцы выходят наружу. Женщина ищет взгляд Кристофа, но он принципиально не смотрит в ее сторону. Мельком взглянув на часы, он проходит мимо нее. В следующий момент машина, взрываясь, взлетает на воздух вместе с преданной любовницей. «Волгу» охватывает огненный шар колоссальных размеров...

На съемках раммштайновцы устроили настоящий огненный ад, который почти вышел из-под контроля.

«Бомба была, вообще-то, установлена профессиональными пиротехниками и соответствовала всем требованиям, — рассказывает Тилль, — но ударная волна свалила меня на землю, и огонь распространился за доли секунды на огромное пространство. Все разбежались. Кристоф заплатил за эту „горячую“ сцену ожогами второй степени на руках и спине». Но усилия и ожоги оказались не напрасными — клип быстро стал фаворитом на MTV, а интерес к группе продолжал расти.

Триумфальное шествие по миру

«Тоска» вышла в свет в августе 1997 года, как раз в тот момент, когда предыдущий альбом стал «золотым», а предварившие его выход синглы уже давно закрепились во всех мировых хит-парадах. Интерес к Rammstein был уже настолько высок, что новый альбом почти сразу занял первую строчку в немецком хит-параде.

Обложка альбома была выпущена в различных версиях, что несколько запутало фанов группы. Лица рамштайновцев были изображены в своеобразном «мумифицированном» виде, с загадочными обвивающими их торчащими железками. Столь странные на первый взгляд картинки возникли в результате сотрудничества группы с уже упоминавшимся здесь художником Готтфридом Хельнвайном. Он широко известен как «провокаатор от живописи». Его работы эпатажны, скандальны и всегда, что называется, на грани. Понятно, что рамштайновцы, проповедующие то же самое, только в музыке, быстро разглядели в мятежном австрийце родственную душу. Кроме того, Флаке был другом Готтфрида с детства и всегда восхищался его работами.

При внимательном рассмотрении чудные железки оказываются не просто причудливыми металлическими изделиями. При помощи похожих инструментов во времена нацизма ревнители чистоты немецкой расы сортировали местное население на истинных арийцев и людей «второго сорта» (согласно теории об особенностях строения арийского черепа и прочих псевдонаучных измышлений гитлеровских медиков).

Сами музыканты, правда, вкладывали в обложку несколько иной смысл. Каждый участник группы работал над своей физиономией персонально. В немецкой версии на обложке была представлена общая фотография со всеми шестью портретами, которую с обратной стороны можно было разложить в один большой постер. В остальной части Европы этот постер складывался таким образом, что на лицевой части буклета мог быть изображен лишь один из членов группы. Впрочем, участники Rammstein на этих фотографиях выглядят настолько похоже, что на витрине магазина альбом узнается независимо от того, кто изображен на обложке. Этим рамштайновцы хотели подчеркнуть, что каждый из них внес одинаковый вклад в создание альбома.

Как бы то ни было, скандальная мина замедленного действия была заложена и взорвалась. Новый альбом быстро и надолго обосновался в европейских чартах «Биллборда» наряду с альбомами Prodigy, Rolling Stones и Radiohead. Европа пала под рамштайновским натиском. Всем стало ясно, что после англоязычных Scorpions Rammstein стали самым успешным музыкальным экспортным продуктом Германии.

Теперь на очереди была Америка. Туда-то группа вскоре и отправилась. Начинать с клубных концертов (в нью-йоркских «Bank» и «Batcave Downtown»), а потом, проведя уже более серьезную музыкальную артподготовку, перешли на небольшие залы, выступали на разогреве у более именитых коллективов (KMFDM, Korn). Американцы тоже быстро прониклись творчеством загадочной, но притягательно-шокирующей немецкой группы. Уже спустя год, в 1998-м, можно было констатировать, что еще не было группы, поющей на иностранном (для американцев) языке, которая добилась бы такого же успеха, как Rammstein.

Теперь группа могла себе позволить сольные концерты, билеты на которые разлетались, как горячие пирожки. Критики писали: «Подавляющая мощь их живого звука не умалила ни на йоту бесчисленное число утонченных и техногенных звуков, которые формируют специфический стиль Rammstein». Главный суперхит рамштайновцев «Du hast» (причем именно на немецком языке) беспрерывно крутили все местные радиостанции, поднимая вокруг группы настоящий ажиотаж. После очередного тура рамштайновцы настолько стали своими для американской публики, что местные диджеи начали их называть «нашей флоридской группой». Рихард: «Было забавно играть в США и слышать, как люди подпевают, не зная языка. Но еще более забавным было слышать людей, не поющих, а кричащих тексты наших песен. Аудитории были эмоциональными, и мы были очень тронуты этим. Мне это напоминает время, когда я был ребенком и часто подпевал английским песням, не понимая текста. Поэтому мне кажется, что это просто замечательно!»

Причудливое, мрачное огненное шоу экзотичной германской группы, поющей, говорящей и действующей по-немецки, показанное наконец-то в полном объеме, шокировало и обескуражило американцев своим

натурализм: «Шестьсот фанов в лос-анджелесском клубе „Палладиум“ задержали дыхание: певец Тилль Линдемманн стоит неподвижно, как статуя, на краю сцены. Внезапно подпрыгивает Кристиан с двухметровой неоновой лампой в руке, подбегает к Тиллю и со всей силы разбивает лампу о его мускулистое плечо. Стекло вдребезги разбивается, кровь течет из маленьких ранок на голове по шее, струится по плечам. Тилль остается неподвижным, но орет: „Keiner will mich“ („Никто меня не хочет“). А потом начинает петь: „Твое величие делает меня маленьким. Ты должен быть моим судьей!“» «Многие из них думали, что кровь всего лишь кетчуп, — рассказал Тилль после выступления. — Но ранения были настоящие, к тому же не запланированные.

Кристиан должен был попасть мне только по плечу, но промахнулся и попал в висок. Слава богу, раны были неглубокие, их не пришлось зашивать». Восторженные отклики фанов и прессы воодушевили группу на дальнейшее «завоевание» Америки. Сами рамштайновцы тоже остались весьма довольны свалившимся на них успехом: «Нам понравилась откровенность публики: не надо никакой пиротехники, никаких голых женщин, чтобы произвести на американцев впечатление музыкой. Правда, пиротехника и красивые ноги тоже никому еще не мешали. Но видимо, американцам достаточно музыки, чтобы полюбить музыку. Это здорово!»

Тем временем пришло долгожданное признание на родине. По итогам 1997 года группа стала лауреатом престижной немецкой премии «Эхо» в категории «Лучший немецкий исполнитель». Все новые города и концертные площадки ждали немецкую супергруппу. Весь год коллектив колесил по миру от Европы до Америки, везде собирая битком набитые залы и даже стадионы. Посетила группа и Польшу, которая, как мы помним, оставила у рамштайновцев противоречивые воспоминания. На этот раз концерт прошел без всяких эксцессов — если не считать того, что восьмидесятитысячная толпа восторженных зрителей в городе Катовице не желала отпустить «разогревающий» Rammstein, задерживая выступление основной группы.

Нельзя сказать, что в этот период команда уделяла внимание исключительно гастролям. Были выпущены каверверсия песни известной немецкой группы Kraftwerk «Das Model» («Модель») и ранее не издававшаяся композиция «Kokain». В свет вышла также компьютерная игра «Rammstein». Суть игры — стрельба в изображение человека в рамочке с помощью огнемета.

Робкий оборотень

В мае 1998-го рамштайновцы выпустили новый сингл с песней «Du riechst so gut» («Ты пахнешь так хорошо») с первого альбома. На сингле эта композиция представлена во всех возможных вариантах, включая ремиксы, сделанные многочисленными друзьями и поклонниками. Сингл сопровождался клипом, снятым на оригинальный материал. Как и все клипы Rammstein, он поражает воображение своими эффектами и постановкой. Площадкой стал потсдамский Бабельсберг, замок XVIII века. Это были самые дорогостоящие и самые страшные съемки в истории группы, участникам пришлось четыре ночи напролет стоять перед камерой. В драме, длящейся четыре с половиной минуты, участвуют все музыканты, в жутких сценах они превращаются из людей в волков-оборотней. Для анимации головы рамштайновцев были смоделированы с помощью снятых с их натуральных гипсовых отпечатков. Наряду с многочисленными статистами в виде мрачно одетых гостей, танцевавших менуэт в большом зале под жесткую музыку, или в качестве охотников со старинными мушкетами отправлявшихся на охоту на волков, в клипе снималась настоящая стая волков. Речь идет о «чешских собаках», которые были выведены путем скрещивания с волками. «Эти звери, — рассказывает большой любитель биологии Кристиан, — привыкли к людям и легко дрессируются, но волчьи инстинкты в них все еще существуют. Однако они признают в человеке вожака». Пятидесятистраничный сценарий для клипа рамштайновцы придумали сами, используя мотивы народной сказки «Семь воронов» и сцены из ужасиков «Бал вампиров» и «Американский оборотень» режиссера Романа Поланского. «Мы шестеро играем демона, принимающего разные обличья. Он появляется то в виде Тилля, то в виде Кристиана и так далее, пока не принимает образ волка. Его поцелуй приводит к смерти!» — рассказывают рамштайновцы. В клипе можно видеть милую темноволосую девушку — ее играет берлинская студентка Майя. Она галопом несется на разгоряченном жеребце по лесу. Красавица потеряла платок, которым только что вытерла пот с декольте. Она не замечает зеленые фосфоресцирующие глаза оборотня, которые следят за ней из кустов. Зверь выскакивает, бросается на платок и превращается в Кристиана, который жадно вдыхает запах девушки и тут же снова становится зверем. Он идет по следу к замку, вновь превращается в Кристофа и теряется среди гостей. Наконец он в образе Тилля проникает в спальню девушки. Вид обнаженной красавицы превращает его вновь в зверя. Он

с оскаленными зубами бросается на нее. Укус делает и девушку оборотнем, который жаждет крови и ищет в зале новых жертв. В красном бальном платье теперь, к ужасу гостей, вовсе не милая девушка, а дьявольски ухмыляющийся мускулистый Рихард. Потом следует кульминация: грудь Рихарда разламывается, шесть волков с пеной у рта выпрыгивают из него наружу. Но на этот раз хищных зверей ждет гибель. Через открытые окна охотники стреляют в этих тварей, пока они все не падают замертво. В агонии оборотни снова принимают человеческий облик. Взгляды Тилля и красавицы встречаются, они сливаются в долгом нежном поцелуе. «Во время съемок настоящим ужасом для меня был поцелуй, — рассказывал потом Тилль, — хотя Майя была очень милой партнершей. Я на самом деле очень робкий. Перед этой сценой я дрожал больше, чем во время своего первого поцелуя в тринадцать лет».

Успех группы у публики начал наконец приносить и признание в мире шоу-бизнеса. Награды и номинации посыпались одна за другой. Европейское MTV номинировало группу на свою ежегодную премию «European Music Awards», а несколько позже ребята оказались номинантами на сорок вторую премию «Grammy» в категории «Лучшее металлическое шоу».

Вехой в истории группы стало выступление на берлинском фестивале «Wuhlheide Festival» вместе с Ниной Хаген и прочими немецкими знаменитостями. Эти концерты, прошедшие 22 и 23 августа 1999 года и собравшие более сорока тысяч зрителей, были увековечены в первом концертном альбоме Rammstein, выпущенном в сентябре 1999 года под названием «Live aus Berlin».

Эта запись позволила многим поклонникам группы, никогда не бывавшим на их концертах, узнать, как группа звучит вживую. Кроме того, Rammstein — группа с очень мощным визуальным рядом, а потому, естественно, большая часть очарования знаменитых на весь мир концертов коллектива в аудиоверсиях терялась. Теперь это стало возможно наверстать с помощью вышедшей одновременно видеоверсии выступления. Вполне естественно, что музыканты решили выбрать наиболее хорошо снятый концерт (возможно, в ущерб оригинальности представления музыкального материала). Как написали затем критики, «Пятнадцатипесенный диск позволяет слушателю сфокусировать свое внимание на невероятной смеси мощных гитарных риффов, кишковыворачивающем вокале, звонах колоколов и свистках, которые и заключают в себе сущность звучания Rammstein. Внешнее оформление видео подавляет зрителя своими невероятными театральными эффектами и выверенностью постановки сценического зрелища. Для американских поклонников, как старых, так и новых, главная выгода концертного альбома оказалась в том, что в дополнение к боевому порядку хорошо известных мелодий, взятых из „Sehnsucht“, они получили возможность познакомиться со значительным количеством еще не знакомых им песен, многие из которых взяты из первого альбома „Herzeleid“. Альбом прекрасно продемонстрировал высокий профессиональный уровень музыкантов как концертного состава». Конечно, нашлось несколько критиков, которые открыто усомнились в правильности решения группы выпустить живой концертный альбом в начале своей карьеры. Глядя на успех альбома «Sehnsucht» и сингла «Du hast», легко можно было предположить, что долгосрочная карьера Rammstein получила бы больше выгоды от выпуска в 1999 году нового студийного альбома. Но разве верные своим поклонникам члены Rammstein могли обмануть их ожидания?

Интересно, кстати, что видео «Live aus Berlin» было выпущено в Германии в двух вариантах: один для поклонников до восемнадцати лет (с вырезанной песней «Buck dich» и, соответственно, знаменитой сценой), а другой полный, для взрослых.

Stripped и Лени Рифеншталь

В августе 1998 года рамштайновцы вновь попали в неприятную историю. Виновником ее, по большому счету, опять стал Тилль, являющийся основным идеологом команды. Его новый творческий порыв снова был истолкован абсолютно не так, как задумывал автор.

Дело в том, что группа в этот момент записала сингл с кавер-версией песни «Stripped» («Раздетая») группы Depeche Mode.

Запись первоначально предназначалась для включения в трибьютный альбом «For The Masses» (альбом, для которого известные металлические коллективы записали свои версии наиболее приглянувшихся им песен группы). Вначале рамштайновцы выбрали для себя композицию «A Question Of Lust» — любимую песню Рихарда Круспе. И лишь позже, после долгих дебатов, большинством голосов остановились на «Stripped». И без

того мрачноватую балладу Мартина Гора раммштайновцы окончательно зачернили своими зловещими индустриальными переборами.

Depeche Mode — одна из самых любимых групп участников команды, поэтому выбор никого особенно не удивил. Но появившийся вскоре видеоклип на эту песню в Германии многих шокировал, вновь дав повод журналистам обвинять группу в профашистской ориентации. Дело в том, что для визуального ряда в нем были использованы фрагменты из фильма «Олимпия», снятого Лени Рифеншталь в 1936 году во время Олимпийских игр, проходивших в нацистской Германии. В кадре мелькают немецкие спортсмены, демонстрирующие свои спортивные достижения и совершенные тела. В сюжет было внесено лишь одно изменение. Там, где должен был реять нацистский флаг, был вмонтирован американский, что было весьма откровенным и даже провокационным намеком, отражающим представления музыкантов об американской демократии. На всей этой истории стоит остановиться подробнее.

Собственно, культ тела и привлек Тилля, как бывшего спортсмена, к выбору именно этих кадров для клипа. О другой стороне этого фильма в тот момент никто не задумался. Тилль: «В нашем клипе речь идет исключительно о спорте. Спорт всегда был важной частью моей жизни. А в тогдашней ГДР он имел вообще колоссальное значение. Я не мог предвидеть реакцию на клип. Сейчас-то я понимаю, что у Рифеншталь в „Олимпии“ спортивная идея далеко не на первом месте. Гитлер и его верхушка хотели поскорее внушить всему миру, что нацисты в Германии миролюбивы и безопасны. В общем, мне кажется, что этот фильм все-таки больше политический, чем спортивный».

К скандалам и обвинениям в профашистской ориентации группе было уже не привыкать, хотя приятного, конечно, в этом было мало. Немногочисленные попытки оправдаться ни к чему не приводили: «Мы — немцы, мы поем по-немецки, мы ощущаем себя немцами. И то, что страна в течение двенадцати лет находилась в погубивших ее руках, — это плохо. Колесо истории нельзя повернуть вспять. Но была и другая Германия — Германия двадцатых годов, когда творили Брехт и Вайль. Кстати, именно в тот период я больше всего хотел бы жить в Германии, потому что это было увлекательное, захватывающее время. К сожалению, многие легко об этом забывают. По-видимому, люди обладают способностью запоминать только плохое».

Скандал вокруг клипа «Stripped» отчасти вернул из полного забвения и саму (тогда уже столетнюю) Лени Рифеншталь, вновь пробудив интерес к ее непростой и противоречивой биографии.

Бывшая танцовщица и актриса, она стала еще более популярной за счет того, что играла в фильмах, прославляющих немецкий дух и идеальность немецкого тела. Рифеншталь неоднократно получала от Геббельса почетные нацистские награды «за вклад в немецкое искусство». Парады, факельные шествия, ровные шеренги солдат, которые, маршируя, образуют гигантских размеров свастику... Это ужасное величие в фильме Лени Рифеншталь «Триумф воли» (1935) увидел весь мир. Лента была признана самой пропагандистской из всех, существующих в кинематографе. «Триумф воли» посвящен съезду нацистской партии, проходившему в Нюрнберге в 1934 году. В 1936-м в Берлине проходили Олимпийские игры. Для нацистов это была хорошая возможность продемонстрировать всему миру совершенство арийской расы. Рифеншталь сделала тогда практически невозможное — запечатлела почти каждый момент игр. 21 апреля 1938 года, в день рождения Гитлера, состоялась премьера четырехчасового фильма «Olympia». В нем было задействовано полтора миллиона персонажей. В каждом кадре «Олимпии» просматривается идея идеала человека. Обнаженные, преимущественно мужские тела играют в фильме главную роль. Это было характерно для нацистского искусства. Мужчина-воин, мужчина-тиран, мужчина-сверхчеловек — любимый образ нацистов. После разгрома фашизма Лени судили. Ее обвиняли во многом, так ничего и не доказали, однако нацистско-фашистские фильмы ей так и не простили.

Несмотря на то, что на Западе ее карьера была невозможна, она получала письма от поклонников со всего мира. Лени прожила долгую жизнь, в свои 90 она состояла в «Гринпис» и занималась подводными съемками и художественной фотографией. Написанные ею мемуары непременно становились бестселлерами. Как говорила сама Лени, «в своей жизни я не делала ничего, чего бы я не хотела. Ни от чего, сделанного мной, я никогда не откажусь». (Летом 2001 года она даже побывала на питерском кинофестивале, который, пожалуй, стал первой попыткой переосмысления ее творчества не только в Германии, но и в России.)

Поднятая прессой новая волна обвинений весьма угнетала участников группы. Теперь уже ни одна статья или интервью не обходились без того, чтобы вопрос о профашистской ориентации Rammstein не был поднят. Ярлык был уже приклеен, и никакие объяснения не помогали. Тилль: «Сегодня фашистом объявляют каждого поп-музыканта, который поет по-немецки или предпочитает более тяжелое и жесткое звучание. То, что происходит в настоящий момент, просто невероятно. Манипуляции средств массовой информации

способствуют разжиганию страстей. Порой в собственной стране мы кажемся себе чужестранцами».

Подлила масло в огонь и MTV, сфабриковав репортаж о турне Rammstein, в котором фрагменты интервью ребят были вырваны из контекста и смонтированы таким образом, что каждый человек неминуемо должен был прийти к выводу, что они как минимум националисты.

Вспоминая непростые отношения группы с MTV, стоит упомянуть еще одну историю, наделавшую в прессе много шума. В свое время продюсер MTV Бернард Ратьен неоднократно снимал с эфира клипы группы, ссылаясь на их фашистское содержание, и каждый раз сопровождал это ехидными комментариями в эфире. Рамштайновцы решили отомстить ему весьма своеобразно. На одном из фестивалей ничего не подозревающего продюсера позвали за кулисы, где он был мгновенно прикручен к стулу скотчем. После чего рамштайновцы поместили ему между ног дымовую шашку, подожгли фитиль и перевернули стул. Сами же, как ни в чем не бывало, пошли на сцену. Через некоторое время беднягу, перепачканного красной сажей с ног до головы, отыскивали и освободили коллеги.

Оскорбленный продюсер пригрозил хулиганам судебным разбирательством, но скандал удалось как-то замять.

История эта, однако, не помешала хулиганам получить заслуженную награду на ежегодной церемонии от MTV в категории «Лучшее концертное шоу».

Устав от всех этих нападок в собственной стране, ребята отправились туда где их не воспринимали как какую-то идеологическую «страшилку». Заокеанскую публику все эти вопросы абсолютно не волновали, да и вообще, есть большие сомнения, что кто-то там знал о фильме Лени Рифеншталь.

Опасные гастроли

Несмотря на все издевки музыкантов над заокеанскими властями (а группа от них порядком настрадалась из-за периодических запретов на концертные спецэффекты), американский рынок постепенно стал для группы основным, и в сентябре 1998-го рамштайновцы снова отправились в многомесячный тур по Соединенным Штатам вместе с Korn, Limp Bizkit и Ice Cube.

Такой музыкальный «налет» немецких металлистов на заокеанских фанов «от Нью-Йорка до самых до окраин» привел к вполне закономерному результату: вернувшись к Рождеству в родную Германию, рамштайновцы купались в лучах славы, получая различные музыкальные премии и, что не менее существенно, чеки с многочисленными ноликами.

Вернувшись в Берлин, группа ненадолго засела в студии. Во время всех этих поездок ребята времени зря не теряли: Тилль что-то пописывал, остальные что-то наигрывали. В результате накопилось множество музыкальных заготовок для будущего альбома. Их-то и надо было как-то собрать и проанализировать.

В апреле следующего 1999 года группа должна была впервые посетить российские просторы. Однако концерт в Санкт-Петербурге был отменен. Что сыграло в этом решающую роль — нежелание организаторов совмещать на одной неделе немецких индустриальщиков из Rammstein с английскими киберпанками из Prodigy или политические интриги (разгар войны в Югославии и обострение отношений с Западом), — так и осталось загадкой. Но главное, что в итоге группа отправилась покорять эмоциональных и любвеобильных южноамериканцев, выступив в Аргентине, Чили, Бразилии и Мексике.

В Южную Америку группа была приглашена в качестве специального гостя в туре ветеранов жанра KISS. Можно себе представить чувства, переполнившие Рихарда Круспе, когда группа получила подобное предложение. Ведь как известно, в его восточногерманском детстве KISS были для него не только кумирами, но и символом свободы, олицетворяющим западный образ жизни: «Это был еще один взлет в нашей карьере. Было круто находиться так близко к настоящим звездам. Они крутые рок-воротилы, но при этом вовсе не страдают высокомерием. Мы могли использовать всю нашу пиротехнику, и они против этого совсем не возражали».

Тур оказался на редкость удачным. Выступления в Бразилии и Мексике запали в душу музыкантам настолько, что они отзывались о них как о своих лучших гастролях. Пауль: «Самые классные и безбашенные фаны, которых мы когда либо видели, — это мексиканцы, бразильцы и поляки. Сложилось впечатление, что чем беднее живут люди, тем с большим энтузиазмом они воспринимают нашу музыку и живее реагируют на нее. А в таких городах, как Нью-Йорк или Париж, люди очень сдержанны в проявлении эмоций и вместе с тем более требовательны к артистам. Видимо, это происходит из-за того, что тамошняя публика никогда не испытывала нехватки в концертах любимых команд, и для местных фанов приезд известной иностранной группы вовсе не

становится событием, праздником». Забавно, что группу в разных городах Южноамериканского континента встречали по-разному. В Мексике оказалось, что они пользуются большей популярностью, чем KISS (там даже издана книга с переводами текстов Rammstein на испанский язык). А в Бразилии, то ли от восторга, то ли от негодования, на сцену кидали дохлых... коз.

За Южной Америкой в июне 1999-го последовал сольный тур по Штатам и Канаде.

Однако очередной американско-канадский тур стартовал своеобразно, как говорится, под нехорошей звездой. Началось с того, что на одном из первых концертов Кристиан выпал из лодки (во время исполнения композиции «Seemann») и получил довольно серьезную травму головы. Затем Тилль при попытке встать на платформу споткнулся и тоже сильно поранился. Потом в песне «Weisses Fleisch» Тилль неловко прыгнул на сцену и вывихнул себе колено.

Тур был озаглавлен и весьма забавным происшествием. Участники Rammstein были арестованы полицейскими американского городка Уочестер и целую ночь провели в полицейском участке. Сами задержанные заявили, что вообще не понимают, почему полиция так рассердилась. «Мы очень любим делать на концертах что-нибудь непредсказуемое, — сказал Тилль, один из виновников произошедшего. — Вот и на этот раз хотели просто сделать что-нибудь неожиданное, а нас почему-то не поняли». Неожиданность заключалась в том, что в самый разгар действия Кристиан и Тилль изобразили на сцене анальный секс. Вполне возможно, что в Европе эта шалость была бы признана даже хорошим тоном, но в штате Массачусетс власти к подобным творческим экспериментам оказались абсолютно не готовы. Правда, к большим неприятностям это не привело: музыкантам не стали отключать электричество и дали доиграть концерт до конца. Но сразу после концерта Тилля Линдеманна и Кристиана Лоренца отвели в участок, предъявив обвинение в аморальном поведении. Вот как затем описал произошедшее Кристиан: «Я увидел около десяти полицейских, которые ходили за кулисами и искали нас. Все просили, чтобы нас не забирали, разразился ужасный скандал, мы были грубо скручены и доставлены в участок, причем все это сопровождалось отборными ругательствами с намеками на нашу с Тиллем ориентацию. Самое невообразимое — нас называли извращенцами, а потом заставили мыться в одной ванне, да еще под надзором нескольких полицейских! Кто после этого извращенец? Потом на нас нацепили наручники, запихали в машину для перевозки бродячих собак и повезли в тюрьму. Какое-то время мы сидели почти голые на ледяных нарах, лишь позже открылась дверь, и охранник кинул нам одежду и личные вещи. Затем подселили другую группу заключенных: они были пьяны или даже под наркотой, устроили адский шум, орали, бились о стены и стонали. Такое в кошмарном сне не приснится. В камере был очень яркий свет, и мы даже не представляли, сколько времени мы там находились. Позже узнали, что нам повезло (если это можно назвать везением), что мы не получили казенную одежду, в ней люди ждут решения судьи около месяца, в тюрьме. Мы не могли этого допустить, ведь на следующий день был назначен очередной концерт. Судья потребовал десять тысяч долларов за „мир“, как он сказал. Адвокат добился, чтобы нас отпустили под залог, и мы наконец-то смогли покинуть „гостеприимный“ Уочестер. В общем, мы прилетели в Канаду на три дня позже...» Спустя несколько дней федеральный суд города Уочестер вынес Тиллю и Кристиану приговор: шесть месяцев заключения условно.

В октябре 1999-го группа начала новый тур по Германии под общим названием «Свободный огонь». Сценическое шоу на этот раз было дополнено новыми номерами. Например, в песне «Buck dich» на сцене внезапно гас свет и в огромном зале устанавливалась полная тишина, которая сменялась диким ударным соло из динамиков. Через мгновение на сцене загорались двухметровые костры. В полном оцепенении зрители созерцали нечто вроде боксерского ринга. На плечах шестерых парней выносилась платформа, на которой стояли Тилль и Кристиан. Тилль вставал на четвереньки, его спина пылала огнем, а Кристиан, зло ухмыляясь, начинал жарить сосиски на горячей спине Линдеманна и раздавать их фанам. Этот трюк с грилем был кульминацией нового стоминутного шоу Rammstein. Оно начиналось так: в течение десяти секунд на сцене появлялись один за другим Пауль, Рихард, Оливер, Кристиан и Шнайдер. Тилль выходил последним в столбе дыма, в своей невообразимой куртке, серебряных штанах и поясе он выглядел как герой из «Звездных войн». Во время припева первой песни взрывался барабан Шнайдера. В песне «Bestrafe mich» у фанов вырывался дружный истерический крик, когда Тилль снимал с себя одежду, оставаясь лишь в белом костюмчике тореро: узкие короткие брючки и жакет, которые сшила сестра Кристофа. Жакет падал, когда Тилль беспощадно бил себя плеткой. В песне «Du hast» весь зал вместе с Тиллем кричал «Nein!», а в центре сцены взрывалась огромная хлопушка, блестящий дождь искр из которой засыпал всю сцену. Песня «Eifersucht» («Ревность») вызывала настоящее извержение вулкана. Всюду по сцене громоздились огромные огненные шары, искры от которых достигали самых дальних уголков зала. Хит «Engel» окончательно превращал сцену в преисподнюю: дым

клубился, потоки лавы перетекали через сцену, когда Тилль с ярко-красным лучом из лазерных очков разглядывал своих зрителей. В «Du reichst so gut» Тилль стрелял из огромного лука ракетами, которые через несколько секунд взрывались под потолком зала. Дождь искр сыпался на ошеломленных зрителей, которые даже не пытались от них укрыться...

Подводя итоги 1999 года, можно сказать, что он был, пожалуй, самым насыщенным событиями как для группы в целом, так и для отдельных ее участников. Так, 29 октября Рихард Круспе женился на нью-йоркской актрисе и фотомодели Карен Бернштайн. Карен была известна по главной роли в фильме «Business for Pleasure» («Бизнес для наслаждения», 1996), а также по фильмам «Waxwork-2: Lost in Time» («Потерянные во времени») и «Who's the Man?» («Кто этот мужчина?»). Сам факт этой свадьбы, учитывая приписываемое участникам группы женоненавистничество, удивил многих. Еще один удар по обвинениям в сочувствии фашистским идеям был нанесен тем, что Круспе взял фамилию жены, а церемония бракосочетания проводилась по иудейскому обряду женщиной-раввином. Фоном к свадьбе была гитарная композиция, написанная самим Рихардом специально для этого события. С тех пор Рихард долгое время имел два дома, по полгода живя то в Германии, то в Америке, если группа не находилась в туре. Но и этот брак, начавшийся так романтично, оказался не вечным. В 2004 году они развелись, и Рихард вернул себе «девичью» фамилию.

В том же 1999 году очередная композиция Rammstein (наряду с композициями Prodigy, Marilyn Manson и др.) была использована кинорежиссерами братьями Вачовски в саундтреке к нашумевшему фильму «Матрица».

Творческая лаборатория

С конца 1999 года группа прекратила свою концертную деятельность и приступила к подготовке нового альбома. Эта работа по многим причинам растянулась почти на полтора года.

Разговоры о записи нового альбома начались давно, ведь все отлично понимали, что на материале трехгодичной давности до бесконечности не поездишь. Но одного понимания было недостаточно, надо было как-то собраться и начать, а это оказалось совсем не просто.

Во-первых, сказывалась общая усталость от затяжных туров. Это обстоятельство, естественно, отражалось и на климате в коллективе. В прессе начали циркулировать слухи о напряженных отношениях внутри группы и даже о ее развале. Музыканты это всячески отрицали, но, как известно, дыма без огня не бывает. Впрочем, понять ситуацию довольно легко: шесть разнохарактерных людей путешествуют вместе, варятся в одном котле на протяжении многих изматывающих гастрольных месяцев, поневоле возникнут раздражение и мелкие дразги — ситуация, знакомая всем гастролирующим командам.

Во-вторых, давило то обстоятельство, что группа, уже достигшая вполне определенных успехов, не может быть полностью свободной оттого, что она делала ранее. Публика ждет от нее того же самого, просто в новой редакции. Но музыкантам, игравшим одно и то же в течение нескольких лет, обычно хочется чего-то нового, необычного, еще не опробованного. Разорвать этот порочный круг и предстояло рамштайновцам.

Особенно тяжело пришлось Тиллю. С одной стороны, ему надо было выйти из постоянного концертного образа «монстра». Тилль: «Когда постоянно живешь чужой жизнью, очень трудно возвращаться в собственную шкуру. Мне это в принципе нравится, но иногда начинаешь путаться — вышел ты уже из роли или еще нет. Ты уже Тилль или еще маньяк-убийца». С другой стороны, для сочинительства в том же рамштайновском духе в этот образ надо было постоянно возвращаться. Разговор о душевных перевоплощениях Тилля вообще особый. Почти каждому нормальному человеку в принципе понятно, что сценический образ — это лишь игра, маска, с помощью которой артист хочет что-то сказать зрителям, или, в крайнем случае, просто излить душу. Почти, но не каждому. От этого и возникает множество порой кардинально противоположных толкований любого творчества.

Тилль: «Мне всегда нравилось играть роли. И моя самая любимая роль — роль самого себя. Когда постоянно живаешься в чей-то образ, ты как будто проживаешь вместе со своей еще чью-то жизнь. Это интересно — вроде бы и ты, и одновременно не ты, а кто-то другой, иногда совсем на тебя не похожий. Особенно трудно, когда не понимаешь мотивов, которые толкают людей совершать те или иные поступки. Это же касается и моих текстов».

В начале работы над альбомом, когда обстановку в группе с полной ответственностью можно было охарактеризовать как «разброд и шатание», пресса наполнилась слухами о целой череде различных

неприятностей, свалившихся на раммштайновцев. Сначала мировую прессу облетел слух об автокатастрофе, в которую попали участники группы. Администрация коллектива долго хранила гробовое молчание, чем вызвала к судьбе музыкантов неподдельный, но какой-то не слишком здоровый интерес. Вскоре выяснилось, что Тилль действительно попал в аварию, но, к счастью, сильно не пострадал, хотя и сидел на переднем сиденье. Как оказалось, машина, в которой он ехал с друзьями, во время сильного дождя неожиданно потеряла управление и столкнулась со встречным автомобилем. Скорость была не слишком высокой, и все отделались незначительными синяками и ссадинами. Не успели поклонники группы выдохнуть после тревожного сообщения о ДТП, как общественность взбудоражило новое печальное известие. В прессу попало сообщение о гибели одного из участников команды в авиакатастрофе. Пресс-службе группы пришлось немедленно опровергать подобные измышления. В действительности в авиакатастрофе погиб Кристоф Циммерман, один из участников группы Feeling B. Путанице способствовало то, что нынешние раммштайновцы Пауль и Флаке действительно когда-то играли в этой группе. Таким образом, слухи об очередной смерти оказались ошибочными. Группа выразила глубокое сожаление в связи со смертью старого друга и продолжила медленно, но неуклонно работать над новым альбомом.

Работа шла вяло: что-то постоянно отвлекало и мешало сконцентрироваться. Именно тогда появилась идея сменить обстановку и куда-нибудь уехать. Но и этот вариант не совсем подходил. Уезжать далеко от дома, где раммштайновцы последнее время были и так нечастыми гостями, где ждали дети и подруги, совсем не хотелось. Кроме того, для записи бывают нужны какие-то инструменты, оборудование или приглашенные музыканты. Не возить же все это за тридевять земель... Было решено отправиться творить в родную немецкую глухомань, подальше от суеты больших городов, на природу, на свежий воздух. На побережье Балтийского моря около маленького городка Хайлгендамм раммштайновцы нашли заброшенную виллу «Haus Weimar» («Дом Веймара»), которую и арендовали. На скорую руку в доме был сделан косметический ремонт и расчищен подвал. В IKEA были куплены шесть кроватей, шесть тумбочек, столько же настольных ламп и кое-какая домашняя утварь. Приглашенный повар оборудовал себе кухню. Вскоре раммштайновцы в полном составе переехали на виллу, захватив с собой передвижную домашнюю студию, которую оборудовали в подвале дома. Именно там и началась наконец нормальная работа над материалом нового альбома.

Монументальная красота балтийского побережья вскоре сделала свое благотворное дело — музыканты возвратились в творческую форму, появились новые идеи, установилась чудесная душевная атмосфера. Стоит ли удивляться, что после такого вот общения с природой на свет родилось несколько баллад, что ранее было совсем не свойственно творчеству раммштайновцев. Сочинением текстов, как и на предыдущих альбомах, вновь занялся Тилль.

Пауль: «Он пишет все, что приходит ему в голову. Мы никогда не подаем ему тему, только решаем, хотим мы использовать эту идею или нет. Потом придираемся по мелочам к его творениям до тех пор, пока „можем стоять у него за спиной“. Тилль так хорош, что, когда ему даешь понять, что его текст должен развиваться в другом направлении, уже на следующий день он приносит новую версию песни. И так, пока не отпадают все проблемы с отдельными словами. Поэтому все продвигается не быстро».

Вести из творческой лаборатории на балтийском берегу регулярно появлялись на сайте официального фан-клуба группы. Из этих сообщений вырисовывалась примерно такая картина. Работа шла каждый день кроме воскресенья с 11 до 6 вечера: «Тилль пишет песни, которые он вывешивает потом на стене. Сейчас там висит около 40 листков, и каждый может подойти и почитать, а главное, сделать сноски и примечания. А в центре нашего „командного пункта“ висит большая доска, которой заведуют Олли и Шнайдер. На ней — недоработанные песни с пометками о том, чего в них еще не хватает. По утрам мы всегда собираемся перед этой доской и пытаемся заменить проблематичные места на что-то более подходящее. Еще ни разу не было, чтобы Тилль принес нам готовую песню. Всегда есть нюансы, которые необходимо доработать. Он рассказывает, что он хотел выразить этой песней, и мы вместе приходим к конечному результату».

Естественно, что не все было так просто. Рихард: «Это важно, конечно, что мы коллективно „шлифуем“ песни, но бывают проблемы: одни говорят: надо оставить так! Другие — переделать! Чаше мы работаем слаженно, как спортивная команда, но я абсолютно этому не радуюсь, потому что я люблю работать один. У меня всегда в голове — что я должен оставить, а что переделать. Это проблема: тут я не могу работать. И это как мания — я должен, самое малое, два часа в день играть на инструменте для себя. В противном случае я не успокоюсь. Как-то я поймал себя на том, что часто бывают ситуации, когда лучше работаешь в плохом настроении, когда тебя переполняют горе и боль. Я пытался работать в хорошем настроении, но по большому счету у меня ничего не получалось. Вероятно, такова судьба музыкантов — черпать вдохновение в горе».

Оливер: «Когда мы записываем альбом, мы не задумываемся о его настроении или направлении, которое он примет. Главное для нас — хорошие песни. Когда встречаешь женщину, которая становится твоей женой, не знаешь, к чему все это приведет, но ты надеешься, что все будет хорошо. Трудно сказать, будешь ли ты счастлив с той блондинкой; чтобы узнать, надо попробовать. То же самое с песнями».

Флаке: «Большинство идей возникает в виде стихотворений. Но иногда бывает, что мы даем Тиллю инструментальную версию, которая вдохновляет его на создание текста. Например, песни „Weisses Flesch“ и „Leichzeit“ с предыдущего альбома написаны именно таким способом, текст ассоциировался с музыкой. В этот раз так появилась „Adios“, которая первоначально называлась совсем по-другому».

Одновременно с сочинением и шлифовкой текстов ребята работали над их музыкальной огранкой: «Мы всегда начинаем с машин. Первоначально в игру вступает компьютер, и для каждого изменения Флаке или Шнайдер должны подбирать определенное программное обеспечение. Для всего нужно время».

В начале работы у рамштайновцев была идея сделать альбом очень экспериментальным, в духе сильного электропанка. Флаке, например, предлагал записать пару композиций вообще без гитар. Но остальные музыканты и продюсер выступили против, от этой идеи отказались, и работа вошла в стандартное рамштайновское русло. Музыка группы всегда базировалась на жестких металлических ритмах, бритвенно-острых аккордах, монолитной структуре песен, и именно это принесло ей популярность. Рубить сук под собой музыкантам явно не хотелось, но каким-то образом раскрасить и дополнить звучание было просто необходимо. В противовес первоначальному порыву клавишника синтезаторные звуки решено было убавить. Наметился явный сдвиг в сторону готического звучания. Практически во всех записываемых композициях теперь слышался приятный тяжелый мелодизм. Музыка становилась более сложной и одухотворенной. Музыканты решили на этот раз пойти значительно дальше своего показного садомазохизма и прочих извращений. Это и неудивительно: они стали старше, тематика песен значительно расширилась. Рождение жизни и страх смерти, любовь и ненависть, красота и ужас — вот темы, которые теперь вдохновляли музыкантов. Результат был налицо: животная ярость композиций «Feuer Frei!» и «Zwitter» переплеталась с готической медлительной драматичностью «Mutter» и «Nebel».

В работе над песнями (хоть и перемежающейся дружескими шутками и подколами) в обстановке оторванности от внешнего мира у музыкантов иногда возникали серьезные проблемы. Одной из них стала некоторая заикленность и повторяемость как текстов, так и музыки.

Пауль: «Как композитор ты проходишь через ад. Думаешь, что тебя посетила оригинальная мысль, цепляешься за нее, а потом приходит кто-то и говорит: „А-а, так мы это использовали во втором альбоме“. „Spieluhr“, например, вначале звучал как Prodigy, и нам пришлось очень долго мучиться, чтобы он зазвучал несколько по-иному. Это происходит бессознательно, — ища свое вдохновение, воодушевляешься другими группами. Я полагаю, что к каждой песне можно было бы прикрепить адвоката, который сумел бы найти, где это было украдено».

После выхода альбома критики действительно откопали несколько заимствований. Скажем, вступление «Mein Herz brennt» напомнило многим Puff Daddy. Намеренно ли рамштайновцы сохранили подобные элементы заимствований, свойственные обычно поп-культуре?

Флаке: «К сожалению, мы заметили это слишком поздно — и это нас порядочно взбесило. Поэтому песня чуть было не вылетела из альбома...»

Пауль: «Начну с того, что эта вещь Led Zeppelin, но они ее играют совершенно по-другому — другие звуки, другой ритм... Жалко, конечно, что это заметили... Когда украл, главное — не попасться...»

Флаке: «В любом случае мы не хотели цитировать что-то абсолютно. Хип-хоп же взял это для себя за правило. А когда это делаем мы, нас обвиняют в воровстве».

Постепенно начала складываться концепция альбома. Была идея назвать его «Mein Herz brennt», но потом от нее отказались, так как хотели остаться верными своей тогдашней традиции называть альбомы одним словом.

Заглавной, смысловой композицией была выбрана «Mutter». Столь умиротворенно-детское название резко контрастировало с той тяжелой музыкой, которая вошла в альбом, но, по словам самих музыкантов, именно это обстоятельство давало больше пространства для интерпретации.

Флаке: «Мы отчетливо понимали это, когда делали наши фотографии для обложки. Собственно, мы плаваем там как мертвые тела в формальдегиде, но между тем многие интерпретируют это как околплодную жидкость. И вопрос „почему?“ так и просит ответа „Мы не знаем заголовка лучше, чем этот“. Конечно же, название „Feuer Frei“ („Открыть огонь!“ — Примеч. автора.) не звучало бы так дико».

Пауль: «„Mutter“ — это эмоциональное понятие с возможностью обширного восприятия. Мы стараемся

показать открытые для трактовки вещи; мы боимся пошлости, банальности и однозначности. В „Heirate mich“ речь идет о некрофилии, но мы бы никогда не стали использовать в ней припев: „Некрофилия, ты прекрасна, как никогда!“ Из-за того, что мы назвали очень тяжелый альбом „Mutter“, сразу же возникли вопросы. Я хочу быть предельно откровенным — для меня это название слишком патетическое, прежде всего потому, что оно содержит в себе идею об отношениях между сыновьями и матерью. Для меня эти отношения давно ясны, чего не скажешь об остальных участниках группы».

В конце апреля 2000 года материал для новой пластинки был более-менее готов. Его даже удалось опробовать на нескольких тайных берлинских вечеринках для особо приближенных поклонников. К сожалению, время поджимало, поэтому более серьезной обкатки не было, о чем музыканты сильно жалели. Работа в деревенской глуши так понравилась раммштайновцам, что для окончательной, чистовой записи альбома было решено отправиться так же подальше от индустриального шума, на юго-восток Франции, в «Miraval Studios». Студия довольно известна в музыкальной среде, ранее в этой рок-н-рольной кузнице записывались такие легендарные группы, как Pink Floyd (альбом «The Wall»), The Cure, Sade, AC/DC.

На помощь в нелегком звукозаписывающем деле был призван проверенный шведский продюсер Якоб Хелнер, работавший над предыдущими альбомами команды. Сомнений в выборе у музыкантов не было: «Якоб — идеальный продюсер для Rammstein, потому что он не вмешивается в сочинение песен. Лишь когда песни готовы, мы начинаем вместе работать над тем, чтобы сделать их более сильными. С другой стороны, он знает, как придать музыкантам уверенность в своих силах так, чтобы они смогли максимально выложиться во время записи. Он очень дисциплинирован и пунктуален. Он так концентрируется на своей работе, что после дня, проведенного с нами в студии, шатается, как будто выпил лишнего».

Шесть недель, проведенных во Франции, по всей видимости, надолго останутся в памяти шестерых немецких парней: «Мы записывались во Франции, на винограднике. Уже с утра бутылки дребезжали, светило солнце, это было просто невероятно! Вечером из холодильника появлялось розовое вино. И если мы его не выпивали, хозяин виноградника очень на нас сердился. Это был абсолютный рай». Тут самое время вспомнить французскую поговорку: «Если вино мешает работе, бросай работу». Сочетать такую расслабленную атмосферу с типичной немецкой основательностью было весьма проблематично. Пауль: «Время работы в студии стоит дорого, про это тоже нельзя забывать, и для записи все должно быть подготовлено наилучшим образом. Поэтому в студии невозможно расслабиться. Я всегда удивляюсь группам, которые могут репетировать и развлекаться одновременно. У нас так не бывает. Мы всегда стараемся делать заготовки, полуфабрикаты. Сначала идешь в репетиционное помещение, играешь до тех пор, пока уже больше не можешь. После чего отправляешься с записанным материалом в студию. На этот раз всю работу мы проделали даже дважды: один раз — записав все на бобину, затем — в электронном виде, чтобы посмотреть, что получилось». Работы предстояло много. Надо было не только довести все записи до ума, но и выбрать одиннадцать песен, которые войдут в альбом. Выбирать было из чего: «Мы изменились, да и материала сейчас больше, нежели раньше. На этот раз мы выбирали из тридцати песен». Были композиции, которые полностью удовлетворяли группу, но по различным, в основном коммерческим соображениям были положены на полку. Решено было отказаться от различных экспериментальных задумок. Например, от нескольких медляков, потому что «безумие для группы, играющей метал, вставлять в альбом три баллады».

Памятуя о французской винной расслабухе, совершенно не удивительно, что окончательно доделать запись там так и не удалось. Для финальной подчистки и микширования стали искать новую студию. И на этот раз добрые люди присоветовали остановиться на бельгийской «Galaxy». В июне работа над альбомом продолжилась вместе с маститым звукоинженером Рональдом Прентом.

«Galaxy» на тот момент считалась одной из лучших студий в мире или, по крайней мере, в Европе: «Там такие толстые оконные стекла, что в одном зале может взлетать реактивный истребитель, а в соседнем в это же время звучать пианино. Эту студию можно сравнить с залом аэропорта», — рассказывали раммштайновцы. «Но оказалось, что дело не только в качестве, то есть в оснащении студии. Мы хотели только микшировать записи и по наивности думали, что для сведения музыки атмосфера не важна. Но Бельгия — уродливая страна, поэтому у нас так ничего и не вышло». (Тут стоит отметить, что немцев вообще не слишком жалуют во многих европейских странах. Поэтому таким характеристикам Бельгии удивляться, наверное, не стоит. Сказывается скорее разница в европейских менталитетах, чем творческие разногласия.) Вероятно, работа в Бельгии так контрастировала с тем, к чему уже успели привыкнуть участники коллектива, что, не успев начаться, она была прервана. Решено было найти новую студию и звукорежиссера, который смог бы претворить все музыкальные задумки участников группы в жизнь.

С таким вот хорошим настроением вернулись в Европу. Надо было доделывать альбом, который был хорош, но чего-то в нем все же не хватало, и найти звукорежиссера, способного понять, чего именно. Как назло, выяснилось, что у всех известных в этой области людей катастрофически не было времени, а неизвестно с кем работать не хотелось. Но тут раммштайновцам наконец повезло: они случайно познакомились со шведом Штефаном Глауманом, который был не только профессионалом в этой области, но и имел свободное время. Правда, Штефан сразу поставил несколько условий. Во-первых, он предупредил, что работает медленно, а во-вторых, «раз это вы чего-то от меня хотите, а не я от вас, то вы и приезжайте ко мне в Стокгольм». «Там у него жена и дети», — с пониманием отреагировали раммштайновцы и в октябре приехали в полном составе в шведскую столицу, где им суждено было провести почти три месяца. «Мы снимали зловещую, темную квартиру, но зато теперь никогда не заблудимся в Стокгольме». Работа шла в крошечной, вечно сумеречной «MVG Studio»: «Микшерский пульт тоже был очень маленький. И когда принесли еще два пульта, в помещении могло поместиться еще лишь два человека. В Стокгольме уже в два часа дня становится темно, а светло — только в 11 утра. Так что много за это время просто не успеть. В основном мы проводили время в кафе напротив, где была сибирская кухня, и ужасно скучали». Но, как потом выяснилось, это штефановское «медленно», оказалось тем самым «верным», и спустя три месяца альбом получился именно таким, каким хотели его слышать сами музыканты.

Но и на этом они не успокоились, по-прежнему не хватало какого-то музыкального монументализма. Именно тогда фонограмму обогатили симфоническим звучанием «Filmorchester Babelsberg» (Симфонического оркестра киностудии «Бабельсберг»). Симфоническая мощь придала долгожданную законченность композициям «Mutter», «Mein Herz brennt» и финальной «Nebel», превратив их в полные драматизма эпические драмы.

Стоит отметить еще несколько интересных моментов из истории этой записи. Голос ребенка в композиции «Spieluhr» принадлежит Кире Линдемманн, дочери Рихарда. (Некоторая путаница с фамилией объясняется тем, что мать Киры — бывшая жена Тилля, которая позже имела роман с Рихардом. Они никогда не были женаты, и у Киры осталась фамилия матери.) А вот женский голос, звучащий в композиции «Sonne», — вовсе не настоящий, он создан Флаке с помощью компьютера.

Подводя итог всей этой полуторагодовой работе, можно смело констатировать, что группе удалось создать именно такой альбом, который от нее и ждали — мощный, брызжущий неистовой энергетикой громоподобных гитарных риффов и зубодробительного ритма барабанов, неистовый и в то же время неожиданно мелодичный, затягивающий слушателя с первых минут в зловещую пучину осовремененных готических образов и не отпускающий до последних аккордов финальной композиции.

Тексты нового альбома хоть и стали, по мнению критиков, более «сбалансированными», особого изменения в своей тематике не претерпели.

Альбом открывает композиция «Mein Herz brennt» («Мое сердце горит»). Это песня на фантастическую тему о существе вроде русского лешего или Бабы-яги, которое приходит по ночам к детям и пугает их. В общем, такая своеобразная детская страшилка:

Так, дорогие детишки, ну-ка, внимание сюда!

Я — голос из подушки,

Я принес вам кое-что с собой,

Я вырвал это из моей груди,

Это сердце позволяет мне

Веки закрывать.

Я пою до восхода солнца,

И, как яркий свет на небосводе,

Горит мое сердце!

Они приходят к вам по ночам —

Демоны, духи и черные феи,

Они выползают из глубокого подвала

И глядят из-под вашей кровати.

Они приходят к вам по ночам

И заставляют вас плакать,
Они ждут пробужденья луны
И впиваются в мои холодные вены.

Вторая композиция на альбоме — «Links 2, 3,4» («Левой 2, 3, 4»). В этой песне текст уже довольно важен и в какой-то мере является ответом на многочисленные обвинения группы в правом радикализме. Под звуки военного марша в ироничной форме группа пытается изложить свои политические взгляды, «„Мое сердце бьется слева“ — как еще понятнее мы можем передать наши взгляды? Мы просто хотели доказать этой песней, что мы не должны автоматически быть „правыми“. Мы не воспринимаем мир разделенным на „правых“ и „левых“. Мир основывается на сложном взаимодействии, и его нельзя просто разделить чертой и определить, кто с какой стороны стоит. Для нас существует только одно разделение людей — на хороших и плохих. Деньги — это то, что господствует в мире. Это корпорации, которые держат в своих руках все ниточки, они и составляют политический спектр для дураков, которые их выбирают, за что они этим же самым дуракам дают по морде».

Можно ли сердце разбить?
Могут ли сердца говорить?
Можно ли терзать сердца?
Можно ли сердца похищать?
Они хотят, чтобы мое сердце было справа,
Но тогда я опускаю взгляд,
Но оно бьется слева!
Левой!

Могут ли сердца петь?
Может ли сердце разорваться на части?
Могут ли сердца быть чистыми?
Может ли сердце быть каменным?

Они хотят, чтобы мое сердце было справа,
Но тогда я опускаю взгляд,
Но оно бьется слева!
Завистники не хотят это знать...

Песня «Sonne» («Солнце»), ставшая одним из главных хитов альбома, получила многочисленные интерпретации и журналистские комментарии. На самом деле все несколько проще. Первоначально она была написана для известного украинского боксера Виталия Кличко как сопровождение выхода боксера на ринг. По каким-то причинам мастерам ринга композиция не понравилась, и ее так и не использовали по прямому назначению. Тогда рамштайновцы создали на ее основе новую интерпретацию сказки про Белоснежку и семь гномов, которую мы можем теперь видеть в одноименном клипе.

Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, конец.
Все ждут света,
Бойтесь или не бойтесь,
Солнце светит из моих глаз,
Сегодня ночью оно не зайдет,
И мир громко считает до десяти:
...
ОДИН — встает солнце,

ДВА — встает солнце,
ТРИ — оно самая яркая звезда из всех,
ЧЕТЫРЕ — встает солнце,
ПЯТЬ — встает солнце,
ШЕСТЬ — встает солнце,
СЕМЬ — оно самая яркая звезда из всех,
ВОСЕМЬ, ДЕВЯТЬ — встает солнце.

Солнце светит из моих рук,
Оно может спалить, может ослепить вас,
И когда оно вырвется из кулаков,
Ляжет с жаром на лицо,
Ляжет с болью на грудь,
Равновесие будет потеряно,
И ты повалишься на землю,
И мир громко считает до десяти...

Главная, концептуальная песня альбома — «Mutter» («Мать»). Оливер: «Вообще-то это песня о человеке, который не получал материнской любви и решил убить свою мать, но не буквально, а символично убить — просто покинув ее. Речь в песне идет том, как хорошо иметь настоящую мать».

Слезы толпы очень седых детей,
Я нанизываю их на белый волос,
Бросаю в воздух мокрую цепь
И желаю себе, чтобы у меня была мать.

Не было солнца, которое мне светило,
Не было груди, которая рыдала молоком,
В мое горло вставлен шланг,
И у меня нет пупка на животе,
Мама

В ее легких живет угорь,
На моем лбу родимое пятно,
Удали его поцелуем ножа,
Даже если затем я должен буду умереть.
Мама

Мама
Дай мне силу!

«Zwitter» («Гермафродит»). «Хоть песня и называется „Гермафродит“, но прямого отношения ее содержание к этому понятию не имеет. Тилль поет о том, что в нем, как и в любом другом человеке, есть мужская и женская стороны. И что было бы лучше, если бы мы были гермафродитами, тогда нам не нужно было бы общаться с девушками. Было бы намного проще жить, потому что мы могли бы сами себя удовлетворять».

Я украл у нее поцелуй,
Она захотела его повторить,
Я больше не отпустил ее,

Так мы растаяли и стали одним целым,
И меня это очень устраивает,
Я самое прекрасное двуполое существо,
Две души в моей груди,
Два пола — одна страсть,

Гермафродит,

Я стал другим,
Я самый прекрасный человек из всех,
Я вижу чудесные вещи,
Раньше я их не замечал,
Я могу осчастливливать себя каждый день,
Я могу сам себе дарить розы,
Здесь нет вторых и нет третьих,
Один и один — один и тот же.

Гермафродит,

Я и один, и не один,
Я могу быть сам с собой,
По утрам я целую свое отражение,
Вечерами я засыпаю сам с собой,
Когда другие искали девушек,
Я мог оплодотворять сам себя,
Поэтому-то я и не отчаялся,
Когда мне сказали: «Трахай самого себя».

«Ich will» («Я хочу»). «Песня посвящена толпе. Она специально для тех, кто любит поорать». Стоит обратить внимание на последние строчки — они как раз о восприятии группы фанатами и о тех бездумных поступках, которые те часто совершают под влиянием часто абсолютно фантастических и примитивных интерпретаций творчества своих кумиров.

Я хочу, чтобы вы мне доверяли,
Я хочу, чтобы вы мне верили,
Я хочу чувствовать ваши взгляды,
Я хочу контролировать каждый удар сердца.

Я хочу слышать ваши голоса,
Я хочу нарушить покой,
Я хочу, чтобы вы меня хорошо видели,
Я хочу, чтобы вы меня поняли.

Вы видите меня?
Вы понимаете меня?
Вы чувствуете меня?
Вы слышите меня?

Можете ли вы нас слышать?
Можете ли вы нас видеть?
Можете ли вы чувствовать нас?

Мы не понимаем вас!

Композиция «Adios» («Пока!») оказалась одной из тех редких песен, которые были написаны Тиллем не заранее, а уже после того, как ребята наиграли ему готовый музыкальный фрагмент. В тексте этой энергичной, жестко-ритмичной композиции идет речь о наркомании. Становится понятно, почему группу обвиняют в чем угодно, но уж никак не пропаганде наркотиков:

Он кладет иглу на вену
И просит музыку проникнуть внутрь,
Между шеей и предплечьем,
Мелодия тихо попадает в тело.

Для тебя ничего нет,
Ничего для тебя не было,
Ничего не останется для тебя,
Навсегда...
Он вытаскивает иглу из вены,
И мелодия выходит из кожи,
Скрипки сгорают с визгом,
Арфы врезаются в плоть...

Он открыл глаза,
Нет... не открыл.

Идея «Spieluhr» («Часы с музыкой») исходила от Тилля. «Нам всем очень понравилась картина с ребенком и часами. Я сказал себе, что ребенок в конце будет выкопан и спасен. Мы не настолько увлечены готикой, чтобы во всех своих песнях заживо погребать детей...»

Маленький человечек притворился умершим,
Просто хотел побыть один,
Маленькое сердце остановилось на время,
Его признали мертвым,
В сырой песок зарыли,
С музыкальной шкатулкой в руке.
...
Лишь мороз проник в ребенка,
Он завел часы с музыкой.
Мелодия разносится по ветру,
Из-под земли малыш поет...

«Hallelujah» («Аллилуйя») не вошла в альбом, но была выпущена на сингле. «Однажды мы в газетах прочитали историю про священника, который изнасиловал мальчика. У него не было женщины, и для него это было формой любви. Он не считал себя насильником, он говорил, что таким образом выражал свою любовь».

Консервированный Rammstein

На оформлении обложки альбома необходимо остановиться отдельно. После придумки с шестью вариантами обложки «Sehnsucht», над подтекстом которой спорят до сих пор, ожидать от раммштайновцев можно было чего угодно.

Пауль: «Мы хотим быть оригинальными и не хотим повторяться. Сиделись все вместе и обсуждали, что у нас получилось. И гордились тем, что придумали что-то стоящее. Мы никогда не знаем точно, чего хотим. Просто все пробуем. Так мы работаем всегда. А потом появляются люди из фирмы и спрашивают, что будет на альбоме. И мы отвечаем: „Еще не знаем, дайте нам время“».

Так что же на этот раз придумал коллективный раммштайновский разум и что изображено на обложке? Вероятно, это умерший до или после рождения ребенок. Фотография была сделана известными художниками-концептуалистами Даниэлем и Гео Фукс (Daniel und Geo Fuchs), они же сделали фотографии группы на внутренней части буклета. Оформление обложки легко объяснить. В песне «Mutter» поется об искусственно созданном человеке. У таких людей нет пупков, так как они не были рождены естественным образом, есть трубка в горле (следствие опытов) и в принципе нет родителей. Фото внутри буклета изображает законсервированных после смерти раммштайновцев. Извилистые линии на фотографиях — не что иное как ДНК человека.

А началось все с того, что в одном иллюстрированном журнале раммштайновцы случайно увидели фотографии Даниэля и Гео. Супруги специализировались на том, что снимали научные препараты как живую сущность, этим они и прославились. Жизнь и смерть, как известно, являются темами, которые издавна очаровывают людей. Трилогия Даниэля и Гео «Conserving»: «Conserving Fish» («Консервированные рыбы») — «Conserving Animals» («Консервированные животные») — «Conserving Humans» («Консервированные человеческие существа») наделала в свое время много шума, став настоящим открытием в современной фотографии. Авторы получили признание на многочисленных фотовыставках по всему миру. Им с поразительной легкостью удалось вдохнуть новую жизнь в законсервированные в спирте и формалине экспонаты трехсотлетней давности. Их картины подкупают завораживающей красотой цветов и стройностью формы, они наделены магической силой выражения, открывают созерцателю новые миры и напоминают о мистериях Иеронима Босха.

Однако вернемся к Rammstein. Музыкантам так понравилось фототворчество Фуков, что тут же возникла идея предложить фотоаграфам продолжить свою трилогию работой под названием «Консервированный Rammstein». Фотографировать консервированных живых людей супругам еще не приходилось, но после общения с музыкантами перспектива им понравилась. Фотографии были сделаны в специальной студии с большими закругленными стеклянными контейнерами, похожими на огромный аквариум. «Мы погрузились в воду и принимали различные позы. Два дня на протяжении четырех-шести часов мы поднимались на поверхность, только чтобы сделать глоток воздуха. И при этом получали огромное удовольствие, ведь когда долго находишься в воде, начинаешь чувствовать себя как в космосе, в невесомости, — рассказал в последствии Пауль. — В помещении, где все это происходило, было удивительно тепло. Даже не хотелось выходить на улицу. Это что-то из области Mutter-теории про то, что всегда хочется вернуться обратно, в чрево матери, потому что там тепло и уютно».

Не обошлось, естественно, и без приколов. Больше всего досталось Флаке. После съемок, по словам раммштайновцев, он был совсем никакой: «Бедный Флаке никак не мог научиться нырять, задерживая при этом воздух, и поэтому несколько раз сильно нахлебался этой тягучей зеленой водицы».

Кроме сочинительства и записи песен у раммштайновцев была еще одна задача — придумать новое концертное шоу. Учитывая апокалипсические масштабы их выступлений, дело это было не менее сложным, чем запись. В новое шоу надо было внести различные новшества в соответствии с новой концепцией. Решено было оставить классические раммштайновские спецэффекты (огонь, стрелы, огнеметы). Для новых же композиций придумывали нечто новое. Ясно было, что теперь наряду со стихией огня в шоу должна была появиться стихия противоположная — вода. Вопрос состоял в том, как совместить их на одной сцене и при этом не потерять зрителей. Пришлось вызывать на консультации различных специалистов со всего мира — от инженеров-конструкторов до художников и компьютерщиков.

За студийной работой прошло более полугода, поэтому ребятам захотелось размяться и потряхнуть стариной. Первое появление раммштайновцев на публике после долгого перерыва состоялось в Японии в конце июля 2000-го на фестивале «Fuji Rock» («Фудзи-Рок»). Группа не давала больших концертов уже около года, и когда от организаторов «Fuji» поступило предложение принять в нем участие, коллектив немедленно согласился. Тем более что до Японии группа еще не доезжала и была возможность не только попробовать свои силы, но и

увидеть довольно экзотическую страну.

Пауль: «В Японии у каждого с собой обязательно куча CD и фотокамера. И каждый хочет получить автограф и сфотографироваться с тобой. Я, конечно, ничего не имею против таких желаний, но когда к тебе подходит прямо-таки каждый, то начинаешь уже нервничать».

Флаке: «Мне понравилось в Японии. Там нет слова „нет“. Например, когда заказываю пиво, а его нет, то они не говорят слова „нет“. Они говорят: „У нас есть вкусный апельсиновый сок“ или же „Наша вода также очень вкусная“».

Фестиваль состоялся на японском горнолыжном курорте. Кроме Rammstein в нем участвовали Патти Смит, Nine Inch Nails, Perfect Circle, Foo Fighters и другие. Собственное выступление порядком повеселило раммштайновцев: «Представьте себе концерт, где около полутора тысяч человек и маленькие девочки в первом ряду все время кричат: „Du hast, du hast, du hast mich“. Это очень забавно».

Встает солнце!

В виде сингла, первой ласточкой нового альбома, решено было выпустить композицию «Sonne». Для ее полноценного продвижения не только на радио, но и на телевидении на киностудии в Бабельсберге с 16 по 19 января состоялись съемки видеоклипа по сценарию, написанному самими музыкантами. Новое прочтение старой сказки можно было бы, пожалуй, назвать «Белоснежка и шесть раммштайновцев». Клип был снят режиссером Йорном Хейтманом.

Глубоко в земном чреве грохочет пневматический молот. Там как одержимые вкалывают шахтеры. Все их помыслы только о золоте. На их черных от копоти и совершенно неузнаваемых лицах видны только лихорадочно блестящие глаза. Даже до самых преданных фанатов не сразу доходит, что черные люди в шахте — это раммштайновцы. Скандальная лента продолжительностью 3 минуты 58 секунд действует (в лучших традициях Rammstein) непосредственно на подсознание зрителя. «Мы — шесть гномов, — объясняет Тилль. — Мы хотели раскрыть скрытый смысл этой старой истории». В этой детской сказке речь идет о смерти и возрождении, любви и отвращении, сексе и дурмане, жажде и подавленных инстинктах. Текст песни воспекает двойственную природу дарящего жизнь солнца: «Солнце светит из моих рук, может сжечь, может тебя ослепить...» Белоснежка приносит в подземное царство рабов не только свет и любовь, но и боль, и отчаяние. Как Повелительница, которая на голову выше раммштайновских гномов, появляется она в черной норе. Ребята-мазохисты тащатся от злой девчонки. Пауль и Флаке с явным удовольствием принимают от нее побои (по голым задницам). Но затем следует низвержение с вершины наслаждения: Белоснежка впадает в кому от укола отравленной иглой, но это не швейная игла, а игла шприца... Самое забавное, что супердевочка на самом деле была мальчиком. Белоснежку играл парень ростом 2 метра 12 сантиметров. А миленькое личико добавили потом с помощью компьютерного монтажа. По словам музыкантов, существовал и другой вариант сценария, не менее скандальный: «Одна из идей заключалась в том, что мы изображаем пилотов бомбардировщика и собираемся скинуть ядерную бомбу на город. При этом мы хотели показать, с каким умилением на лицах люди могут кидать бомбы на себе подобных. В тексте „Sonne“ есть слова „Встает солнце“, и мы подумали, что они очень хорошо подойдут к ядерному удару». От этого сценария вскоре отказались по вполне очевидным причинам политкорректности из боязни, что этого уж точно слишком многие не поймут.

По мнению раммштайновцев, текст песни никакого отношения к тому, что происходит в клипе, не имеет. Кроме того, музыканты пошли в своих рассуждениях на тему сказок еще дальше: «Откуда вы знаете, какой на самом деле была Белоснежка? Может, она жрала героин килограммами и трахалась со всеми подряд? Мы просто таким образом показали, какими могли бы быть сказки, если бы мы их писали. Мы вообще ненавидим сказки. Они похожи одна на другую — в каждой какой-то придурочный козел-принц скачет куда-то, скука неимоверная...» Съемки клипа, по словам Оливера, их вообще немало повеселили: «Клип „Sonne“ нам особенно запомнился тем, что мы снимали его в настоящем домике гномов с их маленькими кроватками и всем остальным. Съемки длились долго. В один из дней нас разукрасили с ног до головы в черный цвет, но закончить в этот день съемки мы так и не успели. Естественно, мы не испытывали особого желания идти домой только для того, чтобы помыться, поспать, а потом вернуться рано утром и заново гримироваться. Поэтому мы раздобыли ящик пива и устроили маленькую вечеринку, а спали в гномовских кроватях, что было очень странно и забавно... Мы проснулись как будто посреди какого-то приключения...»

Клип появился на телевидении уже 29 января и быстро стал фаворитом на MTV и немецких каналах VIVA-I и VIVA-II.

Проторить дорогу для нового альбома в Штатах суждено было синглу с композицией «Links 2, 3, 4» и клипу, снятому в жанре компьютерной мультипликации. Причина такого на первый взгляд странного решения — предпочтения американской аудитории Rammstein: «Им надо, чтобы все гремело, они же все равно не понимают слова. А для немецкого рынка мы выбрали „Sonne“ потому, что в ней текст и музыка находятся в контрасте друг с другом».

Триумфальное шествие «Mutter»

Альбом «Mutter» вообще оказался для Rammstein самым концептуальным и, может быть, именно поэтому самым успешным. Как мы видим, в нем было продумано абсолютно все, от обложки до тематики песен. Даже его выход был первоначально намечен на День матери, в провокационном раммштайновском стиле.

Альбом увидел свет в марте 2001 года. Стандартное издание включало в себя 11 композиций. Лимитированный вариант, выпущенный в Европе и Америке, включал второй компакт с видеоклипом «Sonne» и бонус-композицией «Hallelujah». Японское издание тоже имело эту композицию, правда, она нигде не упоминалась, а звучание ее начиналось лишь через две минуты после окончания последней обозначенной на диске песни.

Вскоре стало ясно, что затраченные на запись альбома творческие и финансовые усилия начали быстро окупаться, во всех смыслах. Ажиотаж вокруг коллектива нарастал, что, естественно, не могло не сказываться на продажах. Альбом мгновенно стал «платиновым» в Германии, «золотым» в Швейцарии и Австрии. Уже через две недели после выхода в свет «Mutter» оказался на первом месте в немецких и австрийских мартах, а также в голландском, шведском, испанском, французском и канадском «Топ-20». Впоследствии журнал «Metal Hammer» включил «Mutter» в число двухсот лучших рок-альбомов всех времен (в стиле Industrial, 4 место).

Существуй в России хоть какой-то объективный национальный хит-парад, раммштайновцы и тут явно были бы в его верхних строках. Свидетельством тому стали десятки публикаций в российской музыкальной прессе, где академичные рок-критики наперебой начали признаваться в любви к Rammstein — группе, которую не так давно или просто не замечали, или брезгливо обсуждали «политическую составляющую их творчества».

Первые успехи альбома сильно вдохновили раммштайновцев, и группа начала постепенно возвращаться к активной концертной деятельности.

13 мая началось всемирное турне коллектива с новой программой. Обкатывали ее вначале в немецкоязычных странах, а уже затем продолжили колесить по мировым просторам от Исландии до Мексики. Стоит ли говорить, что везде группу встречали на ура, а билеты на концерты раскупались задолго до приезда музыкантов.

На этот раз группу в туре сопровождало около тридцати человек, трое из которых отвечали за пиротехнику, остальные — за звук и менеджмент. Премьера нового шоу состоялась в Нюрнберге. Было очевидно, что оно стало более интересным, более опасным и зрелищным, чем шоу времен «Sehnsucht-тура».

Новое стоминутное представление начинается так. Из огромной матки, подвешенной под потолком над сценой, с грохотом выпадают шесть раммштайновцев-младенцев в подгузниках. В зале стоит мертвая тишина, «новорожденные» беспомощно дрыгаются на сцене. Появляющиеся лаборанты в белых халатах по очереди держат их под кислородным душем. «Младенцы» медленно пробуждаются... Громадная вспышка разрывает полумрак, и тут же снова становится темно. Секунду спустя Тилль зловещим голосом начинает декламировать: «Nun, liebe Kinder, gebt fein acht! Ich bin die Stimme aus dem Kissen...» («Так, дорогие детишки, ну-ка, внимание сюда! Я — голос из подушки...»). После этого следует взрыв первых гитарных аккордов. Вспыхивают метровые столбы пламени, и в этот момент такой же столб огня вырывается из груди Тилля. Это вспыхивает его сердце — Mein Herz brennt! На сцене стоят баночки, в которых плавают препарированные существа. Возле человеческих эмбрионов музыканты выглядят как ожившие трупы в анатомическом театре. В песне «Spieluhr» на сцене закапывают «живого» ребенка. В песне «Rein raus» довольно наглядно и откровенно (надо сказать, более убедительно, чем ранее в «Buck dich») показан анальный секс с садомазохистским уклоном. В прежнем шоу на Тилле горел лишь плащ. В новом представлении он горит абсолютно весь. «Когда Тилль обжигается огнем, ему помогает лишь то, что он стискивает зубы и задерживает дыхание, — умиляется Флаке, — но когда он обжигается горячим газом, он готов выпрыгнуть в окно...» И это несмотря на то, что Тилль и Шнайдер

являются дипломированными пиротехниками, получившими лицензию на безопасное проведение своих огненных игр. Подобное шоу в полном объеме было суждено увидеть немецким, австрийским и швейцарским зрителям. Когда тур продолжился в других странах Европы, без приключений уже не обошлось. 10 июня концерт в лондонской «Астории» вообще пришлось отменить, причем буквально перед самым началом выступления. За два часа до концерта, во время репетиции, на сцену поднялись организаторы и от имени местных властей запретили группе использовать почти всю пиротехнику как противоречащую правилам безопасности. Самое интересное, что администрацию зала это тоже несколько удивило. Возникла немая сцена, после которой половина раммштайновцев изъявила желание играть и без шоу, но позже на коллективном собрании решено было отменить концерт. Это обстоятельство привело в ярость две тысячи фанов, ожидавших начала концерта на улице. Никакие извинения со стороны музыкантов и обещания приехать еще не помогли. Тогда родилась идея провести вместо концерта «творческий вечер с участием звезд зарубежной эстрады». На этом уникальном мероприятии раммштайновцы несколько часов отвечали на вопросы публики, раздавали автографы и фотографировались со всеми желающими. В других странах война с организаторами концертов продолжалась, правда, до таких крайностей больше не доходило.

За европейским туром, в рамках которого группа посетила Лиссабон, Прагу и даже Рейкьявик, последовал североамериканский. В августе раммштайновцы поджигали Мексику, о чем впоследствии вспоминали вновь с особой теплотой.

Осень 2001 года была ознаменована выпуском третьего сингла с последнего альбома — оригинальная студийная версия композиции «Ich will» была дополнена несколькими ремиксами. Одновременно появился видеоклип. На этот раз участники группы предстали в нем в роли грабителей банка. «Банда» раммштайновцев входит в банк в масках и быстро приступает к грабежу. У Флаке к телу привязана бомба, которая срабатывает, и вся жизнь (в виде предыдущих видео Rammstein) мелькает, как вспышка, перед его глазами. Банк окружен не только полицией, но и фанатами группы, которые не дают полиции стрелять. Незадачливые грабители в конце концов оказываются в тюрьме, затем выходят оттуда в наручниках, а фаны по-прежнему приветствуют «оставшихся в живых» участников команды. Видимо, таким образом музыканты шутливо представили версию своего триумфального возвращения в мир шоу-бизнеса.

Некоторую сумятицу в гастрольное расписание команды внесли сентябрьские теракты в Америке, куда группа должна была вылететь как раз накануне трагических событий в Нью-Йорке 11 сентября 2001-го. Гастроли оказались под угрозой, группа осталась ждать развития событий дома, в Берлине.

В ноябре 2001 года раммштайновское огненно-водное шоу доехало наконец до Москвы и Санкт-Петербурга. Даже консервативную администрацию «Лужников» удалось уговорить отключить автоматическую систему пожаротушения, без чего группе не удалось бы показать свое шоу в полном объеме. Восторженные воспоминания об этих концертах в изобилии содержатся на многочисленных фанатских интернет-сайтах. Можно добавить, что, по словам организаторов концертов, ребята из группы оказались на редкость простыми и коммуникабельными и работать с ними было легко и приятно. Раммштайновцы часто без всякой охраны гуляли по ночной Москве, стреляли из арбалета и метали ножи в одном из ночных клубов, а также раздавали многочисленные интервью.

Ошеломляющий успех этих гастролей и все нараставший на российских просторах ажиотаж вокруг коллектива привели к тому, что группа вскоре получила новое приглашение посетить У6 часть суши. К сожалению, гастроли лета 2002 года прошли весьма смазанно по вине московских властей, которые вдруг, на волне борьбы с массовым уличным хулиганством, вспомнили про то, что группа якобы имеет «скинхедовскую» репутацию, и решили, что массовых побоищ не избежать. В последний момент были отданы соответствующие распоряжения, и вместо тушинского аэродрома 19 июня группа отыграла закрытый концерт в клубе «52». В культурной столице власти оказались поумней (и, видно, покультурней), концерт на стадионе «Петровский» состоялся в назначенный день и прошел без всяких эксцессов.

До октября 2002 года группа практически непрерывно продолжала свой бесконечный гастрольный тур. В конце концов решено было сделать перерыв, чтобы отдохнуть, вдохновиться новыми идеями и, со временем, вновь отправиться в студию для репетиций и работы над следующим альбомом.

Флаке: «Мне очень хочется узнать, как некоторые группы умудряются выпускать новый альбом раз в два года или даже каждый год. Мы снова и снова убеждаемся, что каждый из нас имеет свое собственное представление о том, к какой музыке нам нужно стремиться. Например, я думаю, что нет необходимости записывать четвертый альбом похожим на первые три. Кто хочет услышать ту музыку Rammstein, может послушать и первые три альбома. Для чего ему нужны еще десять таких же композиций? Дело-то не в количестве. Песни не станут

лучше, если их просто будет больше».

Творческий отпуск Rammstein после «Mutter-тура» затянулся на несколько лет. Однако это время не было потеряно. Каждый из музыкантов нашел способ выразить себя на все сто процентов. Рихард окончательно переехал в Нью-Йорк и начал заниматься сольными проектами. Тилль Линдеманн пошел по литературной стезе и выпустил книгу своих стихов под названием «Messer» («Нож»), о ней стоит рассказать более подробно.

На острие «Ножа» («Messer»)

История появления этой книги началась еще в 1995 году, когда еще мало кому известная группа Rammstein только готовилась к завоеванию мира. Именно в этот период Тилль познакомился с театральным режиссером Гертом Хоффом. Встреча эта оказалась по-настоящему судьбоносной для обоих ее участников.

Герт: «Rammstein я услышал впервые в 1994 году. Это было для меня настоящим потрясением, ну прямо нож в сердце. Когда нас познакомился сразу же предложил им свои услуги. С тех пор мы часто работаем вместе».

Знакомство это произошло как раз в тот период, когда раммштайновцы еще только придумывали и проверяли на публике свое огненное шоу. Герт появился как раз вовремя, чтобы спасти ребят от стремительно растущего от концерта к концерту количества травм и ожогов. Но заслуга его была не только в придании раммштайновским сценическим действиям необходимой безопасности. «Я ничего сам не придумывал. Я просто сделал так, чтобы огонь выглядел поэффектней». За долгие годы сотрудничества и тесной дружбы с участниками коллектива Герт неоднократно прикладывал свою руку к постановке, помогал с дизайном, подкидывал интересные оформительские идеи. За прошедшее с той поры время сам он из простого театрального режиссера превратился одного из самых известных в мире массовиков-затейников. В его послужном списке теперь не только концертные шоу таких музыкантов, как Диаманда Галлас и Einstürzende Neubauten, но и феерическая «Ночь Евро» (празднование введения в оборот единой европейской валюты), массовые новогодние празднования в Бухаресте и Пекине и, наконец, недавнее шоу на Красной площади по случаю дня города.

В 2001 году Герт явился инициатором выпуска первой книги-фотоальбома Rammstein, куда вошли не только концертные или студийные снимки, но и фотографии, приоткрывающие занавес над личной жизнью участников группы, — фото из семейных архивов: родители, дети, жены, подруги...

Идея выпустить книгу стихов Тилля появилась у Герта почти случайно. Он искал тогда «интро» для своего очередного массового шоу и, естественно, обратился к своему старому другу Тиллю. Тилль: «Я принес ему пять или шесть вещей из раннего на свой вкус. Хофф прочитал и был поражен: „Почему они у тебя лежат просто так? Еще есть?“» Тилль смущенно показал ему еще десять-двадцать листов. Позже Хофф просмотрел все остальные тексты и встал перед необходимостью выбирать уже из тысячи стихов! Так, постепенно, идея книги конкретизировалась.

Оставалось немного — совместными усилиями выбрать из всего многообразия сочинений наиболее интересное и достойное книги. Результат этой почти двухлетней работы представляет собой весьма внушительное издание на 140 страницах, где типичные для Тилля грубоватые и метафоричные стихи проиллюстрированы не менее загадочными фотографиями. Они в книге не менее важны, чем сами стихи. Тилль на них — совсем не такой, каким все привыкли его видеть. Вместо мрачного, грубоватого, мускулистого пиромана, автора жестких и провокационных текстов своей скандальной группы перед читателем предстает бесполое существо, неудачник в странном окружении армии манекенов.

Тилль: «Эти фотографии показывают другую сторону моей натуры, которая не всем раньше была знакома. Это очень интересный эксперимент — наблюдать, как точка зрения на стихи меняется при помощи фотографий и какие различные варианты возможны. Нет никакой прямой связи между этими художественными формами, но при желании небольшой диалог может возникнуть».

Книга вышла в свет в начале 2003 года и, как и все творчество Rammstein, немедленно привлекла к себе внимание зубастой немецкой прессы. И если раньше Тиллю удавалось избегать всяческих контактов с журналистами, препоручая это своим более общительным коллегам по группе, то теперь от прямого разговора было уже не уйти.

Тилль: «Дело в том, что я очень редко и неохотно рассказываю о своем творчестве. В прошлом столько вещей было переоценено, что я не хочу о чем-либо говорить. Но к сожалению, на этот раз здесь нет пяти моих коллег, которые могли бы меня заменить. Хотя и не особенно-то волнуют меня все эти слухи, полуправда и странные

интерпретации, но не хотелось бы лишний раз давать повод к их возникновению. В нашем случае успех Rammstein доказывает, что мы правы, он делает нас выше всех этих бессмысленных упреков. Это типичный немецкий менталитет — кусание за икры и желание насать друг другу на коленку. Сейчас мы со спокойной душой смеемся над этим. Без сомнения, с выходом „Ножа“ я снова превращаюсь в мишень для нападок. Если средства массовой информации и на этот раз не смогут передать мои мысли в верном контексте, то в будущем, вероятно, они вообще не услышат мою точку зрения».

Тилль, в принципе, оказался прав. Без очередной серии издевок и нападок не обошлось. Одни газеты с нескрываемым ехидством публиковали вырванные из контекста стихотворные куски, поражающие любого нормального читателя грубостью и откровенной вульгарностью. Другие немедленно включили Тилля в шуточный список «Самых неприятных берлинцев года», где тот занял «почетное» 21-е место. Тем не менее книга неплохо продавалась, и поклонники Тилля выстаивались в длинные очереди в книжных магазинах Европы, где автор неоднократно представлял свое детище и давал автографы. Чтобы получить полное представление о «Messer», безусловно, надо хорошо знать немецкий язык — при переводе стихов очень сложно, а подчас и просто невозможно передать одновременно и смысл, и ритмику, и игру слов. Любое переведенное стихотворение неминуемо должно обрасти комментарием, зачастую не на одну страницу. Что касается поэзии Тилля, то в ней, ко всему прочему, множество фразеологизмов, метафор и архаизмов, которые не каждый немец может истолковать однозначно. Поэтому подробный разбор стихотворного творчества Тилля оставим любителям и знатокам немецкого. Остановимся лишь на общей тематике «солонго творчества» главного рамштайновца. Стихотворения в сборнике абсолютно разноплановые. Есть серьезные и философские, есть юмористичные, есть и такие, которые больше похожи на детские считалки или страшилки вроде тех, где «маленький мальчик нашел пулемет...». Есть короткие стихотворные юморески со свойственным Тиллю черным юмором. «Absicht?» («Намерение?»):

У меня есть ружье,
Я его зарядил,
У тебя больше нет головы,
Я вижу это сквозь дым от выстрела...

К другой группе можно отнести стихотворения вроде «Auf dem Friedhof» («На кладбище»):

Когда мой отец был еще жив,
Он любил рассказывать одну военную историю:
Осколок гранаты через шинель попал ему в спину,
И его не могли удалить —
Он, мол, был слишком близко к позвоночнику.
С годами шрапнель сместилась между лопаток,
В большой гнойной сумке,
Я устал, меня тошнит,
И я все еще не нашел эту штуковину.

Любовная лирика Тилля, грубоватая, но искренняя, тоже находит свое место в сборнике:

Приходи, я готовлю тебе суп
Из желаний падающей звезды,
Из поцелуев и пота на ляжках,
Из слез из-под зада.
Я сгибаю тебе каждый волосок,
Бросаю свой якорь в твое море

И глубоко в свою душу
Заточаю твой портрет,
Хочу его перенести в мое сердце
И глубоко в моем теле запереть...

Несколько стихотворений в сборнике посвящены дочери Тилля — Неле. «Nele»:

Не делай этого,
Не трогай это,
Потому что можно обжечься,
Не делай этого!
Ах, оставь это!
Тебе будет больно, и ты будешь плакать.
...
Мое дитя, чтобы с тобой не случилось никакой беды,
Я стал бы жрать дерьмо,
Я стал бы пить гной,
Позволил бы посеребрить себе зад,
Чтобы на это серебро покупать тебе кукол.
Только осторожно,
Не делай этого!
О, оставь это!
Тебе не нужно замерзнуть, чтобы почувствовать,
Болезнь приходит сама по себе,
Только боги могут касаться тебя,
И даже тогда я буду с тобой,
Потом я буду с тобой,
Буду с тобой.

Но Тилль не был бы Тиллем, если бы основную часть его стихов не составляли те, стиль которых уже принес ему армию поклонников и не менее многочисленное количество противников, а его группе скандальную славу. Это стихи о насилии, сексе, тоске, отчаянии и одиночестве.

Тилль: «Конечно, поверхностно тексты отмечены насилием и всеми видами провокаций. Однако, если вчитаться внимательно, открывается комичность, которую мало кто замечает. Несмотря на то что все тексты появляются в подсознании из одного слова, неопределенной идеи или истории, я всегда оставляю что-то вроде маленькой лазейки, для того чтобы при чтении все еще можно было улыбнуться. Наиболее отчетливо это заметно в стихотворении „Big in Japan“, которое я написал после посещения одного ночного бара в Токио. Там был один артист, который действительно цеплял себе огромные грузы на член. Известно, что японцы не слишком уж одарены физически, но это было так натянуто, что пародия на песню группы Alphaville была необходима. «Big in Japan»:

Это грустная история
О мужчине, который предстал перед судом
За то, что он под своим плащом
Прятал гантелю на яйцах,
Которая служила ему для того,
Чтобы пугать маленьких детей.
Он встал перед детским садом,
Карапузы глазели на него,

Он распахнул пальто,
Чтоб показать свое мастерство,
Девочки засмеялись, его позоря,
Тогда он добавил еще 3 килограмма,
Таким тяжелым его груз никогда не был,
Мошонка оторвалась, артист закричал...

Тилль: «Нет, однако, ничего более приятного и интересного для художника, чем создать трение, поляризовать и наблюдать множество различных реакций. В случае с „Ножом“ оно простирается от страха и озадаченности до настоящего наслаждения. Конечно, иногда я сам себя спрашиваю, что за монстра я там создал? Но, с другой стороны, ты тихо смеешься и радуешься своему маленькому, грязному, черному „кое-кому“».

Оценивая книгу в общем, многие вдумчивые критики прежде всего обратили внимание на яркий образ лирического героя Тилля, образ, который до определенной степени можно отождествить с самим Тиллем. Как написала одна из немецких газет, эта книга, прежде всего, говорит нам об ее авторе, который имеет репутацию провокатора, нарушителя всяческих табу и подрывателя моральных устоев, «но при более тщательном рассмотрении лирика Тилля открывает индивидуума, которым, по сути, и является главный герой Линдемманна: ранимое, ищущее защищенности и привязанности существо, отвергнутый псих, нежный убийца в поисках искупления — есть много описаний ролей в его исключительной личности...».

Тилль: «Я думаю, что в будущем литература будет для меня важнее музыки. Эта книга — что-то вроде взгляда назад, завершение какого-то периода жизни и оценка своей работы...» Обычная жизнь Тилля, в отличие от его творчества, вовсе не полна крайностями. Он живет довольно скромно и старается быть умеренным во всем. Материальная обеспеченность не сделала его безумным транжирой или кутилой: «Я разве что время от времени паркуюсь на тротуаре или превышаю скорость. Разрешаю себе эту „анархию“, за которую могу заплатить. Единственная экстравагантность, которую я себе позволяю, так это вместе с моим другом и издателем Гертом Хоффом скупать небольшие обанкротившиеся зоопарки. Мы надеемся, что однажды сможем купить зоопарк целиком, чтобы животных не разлучали и не развозили по разным местам...»

Мы едем, едем, едем...

Четвертый альбом Rammstein пришлось дожидаться, как обещанного, три года, поэтому слухов и всяческих сплетен вокруг группы на этот раз циркулировало гораздо больше обычного. Стали появляться предположения о скором распаде группы. Масла в огонь подлил Рихард, уехав в Нью-Йорк на неопределенное время. До самих рамштайновцев слухи о том, что группа перестала существовать, дошли неожиданно. Однажды Флаке попросил оформить покупку в одном музыкальном магазине на счет Rammstein, а продавец, к его вящему удивлению, выразил сомнение, что группа все еще существует.

После этого, чтобы удовлетворить информационный голод своих фанатов, самые разговорчивые рамштайновцы дали прессе серию откровенных интервью, в которых честно признались, что и правда были на грани распада из-за столкновения амбиций, но в какой-то момент им удалось это преодолеть. Одна из причин, как признавались потом ребята (и сам гитарист-виновник) — в трудном характере Рихарда.

Шнайдер: «Мы дошли до предела, когда стало невозможно упомянуть имя Рихард без того, чтобы не добавить „идиот“ или „ублюдок“! Странно, что не было никаких личных претензий. Но как только речь заходила о музыке, Рихард был последним человеком, которого мы хотели слушать. Ему был необходим хороший урок!»

Рихард: «Конечно! Я чертов псих, страдающий манией контролирования, и мне надо было избавляться от этого! Как вы думаете, можно ли было это сделать иначе, быстрее? Прежде всего, было больно осознать, до какой степени я был занудой из-за своей принципиальности, затем надо было от этого избавиться. Более того, я понял, что это желание все контролировать в равной степени повлияло и на мою личную жизнь». Как мы знаем, именно в 2003 году брак Рихарда с Карен Бернштайн распался.

Надо признать, что кризис в группе был косвенно связан с неудачной раскруткой альбома «Mutter» в Америке. Шнайдер: «Мы склонны винить в этом звукозаписывающую компанию, так как „Mutter“, я считаю, лучше „Sehnsucht“. Эта коммерческая неудача не имеет ничего общего с качеством: доказательством является то, что

он очень хорошо прошел в Европе, включая Англию».

К тому же провокационный клип «Ich will» вышел в крайне неудачное время, как раз после злополучного 11 сентября, когда террористы-раммштайновцы, пусть даже больше похожие на клоунов, воспринимались слишком буквально и совсем неуместно, поэтому в Америке от показа этого клипа пришлось отказаться.

После небольших каникул в Нью-Йорке Рихард немного поостыл и все-таки вернулся в компанию заклятых друзей. Как вспоминает Шнайдер, у которого с Рихардом были самые дружеские отношения, они вдвоем несколько раз спонтанно выступили на сцене и в студии, после чего все стало возвращаться на круги своя. Больше вопросов о том, кто главный в группе, не возникало. Предрекавшие коллективу скорый раскол раммштайноведы вынуждены были признать, что эта загадочная немецкая команда, взращенная на просторах соцлагеря, обладает каким-то феноменальным свойством сочетать в себе принципы демократического централизма, что это делает ее невероятно устойчивой. Каждый участник свободен в самовыражении, но вместе с тем подчиняется делу, которое их объединяет.

Флаке: «Мы решили эту проблему, убрав почти все обязательства: теперь мы не должны проводить все время в студии. Однако осталась договоренность всем присутствовать на репетициях».

Шнайдер: «За кулисами у каждого из нас теперь есть своя комната. Действительно, каждый из нас пытается не вторгаться на территорию другого. Мы предоставили друг другу больше личного пространства, сделали все, чтобы ощущать себя как можно свободнее. Это вылилось в большое количество выходных и в минимум ограничений. В итоге мы все друг другу нравимся и предпосылок для войны нет!»

Результат мудрой политики мирного сосуществования — совместное творчество и очередной, четвертый альбом.

«Reise, Reise» записывался в романтической обстановке, в Испании, на побережье Коста-дель-Соль. Он вышел 27 сентября 2004 года и вызвал неоднозначную реакцию: одним показался недостаточно металлическим, в чем-то тенденциозным, с тяготением к попсовости, другие, наоборот, отметили разнообразие композиций, мелодичность и глубокий философский подтекст.

Так или иначе, «Reise, Reise» (перевод по смыслу перекликается с известным шлягером восьмидесятых «voyage, voyage» или «мы едем, едем, едем», это уж как кому нравится) отличается от предыдущих альбомов и концептуально вполне соответствует теме кругосветного путешествия. Несмотря на противоречивость отзывов, и недели не прошло, как альбом стал «платиновым», да не один раз.

Обложка вполне соответствует концепции и заглавной песне альбома «Reise, Reise» — ярко-оранжевый цвет «черного ящика» с надписью «бортовой самописец: не вскрывать!». Если внимательно прислушаться, то на 38-й секунде первого трека можно услышать отрывок реальной записи из «черного ящика».

Флаке: «Вначале мы хотели вставить этот трек в каждую песню, но потом забросили эту идею — слишком громоздко».

В остальном композиция альбома «Reise, Reise» продолжает традиции «Mutter»: патетика симфонизма переплетается с жестким электронным индастриал-саундом. Нельзя не отметить развитие вокала Тилля. По сравнению с первыми альбомами, где он скорее декламирует, почти скандирует куплеты под четкий ритм маршеобразных куплетов, здесь его голос достиг своего высшего развития.

Рихард: «Для меня важнее всего то, что в „Reise, Reise“ Тилль действительно стал певцом. Он развил свой голос по-настоящему».

Особо стоит отметить вторую композицию альбома — «Mein Teil», в которой Тилль опять обратился к темным сторонам подсознания, но на этот раз вдохновение он черпал не из своего собственного духовного опыта, а из... газет:

Сегодня ужин при свечах,
Я, господин, в твоих руках,
Кусочек нежный есть в меню,
Но я и жесткие люблю!

Ты есть то, что ты ешь!
На куски меня разрежь!

Оливер рассказывал, что идея песни возникла после того, как «один из членов команды принес на репетицию газету, в которой была история об этом парне-каннибале. Мы были просто потрясены, шокированы и в то же время нас это отвлекло». Тилль тут же заявил: «Это настолько отвратительно, что даже гипнотизирует, и мы просто обязаны написать об этом песню».

Напомним, что речь идет о чудовищном случае каннибализма «по обоюдному согласию», который произошел в 2001 году.

Рихард: «Эта песня ссылается на удивительное происшествие, которое случилось в Германии. Иногда становится известно о современных каннибалах, которые пожирают своих жертв. Но этот случай значительно превзошел все клише жанра: и правда, впервые жертва сама попросила себя оскотить и съесть член! Вы представьте психологическую проблему, поставленную в таком случае перед человеком!»

В Германии композиция «Mein Teil» вызвала новый шквал бурных споров, пресса тут же окрестила ее «песней каннибала». Это, естественно, помогло ее еще больше раскрутить: вскоре после релиза она заняла вторые строчки немецких чартов.

Припев этой песни: «Потому что ты есть то, что ты ешь, а вы знаете, что он ест» — содержит в себе прямую отсылку к известному высказыванию знаменитого немецкого философа-гуманиста Людвиг Фейербаха: «Человек есть то, что он ест» — и приобретает оттенок зловещего каламбура из-за столкновения буквального и переносного смыслов.

К удивлению самих рамштайновцев, именно «Mein Teil» была выбрана их менеджментом в качестве первого сингла для промоушена будущего альбома.

Шнайдер: «Дело в выборе нашей звукозаписывающей компании, он нас тоже очень удивил».

Рихард: «Если бы мы могли выбирать, мы бы голосовали за „Morgenstern“ или „Keine Lust“».

Вскоре ремиксы на эту песню были сделаны Артуром Бейкером и группой Pet Shop Boys. А сама композиция в 2005 году была номинирована на премию «Grammy» в категории «Best metal song».

Теперь немного о клипе на «Mein Teil». Съемки проходили в 2004 году в Берлине, режиссером был выбран Зоран Бихач (Zoran Bihac), который уже работал с Rammstein на клипе «Links 2,3,4». Членам группы нравилось с ними работать, потому что он «прекрасно улавливает нашу самоиронию».

Но и с этим клипом не обошлось без трений. Существует две версии ролика — с цензурой и без, в последней ангел делает минет Тиллю, прежде чем тот с ним разделается. Его друзьям по цеху тоже есть чем заняться. Флаке изящно изображает танец маленьких лебедей в измененном состоянии сознания. Пауль в порезанном бритвой прикиде трясется, жестоко страдая и извиваясь на глазах у всей съемочной группы в неистовстве и безумии. Рихард жестоко дерется с самим собой, Оливер, бледный как смерть, в одной набедренной повязке, корчится на полу в приступе столбняка, наконец вся компания (за исключением Шнайдера, который в виде некоей классной дамы наблюдает за всеми этими экзерсисами) валяется в грязи, потом все пятеро на одном поводке, который держит все та же «классная дама»-Шнайдер, выползают на четвереньках из станции берлинского метро «Германская Опера» («Deutsche Oper U-Bahn»), на удивление проезжавшим мимо автолюбителям.

Отдельной истории заслуживает сцена борьбы Рихарда Круспе с самим собой. Двойника в клипе сыграл борец второй лиги команды Тальхайма двадцативосьмилетний инженер-строитель Ральф Питерек (Ралле). Идея борьбы с двойником принадлежала Рихарду, похоже, ему просто захотелось вспомнить шверинские времена и поваляться на мате. В стремительной смене кадров лицо Ралле невозможно разглядеть, поэтому создается полная иллюзия, что Рихард борется с самим собой. За несколько часов съемок Рихарду пришлось несладко, по его собственным словам, Ральф ему здорово навалил. Сингл настолько потряс публику, что создатели фильма «Resident Evil: Apocalypse» («Обитель зла: Апокалипсис») включили «Mein Teil» в саундтрек.

Между тем рамштайновцы решили подзаработать на рекламе и впервые за всю историю группы дали разрешение сопровождать ролик «Mercedes» инструментальной аранжировкой композиции «Mein Herz brennt», что немедленно вызвало бурю возмущения среди поклонников.

Следующий сингл «Amerika» появился осенью как своеобразный ответ на вторжение Америки в Ирак. Тема кока-кола-низации и строительство Диснейлендов с неизменными Микки-Маусами по всей Европе стали прямой сатирой на доминирование американской культуры по всему миру.

Мы, мы все живем в Америке,
Америка — страна чудес!

Мы все живем в Америке!
Америка, Америка!

Кружитесь в нашем хороводе,
И скрипки гимн поют Свободе,
Для Африки есть Санта-Клаус,
А для Парижа Микки-Маус!

Рихард Круспе довольно неожиданно сравнил песню «Amerika» с земляничным тортом: «Я люблю земляничный торт. На самом деле. Но если я съем его слишком много, мне будет плохо».

Клип, который был снят Йорном Хайтманном (режиссер клипа «Ich will»), пародирует легенду о постановочной съемке высадки американцев на Луну, которую якобы выполнил Стенли Кубрик по заданию НАСА. Сомнения в подлинности съемок появились благодаря истории с флагом. На кадрах «лунной хроники» американский флаг, установленный астронавтами, развевался на ветру. Но откуда взяться ветру на Луне?

В видеоклипе раммштайновский отряд в костюмах времен американской программы «Аполлон» развлекается на Луне, как у себя дома: они фотографируются, играют в пинбол, как среднестатистические американцы, пытаются что-то сделать с флагом, явно напоминая зрителям о промашке Голливуда. Наконец, они взаимодействуют через телевизор со всеми мировыми культурами. Высокотехнологичные «лунные» кадры постоянно перемежаются съемками нарочито контрастной экзотики: то это африканские племена в обнимку с Санта-Клаусом, то индус в чалме, закуривающий «Lucky Strike», или группа буддийских монахов, жующих гамбургер (что невозможно по определению), и так далее.

Съемки клипа проходили на руинах химической фабрики в Рюдерсдорфе, неподалеку от Берлина. 240 тонн земли было нанесено в зал, и лунный ландшафт был готов... Ассистентам приходилось постоянно посыпать ее сверху светлой пылью из распылителей, чтобы все выглядело реалистично. Как вспоминает Пауль, ребятам пришлось нелегко: «После нескольких шагов, которые мы делали по такой поверхности, все опять становилось черным. И они посыпали снова. К несчастью, техника плохо уживается с пылью... Все было непросто. Скафандры мы взяли напрокат в Голливуде, внутри них была такая невообразимая жара, что нам иногда казалось — вот сейчас еще немного, и кто-нибудь свалится с тепловым ударом. Еще ужаснее было то, что мы должны были играть песню в два раза быстрее, чем на самом деле, чтобы потом, при нормальном воспроизведении, все движения выглядели бы замедленными».

Что касается намеренной провокационности этой песни и клипа, то, похоже, после заокеанского провала «Mutter» раммштайновцев перестала волновать американская судьба их творений.

Шнайдер: «Мы и правда не объясняемся в любви к американской нации! Мы больше не любим Соединенные Штаты. В последнее время там произошло слишком много странного. Заметьте, мы не выступаем против американцев, мы выступаем против позиции их государства. Мы считаем, что этот народ должен задуматься над тем, что происходит за границей их территории».

Вполне закономерно, что менеджмент Rammstein в план промоушена альбома «Reise, Reise» США не включил.

Для начала группа решила обкатать новый материал на родине и в октябре выступила в клубе «Knaak». Чуть позже читатели журнала «Kerrang!» увидели раммштайновцев в совершенно невероятном и неожиданном для всех имидже — в женской военной форме времен Второй мировой войны, в женских париках, с макияжем и маникюром. Для тех, кто привык видеть brutальных немцев с оголенными трицепсами и голыми торсами, это был настоящий культурный шок. Тем не менее они в таком виде еще и выступили, правда на закрытой вечеринке «10 Jahre Motor» в бывшем здании Парламента, а также в символе уже не существующей коммунистической ГДР берлинском «Palast der Republik».

С ноября стартовал очередной тур, такой же масштабный, но без привычного реквизита — пластикового фаллоса и горящего плаща, вместо этого Тилль появлялся на сцене то в фартуке мясника и со здоровенным секачом, то в прикиде, напоминавшем гусарский мундир XIX века или костюм укротителя, дополненный галифе. На сцену выкатывался гигантский котел, в котором бедный Флаке умудрялся играть на своем синтезаторе. Заканчивалось все, естественно, морем огня и мечущимся по сцене горящим клавишником.

Пока на многочисленных выступлениях Флаке варился живьем, был выпущен сингл «Ohne dich» («Без тебя») вместе с клипом на тему мужской дружбы.

Спокойная и мелодичная композиция вполне соответствует простой и душевной истории о друзьях-альпинистах, которые не бросают своего товарища (Тилля) в беде и тащат его, раненого, на вершину, на которую он так стремился попасть и где умирает вполне умиротворенный.

Надо сказать, что «Ohne dich» вместе с еще парой песен попали в новый альбом из обложки «Mutter». Шнайдер: «„Ohne dich“ и „Los“ мы записали для „Mutter“, но они нас не устроили. Тяжелая версия „Los“ первоначально была очень далека от кантри-звучания, которое мы ей придали на „Reise, Reise“».

Пресса недоумевала: за два месяца — третий сингл! Флаке: «Мы настолько довольны записями, что могли бы позволить появиться этому синглу уже через две недели после выхода альбома. Это не как у некоторых групп, которые выпускают диск только с двумя хорошими песнями, а остальное — мусор».

В конце ноября 2004 года Rammstein опять порадовал Москву и Санкт-Петербург своим феерическим шоу. В Питере, правда, не обошлось без эксцессов — лодку, в которой традиционно отплывал Оливер, опять уронили и чуть не порвали на сувениры не только ее, но и Риделя. Так что до Москвы лодка не доехала, зато московских фанатов ждал специальный сюрприз — угарно-патриотичную песню «Moskau» украшали стриптизерши из клуба «Белый медведь» в пионерских галстуках.

Если внимательно посмотреть на историю туров, можно заметить, что после Москвы Rammstein должен был отправиться к братьям-славянам в Польшу, однако по загадочной причине концерт был отменен. Оказывается, подвели российские дороги, сезон был выбран неудачный — осень, менеджмент Rammstein легкомысленно упустил это из виду. В итоге Польша пострадала, потому что сломалась одна из тринадцати фур с оборудованием, и концерт перенесли, причем всего на полтора месяца.

Но вернемся опять в Москву, вернее, к «Moskau». Оказывается, рамштайновцы задумали и сложили эту довольно попсовую композицию опять же для альбома «Mutter». Шнайдер вспоминает: «Идея создания „Moskau“ тоже родилась во время написания „Mutter“. Тогда ей были присущи ритмы джангла. Но поскольку мы так и не придумали для нее подходящих слов, решили оставить эту идею в стороне. Но как только мы привнесли в нее толику Rammstein, она сразу была переделана для „Reise, Reise“».

В этой песне звучит пронзительный «Тату»-образный женский голос, но, к вящему разочарованию поклонников девичьего дуэта, с Rammstein поет эстонская певица Виктория Ферш. Впрочем, сначала действительно планировалось записать «Тату», но переговоры с менеджментом группы излишне затянулись, и девичьему дуэту была найдена достойная замена.

Незадолго до представления в Москве попсовость одноименной песни и ее провокационность (как-никак в песне город недвусмысленно сравнивается с проституткой) вызывали некоторые опасения даже у самих музыкантов.

Этот город — проститутка
С красными пятнами на лбу,
Ее зубы из золота,
Она жирна, но все же так мила,
Ее рот скользит в мою долину,
Если я ей плачу за это,
Она обнажается — но только за деньги,
Город, от которого у меня дух захватывает!

Флаке: «Идея о сравнении города с женщиной не так уж и нова. Не мы это придумали... Мы очень любим русских и не считаем, что эта песня будет воспринята как-то не так. Однако мы не исключаем небольшую критику, потому как Москва город жестокий и агрессивный. Также он очень коррумпирован. Его жители не стесняются поставить мигалку на свою машину, чтобы вырваться из пробки, в то время как машина „Скорой помощи“ должна ждать... Не знаю, будем ли мы ее где-то играть кроме как в Москве».

Как вспоминал потом Шнайдер, «мы сыграли ее в Москве, где ее потрясюще приняли, как и ожидалось. Все журналисты, которых мы там встретили, высказывали свое сожаление по поводу того, что она не выйдет на сингле».

По поводу других песен альбома «Reise, Reise» критики отзывались по-разному. Отдельно стоит остановиться на композиции «Dalai Lama». Тяжелые гитарные риффы в ней удачно сочетаются с драматичностью вокала

Тилля и духом традиционной немецкой романтики. Правда, сюжет песни, который был навеян балладой Гёте «Лесной царь» и творчеством немецкого новеллиста Теодора Шторма, совсем не совпадает с ее названием, но этому есть свое объяснение.

Флаке: «Мы придумали название этой песни прежде, чем написали к ней текст. Вначале нам было важно связать музыку с атмосферой Востока. Когда же мы закончили написание текста, нам захотелось поменять название песни. Мы пробовали такие названия, как, например, „Flugangst“ (страх летать самолетами) и «Air König» (игра слов: «Air König» — «Царь воздуха» и «Erlkönig» — название произведения Гёте. — Примеч. автора.), но ничего из этого не подходило, и в итоге мы оставили первоначальное название».

Шнайдер: «Действительно, эта песня ссылается на „Лесного царя“, стихотворение, крайне популярное в Германии, мы поместили его сюжет в современный контекст. В оригинале история рассказывается от лица отца, который пытается успокоить своего сына, утверждающего, что видит темные силы, в то время как оба они едут верхом по ночному лесу. Тилль же заменил место действия на самолет, который летит сквозь бурю. Там тоже отец пытается успокоить своего ребенка, который, как и в стихотворении Гёте, прибывает к месту назначения мертвым».

Тревожная и печальная песня о трагедии в самолете сменяется жестко-ритмичной композицией «Keine Lust» во вкусе утонченных ценителей инновационной музыки Rammstein, с типичными для группы обрывными гитарными риффами и подчеркнутым звучанием ударных.

В январе 2005 года раммштайновцы сделали вынужденный перерыв, так как японский релиз альбома задерживался, и по экономическим соображениям гастроли в Страну восходящего солнца откладывались. Тилль тем временем стал совладельцем фирмы-производителя модной обуви «New Rock».

В феврале Rammstein продолжил тур по Германии, Австрии и Швейцарии и завершил его синглом и клипом «Keine Lust», в котором музыканты, надо сказать, превзошли кого бы то ни было в самоиронии, буквально показав, как можно разжиреть от славы (а может, и от пресловутого американского фаст-фуда).

Рихард Круспе: «Поначалу мы искали какую-нибудь штуку, которая символизировала бы название песни, означающее „нет желания“, и показывала бы, что нельзя иметь то, что хочешь, если это все к тебе приходит исключительно благодаря деньгам, как, например, красивые девушки, машины и так далее. И наконец мы решили рассказать еще и о том, что если тебе что-то понравилось, то ты будешь делать все, чтобы пережить это вновь. Но это уже никогда не будет таким, каким было впервые, как, например, первый поцелуй или первый сексуальный опыт. Это распространяется на все. Когда это превращается в булимию, ты начинаешь безостановочно обжираться. Это мы и хотели показать нашим гримом».

Клип вышел в марте, и во время церемонии «Эхо» музыканты выступили в этих булимийных костюмчиках.

Шнайдер: «Конечно, мы играли вживую, и это нам дорого обошлось. Из-за пяти минут выступления мы провели шесть часов в гримерке в окружении десяти специалистов по макияжу».

Многие поклонники терялись в догадках; как можно преобразиться в двухсоткилограммовые туши? При этом надувные костюмы вопросов не вызывали, а вот что сделали с их лицами?

Шнайдер: «Да, все, что было связано с кожей, вызвало большие затруднения. Сначала были сделаны социальные слепки, на их основе затем изготовили силиконовые маски, которые, надевая, пришлось тщательно приклеивать. Нужно было добиться стопроцентного контакта с кожей, чтобы передавать всю нашу мимику. Потом нам сделали плавные переходы между маской и лицом, нанесли краски, тени и т. д. Ну и само собой, потели мы в них — дай боже!»

В том же феврале к раммштайновскому туру присоединились виолончелисты из Apocalyptica. Кстати, незадолго до этого горячие финские парни под предводительством матери панка Нины Хаген сделали впечатляющую каверверсию на раммштайновскую композицию «Seemann» этой волне к Нине Хаген снова вернулась мировая слава.

На десерт — четыре песни с «Reise, Reise», тоже заслуживающие внимания.

По мнению некоторых критиков, «Los» выделяется из всего альбома как настоящая акустическая песня. В этой композиции можно расслышать смесь рок-н-ролла и фолка а-ля Led Zeppelin и Rolling Stones с весьма удачно устроенной губной гармошкой в стиле кантри.

Оливер Ридель: «У этой песни есть также и классическая раммштайновская версия. Но акустическая версия неожиданно стала для нас основной».

В песне «Morgenstern» просматриваются готические мотивы, усиленные трагическим хором, который напоминает стиль «Lacrimosa». Через мрачный саунд как лезвие ножа проходит неистово тяжелый индастриал.

Далее идет не менее мрачная среднетемповая «Stein um Stein», переходящая в припеве в бешеный гитарный

рифф.

И наконец, последняя песня, «Amoug», — пожалуй, самая лиричная по музыке и тексту тема альбома. Спокойное умиротворяющее начало с постепенным нарастанием темпа переходит в финале в поистине адский метал. В этом смысле музыка стопроцентно выражает смысл текста:

Любовь — дикий зверь,
Она дышит тобой, она ищет тебя,
Гнездится на разбитом сердце,
Выходит на охоту с поцелуем и свечами,
Пожирает меня вместе с кожей и волосами
И снова выдавливает меня через день и год.
Может падать мягко, как снег,
Сначала будет жарко, потом холодно, а в конце будет больно.

На деле любовный огонь у самих участников легендарной группы к тому времени еще не погас. Весной того же года Кристоф Шнайдер удивил фанатов и окончательно разбил сердца девочек-фанаток из всех стран, выбрав в спутницы жизни россиянку Регину Гизатулину, которая сопровождала его в качестве переводчика на российских гастролях с 2001 года. И так, герой самого женоненавистнического клипа «Du hast» женился, свадьба состоялась 14 мая 2005 года в Берлине.

Лето ознаменовалось первой ласточкой из следующего альбома. Сначала рамштайновцы добрались-таки до Японии, и это клубное выступление было таким незабываемым, что затем попало на третий официальный DVD.

Вернувшись в Европу, группа приняла участие в нескольких фестивалях в Германии и Голландии, закрепив впечатление четырехдневным совместным концертом с прославленной Apocalyptica в легендарном берлинском Wuhlheide. Здесь и состоялось премьерное исполнение песни «Benzin», первой с грядущего альбома.

В конце июля в Швеции во время концерта произошел инцидент, который заставил отменить концерты в Японии и Корее. Несмотря на свою subtilность, Флаке удалось покалечить могучего Тилля, разъезжая во время песни «Amerika» по сцене на самокате. Потеряв управление, он врезался сначала в свою стационарную установку, а еще через секунду — в вокалиста группы. Тилль почувствовал адскую боль, но допел песню до конца. Поскольку это была не первая травма, ногу пришлось долго лечить.

Красная роза — эмблема печали

Пятого альбома пришлось ждать недолго — только музыканты отыграли за лето программу «Reise, Reise», как 25 октября 2005 года уже вышел «Rosenrot». Такая, казалось бы, поспешность была не в духе группы, но объяснялось все довольно просто. Тилль: «С нашего предыдущего альбома „Reise, Reise“ у нас осталось несколько песен, так что потом мы просто пошли в студию и записали несколько новых треков. Можно сказать, что осталось семь или восемь запасных игроков на скамье. Сегодня эти запасные вышли на поле, к ним присоединились еще трое новеньких, и команда держится на уровне. Да, для вас мы выставили блистательную команду».

Новый альбом, пожалуй, удивил всех своей меланхолией и лиричностью. Несмотря на то что концептуально это продолжение «Reise, Reise», «Rosenrot» сильно отличается от «первой части». С одной стороны, «Rosenrot» откровеннее и эмоциональнее, с другой, — музыкальная составляющая альбома удивила многих своей тяжелой inferнальной глубиной, которая выражена с помощью металлических нововведений и тяжелых гитарных проигрышей. Каких же «запасных игроков» имел в виду Тилль?

Оливер: «Каждый может и правда воспринимать этот альбом как продолжение предыдущего, ибо шесть песен с него были написаны во время записи „Reise, Reise“: „Rosenrot“, „Wo bist du“, „Mann gegen Mann“, „Zerstören“, „Ein Lied“, „Feuer und Wasser“. Некоторые песни, написанные еще для „Reise, Reise“, имели другие названия».

Пауль: «„Spring Jungle“ стала „Spring“, из „Student“ вышла „Benzin“, из „Ich bin“ получилась песня на

испанском. В основном мы всегда пытаемся сделать каждый диск настолько тяжелым, насколько это возможно. Однако в подруги не берут просто так, лишь когда влюбляются. Хочу сказать: Я буду рад, если следующий диск будет жестче».

Что касается названия нового альбома, то поначалу его хотели назвать просто «Reise, Reise (Vol. 2)», но звукозаписывающая компания сочла это неудачным с коммерческой точки зрения. Тогда рамштайновцы очередной раз продемонстрировали свою приверженность немецкому фольклору и Иоганну Вольфгангу Гёте — название «Rosenrot» было навеяно сказкой братьев Гримм «Беляночка и Розочка» и стихотворением Гёте «Дикая роза» («Heidenröslein»). Приведем отрывок из немецкого классика:

Он сорвал, забывши страх,
Розу в чистом поле.
Кровь алела на шипах.
Но она — увы и ах! —
Не спаслась от боли.
Роза, роза, алый цвет,
Роза в чистом поле!

Перевод Д. Усова.

Тилль: «Название „Rosenrot“ и судно на обложке — чистой воды антагонизм. В этом есть по-настоящему классная эстетика. Человеку с фантазией есть над чем подумать!»

А вот над обложкой альбома думать долго не пришлось, поскольку идея с фотографией американского ледокола «Атка», сделанной 13 марта 1960 года в Антарктиде на станции Мак-Мёрдо, была уже использована для японской версии «Reise, Reise».

Когда изучаешь творчество Тилля Линдемманна, складывается впечатление, что для некоторых своих хитов он черпает вдохновение из средств массовой информации: узнал из газет про каннибала — и тут же песню сочинил, сообщили о повышении цен на бензин — вот вам, пожалуйста, песня о дорожающем топливе, да еще с упоминанием немецкой сети заправок «Газолин». Противники группы назовут это конъюнктурой, а для ценителей и исследователей тут есть над чем поразмыслить. Получается, что Тилль, возможно сам того не подозревая, использует прием самоотрицающей иронии и пишет некоторые «программные» тексты как псевдоотклик на газетную новость.

В одном интервью Тилль действительно признался, что написал песню про бензин в ответ на новость о повышении цен на топливо. В песне эта тема получила неожиданное преломление, бензин стал символическим, жизненно важным элементом бытия человека, таким как кровь, воздух, вода.

Если ты хочешь с чем-то расстаться,
Ты должен это сжечь.
Не хочешь это больше видеть —
Пусть плавает в бензине!
Бензин!
Мне нужен бензин!
Бензин!
Да, бензин!
Дай мне бензин!

С музыкальным оформлением рамштайновцы опять поэкспериментировали: ввели в этой песне трубы, что для металлической группы довольно необычно.

Рихард: «Мы уже использовали струнные и оркестр. Действительно, духовая секция — новая тема, но мы хотели звучать чуть-чуть по-немецки, придать эпический размах».

Что касается клипа «Benzin», то его сюжет, по доброй традиции, практически не имеет никакого отношения к

тексту песни, разве только к упоминанию горючих свойств бензина, которые объясняют присутствие в клипе пожарных, правда довольно безумных. Пока они добираются до места происшествия, им удается разгромить полгорода своей машиной.

Не успели отгреметь фанфары в клипе «Benzin», как в декабре 2005 года, на радость публике, вышли сингл и клип «Rosenrot». Тогда же группа уже вторично номинировалась на «Grammy», правда безуспешно (чуть позже финский филиал «Grammy» компенсировал эту несправедливость). Родная Германия одаривала Rammstein заслуженными золотыми и платиновыми наградами.

В концептуальном клипе «Rosenrot» рамштайновцы опять всех удивили. На этот раз они предстали в облике бродячих монахов. Если присмотреться, то их одеяния говорят о принадлежности то ли к разным орденам, то ли к разным христианским конфессиям (из чего можно сделать далеко идущие философские выводы о подтексте клипа). Итак, по сюжету они заходят в румынскую деревушку (съемки проходили недалеко от Брашова) в момент какого-то сельского праздника. Монах-Тилль влюбляется в молодую девушку (ее играет четырнадцатилетняя румынская модель Кэтэлина Лаврич (Catalina Lavric), которую он замечает в кругу танцующих. Монах не должен думать о любовных утехах, поэтому мучимый похотью Тилль старается усмирить свою плоть самобичеванием в компании своих коллег по цеху. Но это происходит ночью, а днем Тилль причащает простодушных горожан, в том числе и девушку, на которую положил глаз. Затем, то ли в фантазиях, то ли на самом деле, она уже разделяет с ним двухъярусную кровать, играя красной розой. Монахи-друзья с недоумением замечают, как Тилль постепенно забывает о данных обетах. Закуривая, монахи явно не одобряют поступок своего предводителя и с сигаретами в зубах молятся (только вот о чем?)

Тем временем девушка приводит Тилля в свой дом, там он, по ее же требованию, убивает родителей своей избранницы, которые, очевидно, стояли у них на пути. Выйдя из дома, где остывают трупы, окровавленный Тилль вдруг видит, как девочка обвиняет его в убийстве, на ее крики из тьмы сбегаются с кольями и вилами жители деревни, а также спевшиеся с ними вчерашние друзья Тилля. Все дружно бьют отступника и тащат его на костер, который поджигает его возлюбленная, друзья тоже не отстают.

На этот раз сюжет клипа в какой-то мере отражает содержание песни: мужчина совершает во имя любви безумный поступок, который приводит его к гибели. Что ж, весьма поучительная история.

Самой провокационной композицией альбома «Rosenrot», безусловно, стала «Mann gegen Mann» («Мужчина с мужчиной»). Зашкаливающей провокационности самой песни о гомосексуализме ни на шаг не уступал клип. На этот раз рамштайновцы решили по-настоящему подразнить гомофобно настроенную публику, хотя, по их собственным словам, они «не собирались никого раздражать». Рихард Круспе: «Многие обиделись на нас из-за видео к этой песне. Но мы не старались никого провоцировать, так само получилось».

Тем не менее появление такого клипа вполне закономерно: на многих форумах поклонники и противники совершенно серьезно спорят об ориентации участников группы, выискивая намеки на латентный гомосексуализм рамштайновцев.

Итак, в клипе Тилль поет перед микрофоном почти голый: если не считать длинный черный парик, на нем только женские сапоги на шпильках и латексные трусы (зрелище не для слабонервных), остальные участники играют нагишом, но прикрываются гитарами, Флаке, соответственно, синтезатором.

Следом идут кадры, в которых голые рамштайновцы копошатся в массе извивающихся мускулистых и маслянистых обнаженных мужских тел.

Ближе к концу ролика Тилль становится все более и более одержимым, изо рта у него высовывается раздвоенный змеиный язык. Наконец другие участники группы сливаются с голыми телами, а Тилль превращается в монстра, и все вокруг погружается в разрушительный хаос. В конце песни Тилль начинает в экстазе рвать на себе волосы.

Обычно клипы придумывают сами рамштайновцы, но в этот раз идея принадлежала режиссеру Ионасу Акерлунду.

Рихард Круспе: «Ионасу хотелось, чтобы было весело и все были голые. Клип и правда крутой. Мы там, блин, точно как геи выглядим. Акерлунд снимал еще клип для Prodigy, „Smack my Bitch up“. Он снимает по-настоящему хорошие клипы. Он точно знает, что делать, и все делает сам. У него отличное чувство ритма. Все это было так интересно, мне клип очень понравился».

Правда, клип не сильно понравился женам и детям музыкантов. Да и многие поклонники группы после этого видео уже не могли спокойно слушать саму песню.

Пауль: «Моя жена и дочка считают, что это просто отвратительное видео. А мы думаем, что идея клипа была замечательной. Мы сделали это, потому что нам так захотелось. Нам кажется очень важным воплощать наши

идеи. Искусство должно пробуждать и волновать людей: это единственная его цель».

Рихард, как ни странно, вспоминал на съемках свое босоное детство: «Поначалу было ужасно странно, так как на площадке было очень много народу. Но через какое-то время привыкаешь. Мы выросли голыми, я помню, как бегал голышом по квартире».

На этот раз клип полностью совпадает с текстом «Mann gegen Mann»:

Мужчина с мужчиной —
Моя кожа принадлежит господам.
Мужчина с мужчиной —
Подобное с подобным охотно соединяется.
Мужчина с мужчиной —
Но мое сердце все же иногда замерзает.
Мужчина с мужчиной —
Холодные языки сражаются здесь.
Голубой!
Меня не интересует природное равновесие,
На мое лицо светит солнце.
Но мое сердце все же иногда замерзает.
Холодные языки сражаются здесь.
Голубой!
Мужчина с мужчиной.

Но вернемся к альбому «Rosenrot». Как признался Тилль в одном из интервью, третий трек в альбоме — «Spring» («Прыгай») — тоже навеян газетной статьей. Тилля поразила не сама история о том, как один человек стоял на небоскребе и хотел покончить собой, а какой-то нездоровый интерес толпы, которая образовала пробку ради того, чтобы поглазеть, а кто-то, кому надоело ждать, кричал: «Прыгай!» Типичной таблоидной истории Тилль дает философское обобщение: «Дни, когда мы помогали друг другу в беде, — в прошлом, и вот это — трагедия, которая была наглядно продемонстрирована катастрофой в Новом Орлеане».

Мрачной безысходности текста вполне соответствует печальный припев и громоподобное соло на фоне death-metal.

Из других песен альбома можно выделить лиричную и грустную балладу «Stirb nicht vor mir» («Не умирай раньше меня»). В этой песне глубокий баритон великолепно сочетается с голосом вокалистки Шарлин Спайтери (Sharleen Spiteri) из шотландской поп-рок команды «Texas». Этой песне вторит меланхоличная композиция «Wo bist du?» («Где ты?»).

А вот трек «Te Quiero Puta» («Я тебя люблю, шлюха») вызвал у поклонников группы неоднозначные оценки. Кому-то эксперимент со стилизацией под латиноамериканские мотивы понравился, а кто-то посчитал его чересчур попсовым. Сам Тилль относится к этой композиции как к некоему вставному зажигательному номеру, необходимому для того, чтобы отдохнуть от предыдущего потока тяжести.

Тилль: «Песня веселая, но подоплека у нее серьезная: гринго едут в дом удовольствий, устраивают шумную вечеринку. Но наш герой влюбляется в проститутку и, конечно, сам себе не хочет в этом признаваться: „Не сердце, а лимон“, — говорится далее. Тем не менее он заявляет: “Я люблю тебя, шлюха!»

Две песни — «Zerstören» («Разрушать») и «Hilf mir» («Помоги мне») — сработаны вполне в духе раннего Rammstein, чем и порадовали ценителей брутального направления в творчестве группы.

«Feuer und Wasser» («Огонь и вода») — очень эротичная и одновременно поэтичная композиция:

Когда она плывет, это прекрасно,
Я могу заглянуть к ней в центр,
Не потому что ее грудь красива,
А просто я плыву за ней.
Пыль искрами вздымается из середины,

Фейерверк вырывается из лона.
Огонь и вода никогда не сойдутся,
Их нельзя ни связать, ни соединить.
Утопая в этих искрах, я стою в пламени
и горю в воде,
горю в воде...

Многие журналисты отметили, что эта песня содержит биографические моменты из жизни Тилля, поскольку он использует метафоры, связанные с водой и плаванием.

И наконец, название последней композиции, спокойной и мелодичной «Ein Lied», так и переводится — «Лирическая песня», она звучит как умиротворяющий итог всего альбома. Многим ценителям раннего творчества Rammstein этот трек напомнил прекрасную песню «Seemann». Спокойные гитарные переборы перемежаются почти меланхоличными, в духе Шуберта, звуками скрипки. Текст не менее удивителен умиротворенностью послания к поклонникам. Тилль как бы размышляет о миссии музыкантов и ответственности перед теми, для кого они поют, как ни пафосно это звучит:

Мы рождены для музыки,
Мы служим вашему слуху.
Всегда, когда вам грустно,
Мы играем для вас.
Ели вы живете безгрешно
И протягиваете друг другу руки,
Если вы не коситесь на солнце,
То эта песня для вас.

Тилль: «Фанаты могут быть уверены, что мы ценим их — и показываем это заключительным треком на „Rosenrot“. Но мы не хотим заискивать или сблизаться. Мы часто спрашивали себя, хотим ли общаться с аудиторией во время концерта, поскольку то, что мы молчим, могло показаться высокомерным. Теперь нас это не волнует. Даже если мы совсем не разговариваем или произносим всего пару слов, мне кажется, что поклонники чувствуют наше с ними единение на живых выступлениях. А мы чувствуем большую отдачу от аудитории, это тоже единение, просто выражается оно по-разному».

Тем временем творческие планы группы на конец 2005 года претерпели вынужденные и существенные изменения. Тур по Южной Америке в поддержку «Rosenrot» пришлось отменить по причине болезни Флаке. Он заразился свинкой, и, как у всех взрослых, она проходила долго и с осложнениями. В связи с этим группа снова решила сделать перерыв.

План рамштайновцев был прост — разойтись в разные стороны, отдохнуть друг от друга и изматывающего десятилетнего периода гастролей, а затем через год или чуть больше собраться и с новыми силами продолжить совместную работу. Так и поступили.

Время вынужденного безделья каждый из участников коллектива посвятил своим проектам в разных областях. Тилль Линдемманн успел сняться в нескольких фильмах (в основном в эпизодических ролях): засветился в артхаусном «Pola X» (барабанщик), в детском «Pinguin Amundsen» сыграл туповатого Виктора — похитителя пингвинов, затем реабилитировался перед защитниками прав животных, сыграв в фильме «Vinzent» доброго заступника братьев наших меньших.

Отдохнуть от работы Тилль отправился в Коста-Рику, где в свое время купил небольшое бунгало. Надо сказать, что Линдемманн предпочитает экстремальный отдых, поэтому, вместо того чтобы поваляться, как все, на пляже, он на собственном опыте решил узнать, что такое южноамериканские джунгли. Тилль: «Мы прошли курс выживания и теперь знаем, как добыть воду для питья из лиан и питаться лимонными муравьями».

В общей сложности Тилль провел в Южной Америке больше трех месяцев, посетив кроме Коста-Рики Аргентину, Чили, Перу, Эквадор и Боливию.

По возвращении из Южной Америки его, как и всю группу, ждал неприятный сюрприз (как в ужастике

Стивена Кинга «Иногда они возвращаются»). Неожиданно для всех о себе напомнил ротенбургский каннибал. Невольно прославившись, этот гурман собрался подать иск против Rammstein за то, что они превратили его историю в достояние общественности. Впрочем, Майвес также предпринимал попытки судиться с некоторыми интернет-изданиями и даже с Голливудом за фильм, снятый по мотивам этого дела. Так или иначе, последствий от этих жалоб рамштайновцы на себе, к счастью, не ощутили.

Между тем кинематограф с легкой руки Дэвида Линча продолжал сотрудничать с группой. На этот раз рекламный ролик к фильму ужасов «Не вижу зла» («See No Evil») снабдили цитатой из «Mein Teil», однако в сам фильм песня так и не попала.

Интерес вызвало и довольно необычное сообщение о том, что среди поклонников группы оказался французский астроном Жан-Клод Мерлен, который назвал один из открытых им астероидов (№ 110393) в честь любимой группы.

Известно, что любой артист, певец в чем-то становится заложником своей роли, ведь поклонникам хочется отождествлять своих кумиров с образами, которые они создают на концертах или в своих клипах. Тем не менее, как признается сам фронтмен группы, он четко разделяет Тилля-Rammstein и Тилля как частное лицо. Свою личную жизнь он не очень-то афиширует. Из обрывков интервью известно, что музыкант наконец нашел женщину, с которой хотел бы встретить старость. Об избраннице известно только, что Тилль познакомился с ней во время своего путешествия по Южной Америке и она хорошо знает испанский. Но о старости пока еще говорить рановато, Тилль полон сил, и ничто человеческое ему не чуждо. Поэтому он много путешествует и любит гонки DTM (Deutsche Tourenwagen Masters — немецкий чемпионат по кольцевым автомобильным гонкам на кузовных автомобилях).

Чтобы как-то напомнить о том, что группа все еще существует, в ноябре 2006 года, на радость фанатам, вышел DVD «Völkerball» («Игра в мяч»), его выпуск первоначально был запланирован еще в 2004 году. Долго не могли решить, как оформить обложку, и в конце концов использовали стилизацию эмблемы московской Олимпиады-80. Опять ироничный ответ на ностальгию по прошлым временам. DVD состоит из трех отрывков концертов (в Москве, Токио и Лондоне) и шоу на «Les Arenes De Nimes» (концерт во Франции, состоявшийся в 2005 году), которое вошло целиком. Сразу после выхода альбом взобрался на верхние строчки списков популярности во всей Европе.

Практически все ребята, кроме Рихарда, посвятили время творческого отпуска отдыху и личной жизни. Лишь неутомимый гитарист так и не смог остановить свои музыкально-творческие порывы. Рихард вернулся в Нью-Йорк, где вплотную занялся начатой еще несколько лет назад сольной карьерой. Впрочем, у остальных ребят это обстоятельство вызвало скорее вздох облегчения, чем какое-либо беспокойство. Тилль: «Рихард как-то спросил нас, может ли он делать что-то свое параллельно с Rammstein, и мы коллективно дали ему добро. Он всегда приносил 8 группу очень много творческих идей, и не все они находили применение, потому что и другие участники группы хотели внести что-то свое».

Emigrate

Рихард переехал в Нью-Йорк еще в 2001 году. Формальной причиной переезда тогда стал брак с американской актрисой Карен Бернштайн. Впрочем, как теперь стало очевидно, истинных причин переезда было гораздо больше.

Рихард: «Вначале мне просто хотелось новых ощущений. Темный и сумрачный Берлин действовал на меня негативно. Когда в группе начались проблемы, все это накапливалось внутри меня, пока не достигло апогея. Я понял, что мне просто необходимо уезжать из Берлина в любой другой город, чтобы побыть вдали от группы, чтобы она не развалилась. У меня была огромная, просто физическая потребность дистанцироваться от группы, мне хотелось, чтобы обо мне все забыли, будто меня вообще нет».

Сейчас Рихард признается, что тогда в его жизни была еще одна проблема — наркотики: «Работа в Берлине оказывала на меня просто разрушающее действие. Жизнь летела под откос. Все зашло слишком далеко и стало слишком опасным. И тогда осталось только выбрать, что ты хочешь — жить или умереть. Я выбрал жизнь! Я не стал ложиться в реабилитационную клинику, а занялся самолечением и изменением своего внутреннего мира».

Восстановительная терапия постепенно вернула Рихарда в норму. Правда, брак его довольно быстро распался, и первые годы своей американской жизни он провел в одиночестве. Впечатления от переезда и начала жизни в

Нью-Йорке нашли творческий выход в созданном Рихардом проекте с говорящим названием «Emigrate». Сочинительство на английском не сразу принесло автору творческое удовлетворение. Вначале выразить в текстах то, что он хотел, помогала жена: «Мы работали над текстами вместе. Мне было сложно создавать фразы, наиболее подходящие для песни, постоянно не хватало нужных слов, для меня это было что-то вроде тренировки». Жизнь постепенно налаживалась. Рихард переехал из маленькой комнаты в отеле, где начинал свою заокеанскую жизнь, в свой собственный трехэтажный дом в районе Сохо. Дом по адресу Engine 55 оказался бывшим зданием нью-йоркской пожарной части и сразу приглянулся Рихарду. Необычная планировка и большая площадь легко позволили оборудовать в нем шикарную студию и комфортное место для жизни не только Рихарда, но и его друзей. Путь к творческой самореализации был теперь полностью открыт. «Я начал писать песни, не думая, что из этого вообще получится, — вспоминает Рихард, — и уже позже мне пришла мысль, что самое время сделать то, о чем я всегда мечтал. Пришло время стать певцом, а не только гитаристом, пора петь свои собственные песни». Рихард начал усиленно заниматься вокалом, даже привлек преподавателя (работавшего до этого, кстати, с Миком Джаггером), но поначалу не все шло гладко, и мысль, не взять ли в группу профессионального вокалиста, его не покидала. Однако друзья и коллеги поддерживали стремления начинающего певца: «Они говорили мне: раз ты сам написал эти песни, тебе и надо их петь. Звучание голоса, в конце концов, не самое главное, гораздо важнее передать эмоцию песни, донести мысль, которую хотел». Кстати, о друзьях. В проекте приняли участие Саша Мосер (с которым Рихард играл вместе в еще дораммштайновском Orgasm Death Gimmick, сейчас он отвечает за компьютерную часть записи), Хенка Йохансон (из группы Clawfinger), Арно Жиро (французский басист, с которым Рихард познакомился уже в Нью-Йорке) и гитарист Ольсен Инвольтини. Работа над первым альбомом группы Emigrate, получившим одноименное название, проходила в Нью-Йорке, Берлине и Стокгольме. Помимо приглашенных в проект музыкантов Рихарду помогли уже знакомые по работе с Rammstein шведский продюсер Якоб Хеллнер и звукорежиссер Штефан Глауманн.

Рихард: «Я пригласил Якоба, потому что группа, которую я собрал, могла просто не состояться как цельная команда, был риск несыгранности. Я решил перестраховаться, так как хорошо знаю Якоба и был уверен, что на его опыт можно положиться».

Самым сложным в работе, по словам Рихарда, было отойти от того, что они делали раньше с Rammstein: «Штефан вначале пытался сделать все так же. Но после недели проб я понял, что это не сработает, и тогда я попытался передать ему свою идею кубического звука. Мне с самого начала хотелось, чтобы Emigrate звучали кубически. Идея с кубом постоянно была у меня в голове. Я не знаю, откуда она взялась, но куб получился практически везде: на обложке, на видео, в звуке. Не могу сейчас точно выразить, что это значит. Для меня черный куб — это образ нового мира. Сочиняя песни для Emigrate, я пытался идти другим путем, чем Rammstein. Именно поэтому мой основной инструмент — гитара — оказался в этом альбоме на первом плане».

Альбом из тринадцати композиций увидел свет в сентябре 2007 года и получил неплохие отзывы в прессе. Одна из главных композиций альбома, «My World», звучит в очередном фильме серии «Resident Evil» («Обитель зла»). На нее же был снят клип, который только на YouTube посмотрели более миллиона раз. Идея клипа (пустыня и куб) родилась у Рихарда как раз после просмотра рекламного ролика к «Обителям». Кадры из фильма и съемки музыкантов сведены в клипе в единое целое.

Второй композицией, на которую был снят клип, стала «New York City», выразившая ощущения Рихарда от города, ставшего для него родным. Рихард: «Когда я думаю о Нью-Йорке, он ассоциируется у меня с женщиной, этот город женственен и сексуален. Поэтому мы решили, что для клипа нужна девушка, которая олицетворяла бы город. Получилось своеобразное возвращение в восьмидесятые. Друзья рассказывали мне, что тогда Нью-Йорк имел славу сексуальной столицы». В клипе фигурирует кресло, изготовленное в виде логотипа группы. После съемок Рихард хотел было забрать его домой, но пришлось просто выбросить: «Мы пытались втащить его через дверь, но ничего не вышло, его только краном можно было ко мне поднять, но через окно его тоже было не пропихнуть».

В целом, характеризуя дебютную сольную работу Рихарда, можно констатировать, что она была в большей степени способом осуществить мечты и стремления, не находившие в Rammstein полной реализации, нежели успешным коммерческим проектом.

Тем не менее этот альбом добавил музыканту популярности и даже пришелся по душе многим из тех американцев, которые «не переваривают» Rammstein. Сам Рихард считает, что Rammstein в Америке всегда будет необычным и экзотичным, но никогда не станет дико популярным: «Все дело в языке. В Emigrate остается многое от немецкой музыки, но язык другой, именно в этом причина такой реакции. Я был очень удивлен тем,

что здесь, в Америке, я получил столько положительных отзывов о моей работе».

До живых концертов группы дело пока так и не дошло, тем не менее Рихард намерен продолжать этот проект в свободное от Rammstein время.

Живее всех живых

Первые сведения о возобновлении деятельности Rammstein начали поступать лишь в 2008 году. После более чем двухгодичного перерыва собрать весь коллектив вместе оказалось непросто.

Однако когда общее собрание все же состоялось, выяснилось, что идея «отдохнем друг от друга, соберемся, и все получится само собой» не сработала.

Рихард: «Не было никакого нового духа. За время отпуска мы сильно отделились друг от друга. Понадобилось очень много времени, чтобы к нам вернулась уверенность, необходимая для нормального совместного творчества».

Рихард, засидевшийся в студиях, хотел прежде всего быть на сцене и агитировал за новый гастрольный тур, однако «раммштайновская демократия», при которой все решения принимаются только после всеобщего одобрения, заставила его подчиниться большинству. Решено было сначала записать альбом, а уж потом отправиться на гастроли с новым материалом. Подготовка шла медленно и далась раммштайновцам очень тяжело. Совместить шесть разных представлений о том, как должен выглядеть результат, было действительно почти непосильной задачей.

Пауль: «Мы, безусловно, хотели, чтобы этот альбом отличался от предыдущих. Но на этом наша общность заканчивалась. Наш басист Оливер любит странные, зловещие и пугающие ритмы. Флаке хочет всегда чего-то оригинального и не любит простых гармоний. Шнайдер любит метал. Тиллю нравится все — от классики до готики. Рихард любит рок. А я вообще не делю музыку на направления. Я просто хочу делать нечто такое, что не делает никто!»

Работа над альбомом началась в Америке, в студии «Sonoma Mountain», расположенной севернее Сан-Франциско. «Мы выбираем место для работы в надежде, что оно вдохновит нас или хотя бы позволит отдохнуть, — рассказывает Рихард. — Наша музыка обычно холодная и мрачная, и когда мы выходим после работы на улицу, совсем не хочется идти по снегу и по темному Стокгольму, например. Хочется расслабиться на солнышке или немного развлечься. В Америке такое место как раз легко найти».

Справедливости ради надо упомянуть, что первые попытки что-то записать были сделаны чуть ранее в Лос-Анджелесе, — студия находилась в доме, в котором в свое время снималась большая часть сцен фильма «Шоссе в никуда». Но из этого ничего не получилось, так как студийное оборудование, по мнению музыкантов, было настроено не под их стиль.

Таким образом, большая часть альбома записывалась как раз в солнечном и теплом Сан-Франциско. Затем в Лос-Анджелесе были дописаны вокал и гитары. Финальным сведением занимался, как всегда, Якоб Хеллнер, и, как всегда, в Стокгольме. Результат работы — семнадцать песен, из которых для альбома были отобраны, как обычно, одиннадцать. Как мы теперь можем услышать, результат идейных разногласий превратился в нечто большое и цельное. Рихард по этому поводу пришел к оригинальному умозаключению: «В Rammstein между нами всегда должна быть какая-то напряженность, чтобы получилось что-то значительное!»

В целом альбом, получивший после долгих споров название «Liebe ist für alle da» («Любовь есть для всех»), оставляет благоприятное впечатление прежде всего потому, что его звук во многом — возвращение к принципам раннего Rammstein. Он тяжел и не разбавлен, энергичен и, по меткому замечанию самих раммштайновцев, «полон огня и жизни».

А в остальном — все как всегда. Тилль написал для альбома полные черного юмора и самоиронии, местами зловещие тексты.

Открывает «Liebe ist für alle da» композиция «Rammlied» («Рамм-песня»), выдержанная в традиционном раммштайновском стиле, по сути она является своеобразным новым гимном группы. После помпезного вступления:

Тому, кто терпеливо умеет ждать,

Награда будет всласть!
Теперь конец всем ожиданиям,
Послушайте одно преданье... —

следуют традиционные взрывные рефрены и зубодро бильные металлические аккорды, передающие эффект массовой истерии. В этой глубоко самоироничной композиции рамштайновцы предстают в образе диктаторов, ведущих за собой покорные народные массы, и заодно не просто говорят, скорее кричат: «Rammstein вернулся!!!»

Одни ведут за собой, другие следом,
Сердцем и душой вместе, рука в руке!
Вперед и вперед, не стоять на месте!
Чувства и формы обретают смысл!

Когда в радости тебе печально
И ночь без звезд,
Когда ты один и тебе одиноко,
Мы здесь, включайся скорей!!!

Следующая композиция альбома, «Ich tu dir weh» («Я делаю тебе больно»), посвящена извращенному сексуальному насилию и весьма прямолинейна по тексту:

Ты живешь только для меня,
Я украшаю твое лицо синяками,
Ты принадлежишь мне целиком,
Ты любишь меня потому, что я тебя не люблю.
...
Я делаю тебе больно,
И мне не жаль,
И тебе от этого хорошо,
Слышите крики?

Композиция «Weidmanns Heil» («Удачной охоты»), записанная тоже в быстром и жестком стиле, сопровождается звуками охотничьих рожков. Эта песня, навевающая образы страшной сказки, — своеобразная ода охоте. Но не на зверей, а на неких сказочных «молодых ланей», для большей очевидности это можно было прямо назвать «охотой на самку человека»:

Лань попадает в прицел,
Она нежилась в высоком тростнике,
Она оставила след в сосновом лесу,
Она блеснула зеркалом.
...
Она чувствует всю силу выстрела,
Капли пота струятся по коленям.
...
На суше и на море
Кроется ее погибель,

Тварь должна сдохнуть!
Удачной охоты!

Электро-блюзовая композиция «Haifisch» («Акула»), с одной стороны, очевидно, навеяна путешествиями Тилля по Южной Америке, прибрежные воды которой кишат этими малоприятными морскими существами. Но с другой, как это ни странно, посвящена дружбе и взаимопомощи. Упомянутые же в тексте «шесть горящих сердец» говорят нам о более точной привязке текста:

Мы держимся вместе,
Мы поддерживаем друг друга,
Мы держимся друг за друга, мы держим удар,
Никто не удержит нас в узде!

...

А у акулы тоже есть слезы,
И они бегут по ее лицу,
Но акула живет в воде,
Поэтому слез никто не замечает.

...

На глубине так одиноко
И проливается столько слез,
Оттого и получается,
Что вода в морях такая соленая.

Композиция с зашифрованным названием «B*****» уже одной своей загадочностью привлекает внимание и наводит на мысли о чем-нибудь не слишком приличном. Обычно рамштайновцы стараются не объяснять смысл своих песен или названий, оставляя это слушателям. Однако в данном случае, по их словам, в заглавии запрятано несуществующее и особо ничего не означающее слово «Bueckstabu», придуманное Тиллем. Каждый может переводить его, как захочет. Текст песни повествует о внутренней борьбе человека с самим собой, о раздвоенности сознания, о борьбе светлого и темного в душе каждого:

Не бойся, я же здесь,
Я же совсем рядом с тобой,
Голоса шепчутся позади меня
И говорят мне, и говорят:
Не делай этого, оставь как есть!
Не прикасайся, просто скажи — нет!

Баллада «Frühling in Paris» («Весна в Париже») выделяется на фоне всего альбома своей инородностью. Она не только медленная, не только неожиданно романтическая, но и записана в несвойственном Rammstein стиле — с акустической гитарой и с французским вокалом в припеве. О включении ее в альбом среди рамштайновцев,

говорят, возникли долгие споры. Тем не менее песня открывает новые мелодические возможности группы и все растущие способности Тилля как вокалиста. Текст этой красивой композиции, естественно, о любви, об отношениях молодого и весьма неопытного человека с настоящей искуссительницей... естественно, в романтическом Париже:

В светящемся платье подошла она ко мне,

Я помню это как вчера,
Я был так молод и смущен,
Но никогда об этом не жалел!

...

Нет, ни о чем!
Нет, я не жалею ни о чем!
Когда я оторвался от ее тела,
В Париже цвела весна!

Драматичная композиция «Wiener Blut» («Венская кровь») с нервным вокалом на фоне струнных написана Тиллем по отработанному алгоритму: «Утром в газете — вечером в куплете». Посвящена она, как легко догадаться, получившему скандальную огласку делу Йозефа Фритцля. Этот с виду приличный, ни в чем плохом не замеченный австрийский бюргер, как оказалось, более двадцати лет удерживал в подвале своего дома собственную младшую дочь, регулярно ее насиловал, и за все эти годы она родила от него семерых детей. Мимо такой шокировавшей всю мировую общественность истории раммштайновцы, безусловно, пройти не могли. Что делает простого, казалось бы, ничем не примечательного мужчину маньяком? Как одиночество, отсутствие разрядки, эгоизм и невнимательность окружающих делают из обычного человека монстра? В тексте песни Тилль снова предстает перед нами в скандальном, но типичном для него образе героя с раздвоенной личностью:

Иди со мной, войди в мой замок,
Там будет весело на нижнем этаже,
Но тише, ведь шуметь не надо,
На время власть времени исчезнет,
И рай расположится в подвале дома,
Дверь закроется, и свет погаснет!

...

Вы готовы?
Как далеко вы готовы зайти?
Добро пожаловать во тьму!
В одиночество!
В грусть!
Навечно!

Безусловно, эта композиция является самой скандальной на этом альбоме, нет сомнений в том, что она вызовет новые нападки на группу. С другой стороны, с музыкантами нельзя не согласиться: действительность намного страшней того, что мы слышим в их песнях, и вовсе не они выдумывают все ужасы жизни нашего общества, они лишь интерпретируют их в своем ключе.

Задорная и энергичная «Pussy» (название, которое скромно можно перевести как грубое наименование женского полового органа), безусловно, одна из заглавных и хитовых композиций альбома. Возможно, она и вызовет нарекания от поклонников чисто металлической составляющей творчества группы, но ее прямой, веселый и откровенно пошловатый текст возвращает слушателя в обычную раммштайновскую колею. «Мне нравится „Pussy“, — говорит Рихард, — она содержит пошлый юмор, на котором все мы выросли». Песня с англоязычным припевом, вообще говоря, посвящена секс-туризму, получившему в последние годы в Германии широкое распространение благодаря открытым границам со странами Восточной Европы. Всем, кто когда-либо пересекал наземную немецкую границу с востока, известно, какой масштаб приняло это явление. Однако, как и во многих других случаях, общество предпочитает закрывать глаза и стыдливо отворачиваться от происходящего. Можно, конечно, не заметить в этой развеселой композиции ничего кроме разухабистого припева:

У тебя есть п...,
У меня есть х...,
В чем проблема,
Давай сделаем это по-быстрому!

Но даже такие веселые образы в этой песне, как «жареная сосиска», теряющаяся в «твоей кислой капусте», на самом деле — проявления глубокой национальной самоиронии Тилля, показывающей всю убогость и ненормальность происходящего:

Отымей меня, пока не поздно,
Жизнь коротка, и я не могу ждать,
Бери меня немедленно! Разве тебе не понятно,
Мне же никто не дает в Германии!

Заглавная композиция альбома, «Liebe ist für alle da», посвящена превратностям любви, секса и насилия:

Когда я закрываю глаза,
Она со мной,
Ее силуэт
В фантазии моей.
Когда я закрываю глаза,
Она не сопротивляется,
Любовь есть для всех,
Но не для меня.

...
Когда я закрываю глаза
И мы одни,
Я держу ее крепко, но ее слез никто не видит,
Она закрывает глаза и больше не сопротивляется,
Любовь есть для всех,
Даже для меня.

Пронзительная своим выразительным вокалом и быстрыми гитарными риффами «Mehr» («Больше») — песня не только о жадности, но и о неразборчивости во всем:

Того что у меня есть, мне слишком мало,
Мне нужно много, очень много,
Мне нечего подарить,
Зачем отказываться от чего-то!
Я, конечно, обеспечен,
Но это не дает мне покоя,
Скромность? Этого у меня тоже не отнять,
Я беру все,
Даже самое плохое!

Финальная композиция альбома — спокойная и размеренная «Roter Sand» («Красный песок») — повествует о

любви и ревности с криминально-кровавым оттенком:

Одна любовь, два пистолета,
Один направлен мне в лицо,
Он говорит, что я украл тебя,
Он и не знает, что ты любишь меня.

...

Красный песок и две пули,
Один умрет в поцелуе с ней,
Другой не пощадит свою цель,
И теперь она сидит глубоко в моей груди...

Альбом «Liebe ist für alle da» увидел свет 16 октября 2009 года. Его выходу предшествовал сингл «Pussy», выпущенный месяцем раньше. Выбор «Pussy» в качестве «затравки» был не случаен. Как всегда, рамштайновцы взяли одну из самых заводных и провокационных песен. Но клип на нее вышел еще скандальнее. Рихард так описывает историю появления порноролика «Pussy»: «Мы решили, что клип на эту песню может оказаться весьма интересным, и обратились к нашему любимому режиссеру, Йонесу Акерлунду. Шансы, что он возьмется за съемки, были пятьдесят на пятьдесят. Йонес мог посчитать песню прекрасной, а мог отвратительной. И вот три часа спустя мы получаем от него мейл следующего содержания: „Я послушал это. Давайте устроим революцию — снимем порноклип?“ Я никогда не забуду реакцию парней. Надо было видеть выражения их лиц и улыбки все шире и шире. Они переглянулись и дружно сказали: „Мы согласны!“»

Съемки клипа, включающего откровенные порносцены, прошли в Берлине в августе и весьма позабавили рамштайновцев. Надо отметить, что снимались профессиональные порноактеры и все сцены были настоящими. И хотя подлинность некоторых органов рамштайновцев не удостоилась их комментариев, клип получился на редкость откровенным. Когда работа была закончена, быстро стало понятно, что попытки сделать из отснятого материала какой-то более-менее цензурный телевизионный вариант обречены на провал. В конце концов цензурная версия все же была сделана, в ней терялся весь угарный, хулиганский запал песни. Но задача клипа — проторить дорогу выходящему альбому, и без выхода на массовую аудиторию выбор именно этой композиции для сингла просто терял всякий смысл. Тогда участниками коллектива совместно с менеджментом было принято неожиданное с коммерческой точки зрения, но единственно правильное решение — пойти против всех правил, отказаться от телевизионной раскрутки и все усилия перенести в интернет-пространство. Еще одной причиной такого нетривиального хода была нескрываемая обида на телевизионщиков, четко сформулированная Рихардом: «Я помню, как в начале нашей карьеры мы были абсолютно зависимы от MTV и прочих. Нам приходилось прогибаться много раз, чтобы наши клипы ставили в эфир. Меня всегда бесил этот факт. Но теперь есть другие пути, если ты действительно чего-то хочешь и готов приложить усилия. Это было больше на подсознательном уровне, мы просто хотели попробовать что-то новое».

Клип «Pussy» появился в Сети в сентябре 2009 года, причем был официально выложен не на сайте группы, а именно на порнопортале. Поклонники группы немедленно начали перекачивать клип в различные социальные и обменные Сети, администраторы которых принялись так же последовательно его уничтожать, и пошло-поехало... Результат оказался просто феноменальным — за первую неделю клип скачало более шести миллионов человек.

Стоит ли удивляться, что сингл «Pussy» мгновенно взлетел на вершины хит-парадов всего мира, а интерес к группе день ото дня рос как на дрожжах. Поэтому вполне естественно, что выпущенный месяц спустя альбом «Liebe ist für alle da» так же немедля оккупировал первые строчки европейских и американских чартов.

Для истинных рамштайновцев следует упомянуть о вышедшем одновременно лимитированном издании альбома. В нем в дополнение к одиннадцати основным композициям представлены еще пять дополнительных: оркестровая версия «Roter Sand», а так же новые, ранее неизвестные песни: «Fähre mich» («Веди меня»), «Donaukinder» («Дети Дуная»), «Halt» («Остановитесь») и «Liese» («Лиза»).

Еще одним веселым рамштайновским приколом, безусловно вдохновленным громовым успехом клипа «Pussy», явился выпуск специального подарочного чемоданчика, который содержит не только лимитированное издание альбома, но и наручники, лубрикант и шесть вибраторов различной длины и ширины, сделанных, по

слухам, со слепков соответствующих частей тела участников развеселого коллектива. Набор, которым рамштайновцы как бы говорят «Счастья вам, женщины!», продается в европейских магазинах по цене двести евро.

Рамштайновские приколы и хулиганства, как всегда, не у всех нашли понимание, особенно в родной Германии. Спустя месяц после выхода в свет сопровождаемого скандалами альбома, когда рамштайновская слава вновь достигла своего апогея, власти решили немного приструнить распоясавшийся коллектив. Германский комитет по изучению влияния аудиовизуальной продукции на молодежь счел оформление альбома слишком вызывающим и пропагандирующим садомазохизм (напомним, что на обложке альбома изображена сцена, заимствованная рамштайновцами из нескольких классических картин Рембрандта, вроде «Данаи» и «Урока анатомии доктора Тулпа», только в их варианте полуклассическая Даная окружена участниками коллектива, явно готовящимися полакомиться ее прелестями, что наглядно демонстрирует Тилль, замахивающийся на нее разделочным ножом). В результате в Германии был введен запрет на открытую продажу альбома, а также на его продажу несовершеннолетним, и диск вынужденно перекочевал с открытых витрин на специальные полки. На этом обструкция не закончилась. Запрет на публичное исполнение коснулся также композиции «Ich tu dir weh», содержание которой сочли неприличным. Ну а в невозможности публичного показа клипа «Pussy» никто и не сомневался.

В многолетней и скандальной истории Rammstein за последние пятнадцать лет бывало всякое, но до такого «официального признания» еще никогда не доходило...

Впрочем, все эти новости коллектив встретил в радостном настроении в преддверии начала нового концертного тура. Пробный концерт с демонстрацией нового шоу состоялся 27 октября в берлинском клубе «Black Box», куда именными приглашениями позвали друзей, родственников, сотрудников и избранных членов фан-клуба в количестве около двухсот человек. Прокатав программу «на своих», неделю спустя рамштайновцы отправились в новый большой тур, стартовавший 8 ноября в Лиссабоне. Начав с западной оконечности Европы, веселый рамштайновский цирк шапито начал движение в восточном направлении и в 2010 году практически неизбежно снова доедет и до двух российских столиц. Благодаря уже состоявшимся концертам известно, что в новом концертном шоу звучат песни альбома «Liebe ist f#252;r alle da» и всем известные рамштайновские хиты. Много новых спецэффектов. Ребята появляются на сцене из гигантских труб, прокладывая себе дорогу дубинками. Тилль выходит на сцену в красном фартуке мясника. На протяжении нескольких песен он, как уже сложилось на прошлом шоу, постоянно издевается над несчастным Флаке — то топит клавишника в гигантской ванне, то поливает с четырехметрового столба лавиной огня. Во время исполнения «Benzin» Тилль поджигает людей из бензозаправочного шланга, а во время заводной «Pussy» заливает впереди стоящих зрителей пеной из гигантской пушки-члена. И как всегда, море огня... Впрочем, русская поговорка о том, что все это лучше один увидеть, чем сто раз услышать или прочитать, как нельзя лучше подходит к описываемому на этих страницах.

Rammstein были и остаются прежде всего концертной группой, и в этом они весьма преуспели, гордо неся эстафету, переданную им рокерами восьмидесятых. На протяжении почти пятнадцатилетней истории группа пережила множество взлетов и кризисов, была близка к распаду и на годы исчезала в тень. Но, несмотря ни на что, дружба, уважение к чужому мнению и взаимовыручка, заложенная на гэдээровских кухнях и закаленная во дворах, дружба, называемая «рамштайновской демократией», позволяет этому уникальному коллективу долгие годы быть вместе и радовать своих поклонников новыми интересными альбомами, веселыми и скандальными выходками и угарными концертными выступлениями. Вспоминается фраза Уинстона Черчилля, под которой рамштайновцы безусловно бы подписались: «Демократия — худший способ управления, но все другие способы, когда-либо испробованные человечеством, еще хуже». Нам остается лишь пожелать им успехов и, окинув взглядом историю группы, поставить вместо точки полное надежд многоточие, потому что...

Rammstein Forever!!!